

ВЕСТНИК

КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ

ЖУРНАЛ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ И ПРИКЛАДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

№ 1

Кемерово 2006

Печатается по решению ученого совета ФГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет культуры и искусств».

Главный редактор: Кудрина Е. Л., доктор педагогических наук, профессор, ректор КемГУКИ;

Зам. главного редактора: Марков В. И., доктор культурологии, профессор, проректор по научной работе КемГУКИ;

Ответственный секретарь: Шунков А. В., кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой литературы.

Редакционная коллегия:

Астахов О. Ю., канд. культурологии, доцент;

Афанасьева Э. М., канд. филол. наук, доцент;

Гусева О. В., канд. культурологии, доцент;

Егле Л. Ю., канд. культурологии;

Елисеенков Г. С., доцент;

Миненко Г. Н., д-р культурологии, профессор;

Мирошниченко Л. В., канд. пед. наук, доцент;

Пономарев В. Д., д-р пед. наук, профессор;

Туев В. В., д-р пед. наук, профессор.

Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств [Текст]: журнал теоретических и прикладных исследований / Кемеровский государственный университет культуры и искусств. – Кемерово: КемГУКИ, 2006. – № 1. – 180 с.

ISBN 5–8154–0134–x

ISBN 5–8154–0134–x

© Кемеровский государственный университет культуры и искусств, 2006

ПРЕДИСЛОВИЕ

Уважаемые коллеги!

Выход в свет первого номера научного журнала «Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств» – это важное событие в жизни нашего университетского сообщества.

Многими поколениями ученых Кемеровского государственного университета культуры и искусств на протяжении более трех с лишним десятилетий закладывались научные основы гуманитарного знания в области социально-культурной деятельности и информационной культуры личности, истории и теории культуры, культурологии и музыкального искусства, педагогики и психологии, хореографии и театрального искусства. Этот научный опыт представляет собой наши общие достижения, необходимые для продвижения образования, науки и культуры в Кузбассе и России. А имена профессоров С. А. Сбитнева, П. И. Балабанова, Н. И. Гендиной, Н. И. Колковой, А. М. Кулемзина, А. И. Мартынова, Г. Н. Миненко, И. С. Пилко, М. Е. Сорокина, В. В. Туева, А. В. Циркина – это не только престижный научный имидж университета, а интеллектуальное достояние всей России.

«Вестник» – результат межвузовского сотрудничества ученых, занимающихся изучением широкого круга проблем культурологического, искусствоведческого, философского характера (статьи Л. А. Ходанен, С. С. Сермягиной, М. А. Бологовой, Е. А. Мироненко). Развитие такого сотрудничества создает благоприятную основу формирования межрегиональной научной среды, обеспечивающую социально-культурное развитие Сибири, содействующую вхождению Сибири в научно-образовательное и культурное пространство современной цивилизации.

Сегодня наш вуз – ведущий университетский комплекс Западной Сибири по подготовке специалистов высшей квалификации в сфере культуры, искусства и известный в России научный центр, с которым активно сотрудничают российские и зарубежные научно-исследовательские учреждения и учебные заведения, такие как Международная академия информатизации, Международная академия наук высшей школы, Российская академия образования, Российская академия естественных наук, Институт философии РАН, Российский институт культурологии РАН, Российский комитет программы ЮНЕСКО «Информация для всех», Международная федерация библиотечных ассоциаций, Российская библиотечная ассоциация и многие другие.

Читатели первого номера «Вестника» имеют возможность познакомиться с работами выдающихся отечественных ученых, представляющих научную школу и университетские традиции Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств (С. Н. Иконникова, В. Е. Триодин, О. Л. Орлов).

Духовная необходимость – конечная цель любой педагогической стратегии. Первый номер научного журнала «Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств» посвящается 100-летию со дня рождения Д. С. Лихачева – выдающегося ученого и настоящего российского интеллигента. В этом случае «Вестник» отражает общественное предназначение университетского образования, которое ни в коем случае нельзя рассматривать только как процесс усвоения знаний и научных достижений. Необходимо определять его как процесс личностного становления и развития. Мы исходим из того, что образование, наука и творчество в университете должны находиться в одном

смысловом поле с моралью, нравственностью, духовностью и противостоять вульгарности, пошлости, банальности и посредственности. Мы хотим, чтобы процесс воспитания личности российского интеллигента и «передача культуры» в стенах нашего вуза получили свое дальнейшее развитие.

«Вестник» дает нам представление об уникальной университетской традиции соотношения культуры, профессии и науки, которая соответственно определяет модель организации университетской жизни. Университет сегодня развивается как принципиально новая междисциплинарная среда для образования, науки и творчества. Научно-творческий комплекс – вот весьма значимое его определение, охватывающее все стороны нашей университетской жизни и профессиональные взаимоотношения, где плодотворная и результативная научно-исследовательская деятельность ведущих ученых университета выступает условием для формирования научных и творческих школ, разработки передовых социально-культурных и информационных технологий, определяет стратегию развития университетского образования и художественно-творческой деятельности вуза, обеспечивает последовательную и системную интеграцию университета в культурное и образовательное пространство Сибири и России.

Сознавая ответственность за будущее российского университетского образования и науки, в первом номере научного журнала «Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств» мы уверенно определяем свою миссию «передачи культуры» – образование, наука и творчество для качественной подготовки и воспитания личности, воплощающей образ российской интеллигенции на основе высокой духовности и непреходящих традиций отечественной культуры, способной к творческой, компетентной и ответственной профессиональной деятельности в сфере культуры и искусства в условиях многополярного и меняющегося мира.

Ректор университета,
доктор педагогических наук, профессор,
академик МАН ВШ, академик МАИ,
член-корреспондент РАЕН,
заслуженный работник культуры
Российской Федерации

Е. Л. Кудрина

ПАМЯТИ АКАДЕМИКА Д. С. ЛИХАЧЕВА

23 мая 2001 г. Президент Российской Федерации В. В. Путин подписал указ № 587 «Об увековечении памяти Д. С. Лихачева». Наследие академика Дмитрия Сергеевича Лихачева является гордостью отечественной науки. Гуманитарные исследования в области литературы и лингвистики, культуры и истории Древней Руси невозможно представить без обращения к трудам ученого. Поэтому знаменательным является тот факт, что именно 2006 год провозглашен Президентом годом гуманитарных наук, годом академика Д. С. Лихачева. В стране проходят многочисленные мероприятия (научные конференции, чтения, издание книг ученого и др.), посвященные юбилейной дате.

22–27 мая 2006 г. в связи с празднованием 100-летия академика Д. С. Лихачева Кемеровский государственный университет культуры и искусств совместно с Кемеровским государственным университетом провел межвузовскую научную неделю «Д. С. Лихачев и русская культура» с серией мероприятий, посвященных творчеству Д. С. Лихачева.

В рамках научных чтений состоялись публичные лекции ученых, близко знавших Д. С. Лихачева: Е. К. Ромодановской, чл.-кор. РАН, доктора филологических наук, профессора, директора Института филологии СО РАН (г. Новосибирск), и О. Н. Бахтиной, доктора филологических наук, профессора Томского государственного университета.

Редакционная коллегия «Вестника КемГУКИ» сочла своим долгом открыть первый номер журнала разделом «Памяти академика Д. С. Лихачева». В данный раздел вошли статьи, посвященные проблемам, которые нашли свое отражение в исследованиях академика: древнерусская литература, археография, история русской культуры.

А. В. Шунков

*кандидат филологических наук, доцент,
зав. кафедрой литературы*

Кемеровский государственный университет культуры и искусств

АКАДЕМИК ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ ЛИХАЧЕВ (к 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

В истории русской науки есть люди, сыгравшие особую роль в ее развитии. Их имена являются нравственным ориентиром не для одного поколения ученых, педагогов, студентов. Именно к таким людям и относится академик Дмитрий Сергеевич Лихачев (28 [15] XI.1906–30.IX.1999). **Насколько значимо имя академика для народа, стало ясно после его смерти.** С Дмитрием Сергеевичем прощались и простые петербуржцы, и представители государственной власти. По воспоминаниям очевидцев, весь Петербург в тот год воспринял смерть академика как невосполнимую утрату, как «конец целой эпохи» в истории русской культуры XX века [1]. «С Дмитрием Сергеевичем Лихачевым от нас уходит невосстановимый культурный тип. Увы, таких людей мы больше не увидим», – сказал об ученом в интервью «Литературной газете» С. С. Аверинцев [2]. Прошло семь лет с момента ухода из жизни Д. С. Лихачева, но память о нем, его научное наследие до сих пор продолжают оказывать свое научное и общественное влияние,

оставаясь неотъемлемой частью русской истории, культуры XX века. Подтверждением тому является решение Президента Российской Федерации – объявить 2006 год годом академика Д. С. Лихачева.

Научное наследие академика многообразно и велико, насчитывает более двух тысяч работ [3]. Это работы исторического характера, публицистические статьи, исследования, касающиеся вопросов лингвистики [4], и во всех своих аспектах его научная деятельность напрямую связано с фундаментальными проблемами непрерывного тысячелетнего развития русской литературы и культуры. Но на протяжении всей научной работы академика предметом его исследований непременно оставалась эпоха Древней Руси, насчитывающая в своем развитии семь веков. Этот колоссальный труд оценивается современниками как гражданский подвиг ученого. Позже в воспоминаниях Д. С. Лихачев так опишет время своей юности, когда обозначился интерес к эпохе Древней Руси: «Чем шире развивались гонения на церковь и чем многочисленнее становились расстрелы на “Тороховой два”, в Петропавловке, на Крестовском острове, в Стрельне и т. д., тем острее и острее ощущалась всеми нами жалость к погибающей России. Наша любовь к родине меньше всего походила на гордость Родиной, ее победами и завоеваниями. Сейчас это многим трудно понять. Мы не пели патриотических песен, – мы плакали и молились. И с этим чувством жалости и печали я стал заниматься в университете с 1923 г. древней русской литературой и древнерусским искусством. Я хотел удержать в памяти Россию, как хотят удержать в памяти образ умирающей матери сидящие у ее постели дети, собрать ее изображения, показать их друзьям, рассказать о величии ее мученической жизни. Мои книги – это, в сущности, поминальные записочки, которые подают «за упокой»: всех не упомнишь, когда пишешь их, – записываешь наиболее дорогие имена, и такие находились для меня именно в древней Руси» [5, с. 158].

Изучать и тем самым сохранять духовное наследие нации в эпоху воинствующего коммунизма в стране с тоталитарным режимом – поступок истинного патриота, сломить волю которого не удалось ни в 20–30-е годы, когда он был заключен в «Соловецкий лагерь особого режима», ни в брежневское время, когда был устроен поджог его квартиры, ни в последующие десятилетия [6]. «Совесть нации» – наиболее часто звучавшая характеристика ученого. Благодаря деятельности Д. С. Лихачева были сохранены многие культурно-исторические памятники русского Средневековья, XVIII–XIX веков. Не стоит забывать и о том факте, что именно слово академика повлияло на решение первого Президента России

Б. Н. Ельцина присутствовать на церемонии перезахоронения останков членов императорской фамилии и их слуг, проходившей 16 июля 1998 года в Петропавловской крепости Санкт-Петербурга. Своим поступком президент публично принес покаяние за преступления, совершенные советской властью не только по отношению к семье последнего российского императора, но и ко всей нации.

Любого человека, который соприкасается с наследием Д. С. Лихачева, не может не удивить широта научных интересов ученого, начиная от эпохи Древней Руси и заканчивая проблемами современного гуманитарного знания, его выводов, всегда основанных на большом фактическом материале. И всегда неизменным оставался интерес академика к литературным памятникам Древней Руси, особенно к летописи, жанр, который формировался и развивался на протяжении семи веков развития древнерусской литературы. По мнению Д. С. Лихачева, именно летопись позволяет ученому рассматривать древнерусскую литературу как процесс, объединивший все областные литературы и книжников, принадлежавших разным историческим эпохам. Поэтому первая крупная научная работа [7] академика была посвящена жанру летописи. Это исследование продолжило научную традицию, восходящую к работам академика А. А. Шахматова. До сих пор текстологический метод исследования [8] древнерусских рукописей, подробно рассмотренный академиком, является единственно верным при изучении литературного процесса

Древней Руси. Данный метод позволяет рассматривать древнерусскую литературу как единое произведение, с единой тематикой [9]. Причем, по мнению многих литературоведов, введенный академиком в науку метод является актуальным и при изучении литературных архивов писателей, творчество которых принадлежит эпохе XVIII–XX вв.

Проблема единства русской литературы, истории рассматривалась академиком и в других его работах, таких как «Развитие русской литературы X–XVII веков: Эпохи и стили» [10], «Великое наследие: Классические произведения литературы Древней Руси» [11], «Великий путь. Становление русской литературы XI–XVII веков» [12]. Эти книги стали классическими в истории отечественной медиевистики. Книги, которые увлекают читателя, вводят его в особый мир русского Средневековья, с любовью рассмотренный автором. Именно с них начинается знакомство студента-филолога с эпохой Древней Руси.

Нельзя недооценивать вклад Д. С. Лихачева в изучение «Слова о полку Игореве» – произведения, которое занимает одно из центральных мест в научных исследованиях академика. Памятнику русской литературы XII века посвящен не один десяток работ ученого. Им сделан перевод «Слова...» на современный русский язык. Эта работа получила высокую оценку как представителей академической науки, так и читателей. Именно Д. С. Лихачеву принадлежит идея создания фундаментального научного труда – «Энциклопедии “Слова о полку Игореве”» [13], состоящего из 5 томов. На сегодняшний день это единственная энциклопедия, посвященная произведению древнерусской литературы, что еще раз доказывает значимость памятника в истории русской культуры, впрочем, как и в мировой. Специалистам в области литературы известна та роль, которую Д. С. Лихачев сыграл в истории изучения текста «Слова...», опровергая европейских славистов (Андре Мазона, Жозе Жоанне [14]), сомневавшихся в подлинности произведения.

Заслуга академика Д. С. Лихачева заключается еще и в том, что им в науку введен целый ряд категорий, которые являются сейчас инструментами литературоведческого исследования художественного произведения, относящегося к средневековой эпохе. Это такие термины, как «литературная трансплантация», «литературный этикет», «монументальный историзм», «абстрагирование» и др., подробно рассмотренные в его монографии «Поэтика древнерусской литературы» [15], выдержавшей не одно издание. Названные термины настолько прочно вошли в научный оборот, что уже не требуют указания на их авторский источник.

Неоценимую роль Д. С. Лихачев сыграл и в издании памятников древнерусской литературы. В результате его работы удалось привлечь внимание читателей не только к отдельным произведениям, созданным в Средневековье (например, «Слово о полку Игореве», «Повесть временных лет»), но и к самой эпохе. По мнению О. В. Творогова, этот поступок академика Д. С. Лихачева заслуживает восхищения и уважения. «Большой заслугой является то, что именно Лихачев превратил древнерусскую литературу из вузовской учебной дисциплины в неперемный компонент духовной жизни современного гражданина» [16, с. 13]. Речь идет о таких значимых изданиях, как «Воинские повести Древней Руси» [17], «Слово о полку Игореве» [18], «Изборник» [19], «Памятники литературы Древней Руси» [20], «Библиотека литературы Древней Руси» [21]. Современному читателю трудно представить, какие идеологические преграды необходимо было преодолеть, чтобы в советское время стала возможной публикация произведений, имеющих непосредственное отношение к церковной культуре.

Имя академика Лихачева связано и с большой общественной деятельностью. В свое время он был депутатом Верховного Совета СССР, председателем Советского Фонда культуры. И на этом поприще Д. С. Лихачев оставался верен своим принципам, ратовал за сохранение памятников русской культуры. Использовал все возможные способы, чтобы интерес к русской культуре не иссякал. В своих начинаниях академик не был одинок, его публичные выступления были выражением мнения нации. Стоит вспомнить,

насколько были популярны встречи академика с общественностью, проходившие в концертной студии Останкино [22]. Подобные встречи позволяли увидеть в Д. С. Лихачеве собеседника, обладавшего даром вести диалог не только с учеными, но и с любой другой аудиторией, даже со школьниками. Именно для юношества в свое время

Д. С. Лихачевым были написаны книги, ставшие библиографической редкостью сразу же после их выхода в свет, – это «Письма о добром и прекрасном» [23], «Раздумья» [24]. К обеим книгам до сих пор не пропадает интерес читателя, а объяснения этого явления мне кажутся простыми. Заповеди добра и красоты, о которых говорил Дмитрий Сергеевич Лихачев, одинаково приемлемы людьми разных возрастов, разных национальностей, разного вероисповедания.

Литература

1. Прохоров Г. М. Памяти Дмитрия Сергеевича Лихачева // Труды отдела древнерусской литературы. – СПб., 2001. – Т. LI. – С. 3.
2. Сергей Аверинцев. Уходит эпоха // Литературная газета. – 1999. – № 40. – 6–12 октября.
3. Полный список работ Д. С. Лихачева, включая публицистику, критику, полемику, опубликован в следующих изданиях: 1) Дмитрий Сергеевич Лихачев. Биобиблиографический очерк. – СПб.: «Наука», 1989. – Вып. 17. – (Серия «Материалы к библиографии ученых СССР»); 2) Труды отдела древнерусской литературы. – СПб., 1997. – Т. XLIX. – С. 40–71.
4. Лихачев Д. С. Доклад о старой орфографии // Русская речь. – М., 1993. – № 1. – С. 43–51. Доклад был впервые прочитан в феврале 1928 г. Первой опубликованной работой Д. С. Лихачева является «Черты первобытного примитивизма воровской речи» // Язык и мышление. – Л., 1935. – Т. 3–4. Статья посвящена исследованию воровской речи. Какова была реакция на опубликованную статью, Дмитрий Сергеевич позже расскажет в своей книге «Воспоминания». «Она (статья) вызвала разгромную рецензию Михаила Шахновича “Вредная галиматъя” в “Ленинградской правде”. Вслед за такими статьями обычно шел арест. Но лингвисты (Абаев, Быховская, Башинджагян и другие) отнеслись к моей работе с интересом». – Лихачев Д. С. Указ. соч. – С. 422. См. также: Лихачев Д. С. Статьи ранних лет / ред. Т. К. Пущай, В. Н. Расторгуев. – Тверь: Твер. обл. отд-ние Рос. фонда культуры, 1993. – 146 с. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Известия Российской Академии наук. – М., 1993. – Т. 52. – № 1. – С. 3–9. – (Сер. лит. и яз.).
5. Лихачев Д. С. Избранное. Воспоминания. – СПб.: Логос, 1997. – С. 158.
6. О подобных случаях Д. С. Лихачев расскажет в своих «Воспоминаниях»: «В октябре 1975 г. было назначено мое выступление в актовом зале филфака о “Слове о полку Игореве”. Когда за час до выступления я вышел из дверей моей квартиры, на площадке лестницы на меня напал человек среднего роста с явно наклеенными большими черными усами и кулаком ударил меня в солнечное сплетение. Но на мне было новое двубортное пальто из толстого драпа, и удар не возымел надлежащего действия. Тогда неизвестный ударил меня в сердце, но в боковом кармане в папке находился мой доклад (мое сердце защищало “Слово о полку Игореве”), и удар опять оказался неэффективным. Я бросился назад в милицию. [...] Мое обращение к следователю в милиции имело тот же результат, что и обращение о нападении на мою квартиру в 1976 г. Это время – 1976 г. – было в Ленинграде временем поджогов квартир диссидентов и левых художников. [...] Нападение на площадке квартиры произошло как раз в тот день, когда М. Б. Храпченко... позвонил мне из Москвы и предложил подписать вместе с членами Президиума АН знаменитое письмо академиков, осуждавшее А. Д. Сахарова». – Лихачев Д. С. Избранное. Воспоминания. – СПб.: Логос, 1997. – С. 543–546.
7. Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. – М.; Л., 1947.
8. Лихачев Д. С. Текстология (на материале русской литературы X–XVII вв.). – М.; Л., 1962.
9. «Древнерусскую литературу можно рассматривать как литературу одной темы и одного сюжета. Этот сюжет – мировая история, и эта тема – смысл человеческой жизни». – Лихачев Д. С. Первые семьсот лет русской литературы // Изборник: (Сборник произведений литературы Древней Руси). – М., 1969. – С. 9. – (Б-ка всемирной литературы. Сер. первая).
10. Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X–XVII веков: Эпохи и стили. – Л., 1973.

11. Лихачев Д. С. Великое наследие: Классические произведения литературы Древней Руси. – М., 1975. – 2-е изд. – М., 1979.
12. Лихачев Д. С. Великий путь. Становление русской литературы XI–XVII веков. – М.: Современник, 1987.
13. Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» – героический пролог русской литературы. – М.; Л., 1961; 2-е изд. – Л., 1967; Слово о полку Игореве: Историко-литературный очерк. – М., 1976; 2-е изд. – М., 1982.
14. Лесур Ф. Труды Д. С. Лихачева во французском восприятии // Труды отдела древнерусской литературы. – СПб., 1996. – Т. L. – С. 32–39.
15. Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. – Л., 1967.
16. Творогов О. В. Д. С. Лихачев и отечественная медиевистика // Труды отдела древнерусской литературы. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. – Т. L. – С. 13.
17. Воинские повести Древней Руси. – М.; Л., 1949 (публикация «Повести о разорении Рязани Батыем»).
18. Слово о полку Игореве. – М.; Л., 1950.
19. «Изборник»: (Сб. произведений литературы Древней Руси). – М., 1969. – (Б-ка всемирной литературы. Сер. первая).
20. Издание насчитывает 12 томов, выходило с 1978 по 1994 год (Москва). (Т. 1. Начало русской литературы. XI – начало XII века. (1978); Т. 2. XII век (1980); XIII век (1981), XIV–XVI вв. (1981–1987) и XVII век (четыре тома, 1988–1994). В 1993 году серия «Памятники литературы Древней Руси» была удостоена Государственной премии Российской Федерации.
21. Продолжающееся издание, которое должно насчитывать 20 томов.
22. Останкинские вечера / сост. и лит. запись Е. В. Гальпериной. – М.: Искусство, 1989. – С. 111–132; 15 встреч в Останкине / сост. Т. Земскова. – М.: Политиздат, 1989. – С. 144–172.
23. Лихачев Д. С. Письма о добром и прекрасном. – М.: Детская литература, 1985; 2-е изд. – 1989.
24. Лихачев Д. С. Раздумья. – М.: Детская литература, 1991.

В. Е. Триодин

*доктор педагогических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ,
заслуженный работник культуры РФ,
лауреат премии Правительства Санкт-Петербурга*

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ЗЕРКАЛЕ ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ Д. С. ЛИХАЧЕВА

Указом Президента РФ В. В. Путина 2006 год объявлен годом гуманитарной культуры и академика Д. С. Лихачева.

Указ отразил состояние общественного сознания – его тяготение к идеалу. Однако необходимо учитывать, что у разных социальных слоев и групп разные представления об идеале. Уже зафиксирован новый феномен: повальное желание девочек вырасти и стать няней Вики. Для мальчиков кумир – Терминатор из одноименного американского боевика. Кто-то тяготеет к девушке-скандалу Ксении Собчак (теперь лидеру молодежного движения «Все свободны»), кому-то по душе Верка Сердючка. На этом фоне незаметным оказался юбилей академика Сахарова. Он ушел непонятым большинством соотечественников. И за прошедшие со дня его ухода пятнадцать с лишним лет понимания не прибавилось. Невостребованными оказываются идеи А. И. Солженицына, не всеми прочитаны его книги. Общее ощущение, что в стране падает спрос на властителей дум.

Но государственная культурная политика не должна идти на поводу у низменных интересов населения, а поднимать его нравственные и культурные потребности. Как духовная скрепа личность академика Лихачева, может быть, наиболее полно выражает сегодняшнее состояние общества. Здесь следует иметь в виду, что граница между обществом и личностью подвижна. Философ В. С. Соловьев верно подметил, что общество есть дополненная или расширенная личность, а личность – сжатое или сосредоточенное общество.

Д. С. Лихачев оказался личностью, «расширенной» до уровня общества и даже обгоняющей его, определяющей характер общественного развития.

Тем интереснее осознать смысловые точки концепции Д. С. Лихачева и попытаться с этих позиций понять узловые проблемы теории и практики социально-культурной деятельности.

1. Базис развития общества

Лихачев считал марксизм скучной и примитивной философией. Марксизм, фрейдизм, дарвинизм – это все попытки **сведения сложного к простому**. Марксистский метод изучения литературы и искусства убивает охоту брать в руки книгу, идти в музей, филармонию, театр, ускучняет и обедняет жизнь.

Краеугольный камень марксизма – положение о том, что бытие определяет сознание. Лихачев, кажется, первым в постперестроечное время публично опровергнул этот тезис. Тихим, твердым голосом он сказал: сознание определяет бытие. Из мысли рождается материальное воплощение. Будущее не определено никакими объективными законами общественного развития. Оно будет таким, каким мы его сделаем сами.

Незыблемый постулат марксизма – экономика есть базис, культура – надстройка общества. Как раз наоборот, – оппонировал Лихачев. Культура и только культура составляет базис развития общества.

Даже неспециалисту видно, что многие проблемы нашей экономики имеют не экономические корни. Они определяются уровнем культуры носителя экономических отношений, массовым сознанием.

Рынок вне культуры становится базаром.

Попытки наладить производство без учета уровня культуры рабочего оборачиваются развалом производства. В 90-х годах на бывшем военном заводе в Костроме попытались со сложившимся с советских времен коллективом наладить выпуск автомобилей «Фольксваген». Не вышло. Таганрогский автозавод научился производить корейские «Хюндай». Но для этого хозяева завода набрали людей, прежде не работавших на таком производстве, и учили их год. Инженеров набрали из выпускников технических вузов и доучивали их полтора года. Предприятие сформировало, в сущности, новый тип корпоративного рабочего, с новой культурой производственных, технологических, деловых отношений. Этот новый рабочий и сумел воспроизвести качественную продукцию и обеспечить конкурентоспособность производству.

Культура определяет и развитие политических процессов. Если демократия опережает культуру, рождается, как говорил Солженицын, пиратское государство.

Свобода слова, не цементируемая культурой, превращается в отвратительное паясничанье.

В обществе сегодня царит дремучее представление о социально-культурной деятельности как индустрии досуга и развлечений, иногда примитивных до уровня «два прихлопа, три притопа». Надо коренным образом изменять сложившуюся ситуацию. Воспитание и обучение специалистов социально-культурной деятельности должно начинаться с формирования психологической установки на социально-культурную деятельность как приоритетную, определяющую характер развития страны, предшествующую политическому, экономическому, научно-техническому развитию.

2. Смысл жизни

Культура определяет и смысл жизни.

Всеобщая сытость – по Лихачеву – и быстрота передвижения скоро будут достигнуты. Но дальше что? – спрашивает он. И отвечает: развитие культуры.

Здесь есть очевидная перекличка Лихачева с Достоевским. В «Подростке» герой романа просит своего отца назвать самое главное дело. Ну, преврати камни в хлебы, – неохотно отвечает тот.

Ответ не устраивает пытливого подростка. Наестся человек, а дальше что?

Вообще-то проблема сытости, как показывает история, не такая уж очевидная. «Человек – выше сытости!..», – утверждал горьковский Сатин. Так может рассуждать человек лишь тогда, когда он сыт. Но очень сомнительно, что человек когда-нибудь наестся. Потому что сегодня он сыт просто куском хлеба, завтра будет сыт, когда хлеб подадут с маслом, а послезавтра – когда обслуживать за столом будет золотая рыбка.

Что касается всеобщей сытости, то здесь дело обстоит еще проблематичнее. К какому уровню сытости тянутся? США, например, считается эталоном комфорта и сытости. Но если всем жить с американской расточительностью, мировых запасов хватит года на три. Потому что на одного новорожденного в Америке приходится электроэнергии в 26 раз больше, чем в Сербии, и в 36 раз больше, чем на одного младенца в Зимбабве. Или развитым странам придется «затягивать пояс» и делиться, или нестабильность в мире будет нарастать.

Сытость – комфортабельная форма существования биологического вида. Вопроса: «наелся человек – что дальше?» в принципе не существует. Потому что дальше человек перерабатывает пищу, а потом снова испытывает потребность насытиться. В этом проявляется биологическая сторона жизни человека, и никуда от этого не деться. И не надо быть аскетом, а надо радоваться полноте физических ощущений: игре мускулов здорового развитого тела, глотку свежего чистого воздуха, празднику желудка, упоительности сексуальных отношений.

Но главное даже не в понимании сытости как постоянно существующей и нарастающей обороты проблеме, а в горьковской попытке по рангу распределить биологическую и социальную сущность человека. Человек выше биологического начала? Нет, конечно. Человек биосоциальное существо, и потому биология и социальность не «ниже» и не «выше», а **равные начала в человеке**. Пастернак это тонко почувствовал. В «Докторе Живаго» он писал, что руки Лары поражали, как может удивлять высокий образ мыслей.

Понятие «смысл» применимо только к духовной мыслительной стороне деятельности человека. Это специфическая, собственно человеческая сторона жизнедеятельности.

Формула Декарта «я мыслю – значит, я существую». Но мысль – это концентрация культуры. Декартовская формула в интерпретации Лихачева звучит так: вне культуры существование государства, нации, народа лишено всякого смысла.

Сегодня среди приоритетных национальных проектов (образование, здравоохранение, жилье, сельское хозяйство) нет проекта культуры. Но, не обогащенные культурой, меркнут все остальные проекты. Они теряют свое человеческое измерение. Решительно непонятной становится задача повышения рождаемости. Что даст стране увеличение населения, скажем, с 145 до 300 миллионов человек. Новое умножение пороков и болезней? Российское общество и так поражено глубинным социальным недугом. В стране официально зарегистрировано 3 миллиона алкоголиков (по подсчетам специалистов 15 миллионов); 400 тысяч зарегистрированных наркоманов (3 миллиона по подсчетам специалистов); 40 миллионов зависимых от табака. Полмиллиона новых лудоманов (зависимых от пристрастия к игре) – казино, игровых автоматов, компьютерных игр. И это на 145 миллионов.

Надо набраться мужества и сказать, что сегодняшнему состоянию общества противопоставлено увеличение рождаемости в массовом порядке. Вначале надо оздоровить его организм. Есть и средство лечения – культура.

Культура – огромное целостное явление, оно превращает людей из биомассы в народ, нацию.

Исходя из значимости культуры для жизни человека, Лихачев предложил термин для ее защиты – **экология культуры**. Экология представляет собой взгляд на мир как на дом. Природа – дом, в котором живет человек. Но культура тоже дом для человека, причем дом, создаваемый самим человеком. Сюда входят самые разнообразные явления – воплощенные материально и в виде идей и различного рода духовных ценностей.

К современным экологическим бедствиям Лихачев относит широкий круг явлений – разрушение памятников культуры, обеднение лексики русского языка, замена русских слов однозначными иностранными, снижение интереса к личной репутации, исчезновение чувства чести, падение сексуальной стыдливости, стыдливости отправлениями человеческого тела и т. д.

Влияние и воздействие на окружающий мир человеческой деятельности (разумной и неразумной) Лихачев предложил называть **гомосферой** (у В. И. Вернадского термин «ноосфера», сфера разума).

«Гомосферу» надо ввести в понятийный словарь социально-культурного работника.

3. Преображение мира

Коренная марксистская установка состоит в изменении окружающей действительности. Оно происходит в виде тотальной революционной ломки всего и вся.

Лихачев использует термин «преображение (от образа) мира» для обозначения конечной цели человеческой деятельности. Что вкладывал в него Лихачев? Он исходил из того, что преобразование следует понимать не в смысле изменения лица, то есть внешней переделки мира, а в смысле выявления в мире заложенного в нем разумного начала и освобождения этого разумного начала от мешающего ему зла, противоречащего этому разумному началу, его **самовыявлению**.

Одной из любимых книг Древней Руси была «Шестоднев». В ней воспевалась разумность всего происходящего в природе. Лихачев называл ее гимном разумности мироустройства.

Мироощущение Лихачева совпадает с восприятием жизни пастернаковским доктором Живаго (Лихачев дал высокую оценку роману). Доктор Живаго терял власть над собой и впадал в отчаяние, когда ему говорили о переделке жизни. Жизнь никогда не бывает веществом, материалом. Она сама непрерывно себя обновляющее, вечно себя перерабатывающее начало. Она сама вечно себя переделывает и претворяет.

В свете этих рассуждений следует аккуратнее использовать преобразовательную функцию социально-культурной деятельности.

Особенно проблематично выглядит возможность преобразования человека.

Лихачев был убежден, что исправить человечество нельзя. Человечество развивается не по придуманным педагогами принципам и законам, не под воздействием, оказываемым субъектом социально-культурной деятельности на общество-объект. Нет. Изменение общественного сознания и поведения происходит какими-то иными, до конца не понятыми путями.

В самый раз бы вспомнить синергетику и объявить Лихачева ее апостолом. Но Лихачев выходит за рамки синергетики. Вот его типичное рассуждение. Есть музыка времени и есть шум времени. Шум часто заглушает музыку. Ибо шум может быть безмерно велик, а музыка звучит в заданных ей композитором нормах (вариация изречения Глинки: музыка сочиняет народ, композитор ее только аранжирует).

«Звукорядом» социально-культурного работника, через который он пропускает «шум» толпы, являются педагогически организованные средства, формы, методы социально-культурной деятельности. С некоторой долей осторожности можно предположить, что результатом проделанной работы может стать движение хаоса толпы в сторону гармонии. Но здесь нужна именно специально организованная деятельность. Свободно растут только сорняки.

Толстой в уста Пьера Безухова вложил, казалось бы, простую мысль. Ежели плохие люди собираются вместе, отчего бы это не сделать и хорошим.

Но, видно, законы единения хороших и плохих людей разные.

Вот и Лихачев утверждает: зло имеет склонность к стайности. Злые собираются толпой, они единодушны в нападении (но, победив, начинают грызть уже друг друга). По Лихачеву, партии – те же стаи. Жизнь убеждает, как легко объединяются криминальные структуры, скинхеды, футбольные фанаты и т. д.

Есть великая книга нобелевского лауреата Уильяма Голдинга «Повелитель мух». В ней исследовано, как зло становится фонообразующим началом. Хорошие, симпатичные ребята, оказавшись на необитаемом острове, вмиг превращаются в хищную стаю, живущую по волчьим законам.

Темные источники силы пробиваются в них энергичнее, раскрашенные дикари ни перед чем не останавливаются, они уже с завораживающим наслаждением смотрят, как нож врезается в живое тело. Сгущенная ненависть окутала их и стала движущей силой.

Команда Тимура – это утопия, золотой сон об идеальных свойствах добра. Добро, к сожалению, не обладает такой объединительной силой.

4. Паломничество и туризм

Паломниками Д. С. Лихачев называл людей, активных в своем отношении к миру. Туристы – пассивные созерцатели, «болельщики».

Туризм сопровождают аттракционы. Для Лихачева аттракцион – это и развод караула перед Букингемским дворцом в Лондоне, и выход Папы на балкон своего дворца для благословления народа, собравшегося на площади Святого Петра в Риме. Папа становится для части толпы как бы актером. «Специализированный актер» – американский президент.

Туризм расширяет пространство. Уже и космос стал туристической зоной. В аттракционы, по Лихачеву, превращается даже наука. Ученые становятся постепенно в некоторых областях изобретателями интересных концепций, о которых можно эффектно доложить на международных конгрессах. И вот они, как племя номадов, кочуют с одного международного конгресса на другой, устанавливают «рекорды» по получению почетных званий и наград.

Лихачев не без иронии предлагал объявить того или иного ученого абсолютным чемпионом страны или мира по количеству полученных им почетных званий и наград. (Брежнев Л. И., между прочим, был абсолютным чемпионом по количеству звезд Героя Советского Союза).

Зачисление туристов в разряд пассивных созерцателей, скорее всего, не очень удачно. В целом туристы как раз та часть общества, которая стремится преодолеть сидячий, обломовский стиль жизни и активно освоить окружающую действительность. За не очень удачным разделением людей на «паломников» и «туристов» стоят более глубокие проблемы.

Лихачева беспокоила общая тенденция – люди, изначально активные по своему отношению к миру, становятся все больше пассивными созерцателями. В терминологии Лихачева – паломники все более приобретают черты туристов, а истинно молящиеся становятся участниками «действия» для туристов. Из общественно значимых явлений уходит содержание. В религиях все больше увеличивается часть людей, которые не выполняют

религиозных требований, треб, обрядов, а являются только пассивными сторонниками той или иной религиозной концепции. И это явление переходит в другие сферы – признают мировоззрение и вполне искренне ему не следуют.

Главный вывод Лихачева состоит в том, что наблюдаемый переход от паломничества к туризму знаменует опасный признак перехода человечества к **комфортабельной пассивности**. Паломники шли пешком, молились, постились. Туристы путешествуют в комфортабельных средствах передвижения и только смотрят, «глазют» (иногда купаются, загорают, развлекаются).

Речь идет, возможно, об **умирании общего интеллекта человечества**. Человечество обладает, помимо отдельных гениев, еще и общим, единым интеллектом, который сказывался раньше в духовных творениях, заставлял интеллигенцию ходить в народ, проповедовать революционные учения и т. д. Теперь общий интеллект человечества проявляется все больше в модах – не только на одежду, но и на те или иные течения в искусстве и в науке.

В социально-культурной деятельности наблюдаются отмеченные Д. С. Лихачевым тенденции. Социально-культурная деятельность все больше превращается в сферу услуг. Человек становится потребителем культурных ценностей формирующегося общества потребления. Нужен коренной поворот к активной созидательной деятельности.

5. Поэтика древнерусского бытия

Лихачев был выдающимся специалистом по древнерусской литературе (лучше использовать название его монографии – специалист по «поэтике древнерусской литературы»).

Для рядового читателя древнерусская литература по-прежнему остается литературной пустыней. И нет лучшего способа хранить память о Лихачеве – засеять эту пустыню.

Лихачев переживал, что после революции в школе отменили преподавание церковнославянского языка. Это был второй по употребляемости язык, близкий русскому. Этот язык поднимает значение того, о чем идет речь, создает высокое эмоциональное окружение.

Надо быть реалистом и понимать, что если церковнославянский язык и введут вновь как учебную дисциплину в общеобразовательную школу, то случится это в непредсказуемом будущем.

Но вот в системе кружковых занятий в клубах и домах творчества можно было бы ввести и кружок церковнославянского языка. Возможно, эту работу следовало бы организовать совместно со служителями православной церкви.

Возрождение церковнославянского языка – это возрождение славянской памяти, это мост, соединяющий прошлое с будущим, это средство очищения духовной сферы. Общая деградация нации начинается с языка. Исключение из школьного образования церковнославянского и нашествие матерщины – это симметричные явления, – был убежден академик. Церковнославянский язык не только не совместим со сквернословием, он преображает личность, формирует интеллектуальную порядочность.

Социально-культурные работники могли бы поднять интерес и к древнерусской литературе, отражающей жите Древной Руси.

Раскручен до космических оборотов поставленный на коммерческую основу день Святого Валентина. И редко кто не расскажет его грустную историю. Но Древняя Русь знала образец чистой и праведной любви – историю святых Петра и Февронии, покровителей брака, любви. День Петра и Февронии отмечают 8 июля. Но кроме специалистов это никому не ведомо. Перед социально-культурными работниками могла бы быть поставлена заманчивая задача – сформировать традицию празднования дня любви на отечественной почве – 8 июля в честь святых Петра и Февронии.

У Лихачева есть плодотворная догадка о диалогическом строении «Слова о полку Игореве», о хоровом, на два голоса рассчитанном, его исполнении. Здесь явно ощущаются две манеры, два взгляда на события. Лихачев не только обосновал динамизм «Слова», но и дал его редакцию – готовый сценарий на двух исполнителей. Сценарий до сих пор не реализованный, не нашедший сценического выражения. Вот где могла бы проявить себя художественная самодеятельность.

6. Религиозные институты как новые субъекты организации социально-культурной деятельности

Лихачев был глубоко верующим человеком. Во времена его детства преподавание Закона Божия было обязательным для всех школ. Это преподавание пало на благодатную почву. Атеизм Лихачев считал скучной и самой примитивной религией.

В свое время молодой Бонапарт спросил великого ученого Пьера Лапласа, верит ли он в Бога. Лаплас ответил, что для его модели мира Бог не нужен. Скорее всего, в своей модели мира Лихачев не мог обходиться без Бога. Во всяком случае он призывал **признать разумное начало в мире**. Наука, – утверждал он, – в различных дисциплинах все ближе подходит к этому признанию.

Так называемый «мертвый» мир Лихачев берет в иронические кавычки и говорит, что в отношении его нельзя быть до конца уверенным, что он «мертвый». Он предполагал, что растения, камень, стекло, вода и т. д. обладают памятью (Лейбниц верил, что зерно, прорастая, страдает).

Лихачев считал, что преподавание основ мировой религии важно для воспитания нравственности. Но делать это надо **вне стен школы** (занятия в одном классе разными вероисповеданиями – повод для разделения и драк. Да и технически это труднореализуемый проект).

Сегодня появляется много внешкольных религиозных институтов: воскресные школы, православные общественные институты. В Санкт-Петербурге, например, в 2005 году был открыт первый в России Православный народный университет. Новое учебное заведение возникло на общественных началах. В нем два факультета: богословский и церковных искусств. Абитуриенты не сдают вступительных экзаменов, в университет зачисляются всех желающих. Сессий в университете нет. Освоение православной культуры и православного мировоззрения осуществляется в форме диалога, вопросов студентов и ответов ученых богословов.

Внешкольное православное образование – одно из направлений просветительской социально-культурной деятельности церкви. У церкви есть свой телевизионный канал «Спас». На Первом канале телевидения каждую субботу звучит «Слово пастыря». Церковь ведет издательскую деятельность, активно проявляет себя в местах заключения, в армии и на флоте, в работе с брошенными детьми и сиротами. У церкви есть талантливые проповедники, например, митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл, дьякон Андрей Кураев.

Таким образом, в современном социально-культурном пространстве появляется новый субъект организации социально-культурной деятельности, с которым традиционные социально-культурные работники должны научиться выстраивать партнерские отношения.

Но и в содержание социально-культурной деятельности необходимо внести коррективы. Нельзя понять мировое искусство, не зная основ религии.

В самом деле, как можно понять картину Репина «Воскресение дочери царя Иаира», или Крамского «Христос в пустыне», или Иванова «Явление Христа народу», не зная Евангелие.

Да и многие современные знаковые произведения литературы и искусства не поддаются прочтению без специальной религиозной подготовки. Например, величайший ро-

ман XX века – «Доктор Живаго» Б. Л. Пастернака. Большой частью читающей публики он не прочитан, еще большей – не понят. Лихачев дал высокую оценку романа, увидел в нем духовную автобиографию Пастернака (в которой отсутствуют внешние факты, совпадающие с реальной жизнью автора). Лихачев соединяет даже фамилии – Живаго-Пастернак. Тем интереснее знать происхождение фамилии (Лихачев об этом не говорил). Святой Петр, брат Андрея Первозванного, был одним из первых и ближайших учеников Христа. Он первым провозгласил Иисуса «Христом, Сыном Бога Живаго» и первым из апостолов узнал о воскресении Иисуса. Кстати, мать Живаго зовут Марией. Значит, доктор Живаго – Богочеловек XX века, прошедший в новых условиях тот же жертвенный, крестный путь. Вот еще одна нить, помогающая понять замысел Пастернака. В стихах Пастернака-Живаго Христос говорит ученикам: «Вас Господь сподобил жить в дни мои». Но и Живаго думает о своих друзьях: «Единственно живое и яркое в вас, это то, что вы жили в одно время со мной и меня знали».

Андрей Вознесенский, близко знавший Пастернака, утверждал, что он – присутствие Бога в нашей жизни.

Замысел романа раскрыт и самим Пастернаком. Он писал, что атмосфера его романа – его Христианство, выражение его взглядов на Евангелие, жизнь, искусство.

Стало быть, невозможно понять роман, не понимая основ Евангелия. Вот почему нужны сегодня просветители, которые помогли бы познакомиться с основами религиоведения.

Лихачев рассказывал, что его дочь работала в Академии художеств, вела курс «Мировые сюжеты живописи» и рассказывала в нем, что такое Сретение, Рождество, Пасха. В сущности, это и есть модель деятельности современного специалиста социально-культурной сферы.

Своеобразным автопортретом Лихачева стали его «Десять заповедей человечности». Здесь любопытно все. И число заповедей (аналог – десять заповедей Христа), и сам термин – заповеди. Заповедь – религиозно-нравственное предписание. Носителями заповедей всегда были пророки. Они выступали посредниками между высшими силами и людьми. Каждая эпоха находила своих пророков и свои заповеди. И вот на рубеже XX–XXI веков появился человек, сформулировавший вечные принципы жизни применительно к новым условиям. Любопытно наблюдение писателя Д. А. Гранина, близко знавшего Лихачева. Он обратил внимание, что у людей великих, а тем более гениальных, есть способность что-то излучать. Гранин часто встречался с Шостаковичем, Ландау, Сахаровым. У них, – подчеркивал писатель, – кроме заслуг, известных всем, существовала какая-то оболочка светящаяся. И от Лихачева исходило невидимое сияние.

Изучение заповедей человечности могло бы стать программой деятельности социально-культурного работника.

7. Социально-культурный работник как интеллигент

Интеллигент – российское понятие. Запад обходится термином «интеллектуал». Интеллектуал – носитель знания; человек, профессионально занимающийся умственным трудом.

Россияне исходят из того, что знания, не обогащенные нравственностью, делают человека опасным и для планеты, и для самого себя. Это – тупиковый путь развития общества. Мечников говорил образнее и острее – меч в руках сумасшедшего. Интеллигент родился тогда, когда появился тип личности, страдающий от безобразной действительности. Возможно, первым интеллигентом был А. Н. Радищев, душа которого уязвлена была страданиями человеческими. У Лихачева Земля плачет. Ее слезы – калеки, больные, недоразвитые дети, неухоженные старики, вырубленные леса, кислотные дожди, заасфальтированные дворы.

Интеллигент, таким образом, нравственный, совестливый интеллектуал (образованный человек с больной совестью, – по определению М. С. Кагана).

Д. С. Лихачев считал, что отсутствие морали вносит хаос в социальную жизнь. Без морали в обществе не действуют экономические законы. Поэтому, оценивая людей при определении их пригодности к исполнению обязанностей, необходимо учитывать не только их профессиональные, но и нравственные качества.

Магия должности, ученой степени, звание лауреата создает иллюзию нравственной безупречности их носителей. Увы, это не всегда так. Вот несколько иллюстраций из разных сфер.

Губернаторы разных областей (Волгоградской, Смоленской, Тверской) оказались за решеткой за уголовные преступления. Арестован губернатор Ненецкого автономного округа, взяты под стражу мэр и председатель городского парламента Волгограда. «Оборотни в погонах» – еще одна иллюстрация нравственной атмосферы в высших эшелонах силовых ведомств. А «дедовщина», «дело Сычева» – нижний этаж действующей морали в армии.

Уголовные обвинения предъявлены даже чиновнику такого класса, как бывший руководитель Минатома Евгений Адамов.

Нобелевский лауреат Ж. И. Алферов в ранге председателя престижной премии «Глобальная энергия» (российский вариант Нобелевской премии) сам себе присудил премию.

Председатель счетной комиссии С. Степашин успешно проверил РАН. Спустя два года выдвинул свою кандидатуру в академики (правда, под мощным напором прессы отозвал свое заявление).

Председатель комиссии по культуре, образованию, науке Санкт-Петербургского законодательного собрания С. Андреев оказался еще и писателем. Депутатам выделяется значительный фонд, который они могут тратить по своему разумению. Андреев вложил его в 2006 году в два писательских союза. Те, в свою очередь, выдвинули его на премию «Лауреат правительства России».

Нравственность – это один из инструментов регулирования жизни человеческих сообществ. Если этот инструмент деградирует, общество неизменно приходит к кризису в своем биосоциальном развитии.

Вопрос о морали, в частности, обрел в настоящее время абсолютно практическое значение в связи с эпидемией СПИДа. СПИД распространяется среди тех, кто нарушил традиционные предписания морали, употребляет наркотики, свободен в сексуальных связях. В 2001 году в мире насчитывалось 35 миллионов человек ВИЧ-инфицированных. За 20 лет (начиная с 80-х годов по 2001 год) от СПИДа умерло 18,8 млн. человек. По международной статистике Россия лидирует по ВИЧ-СПИДу. Доля взрослого населения, инфицированного ВИЧ, (в процентах) составляет в Германии – 0,1; в Китае – 0,1; в Великобритании – 0,2; во Франции – 0,4; в США – 0,6; в России – 1,1.

Продюсерам, делающим шоу из однополый любви, манифестантам гей-парадов, идеологам свободной любви, свободной продажи наркотиков есть над чем задуматься.

В этой связи представляет особый интерес американская стратегия «АВС». «А» (abstinence) – воздержание до брака, «В» (be faithful) – верность, «С» (condoms) – использование презервативов. При этом информирование подростков о необходимости соблюдения принципа «С» предусматривает ряд специальных ограничений, не допускающих косвенную рекламу «свободного сексуального поведения», а также недопущение так называемого «социального маркетинга презервативов».

Д. С. Лихачев считал необходимым создать **полный кодекс научной морали**. Опубликовать его. Найти способы выявления его нарушений. Сам Д. С. Лихачев делал наметки кодекса чести разных социальных групп: рабочего, администратора, гражданина, ученого.

Надо сказать, что к настоящему времени накоплен довольно большой опыт, когда самые разные социальные структуры принимают нравственные кодексы.

В сентябре 2005 года принята **хартия деловой этики**. Инициатором хартии стал Российский книжный союз. Крупнейшие книгоиздатели страны выработали правила взаимоотношения и поведения на книжном рынке – этические, нравственные, юридические, профессиональные и человеческие. Хартию подписали известные писатели, самые крупные издатели России, Межрегиональная ассоциация полиграфистов, Ассоциация книгораспространителей, Ассоциация книгоиздателей. Предполагается, что поставившие подпись под хартией, обязаны будут ее соблюдать.

Хартию деловой этики принял Российский союз предпринимателей. Кстати, предприниматели создали Комиссию по корпоративной этике.

Кодекс чести утвержден для сотрудников Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков.

На заседании VIII Всемирного русского народного собора принят Свод нравственных принципов и правил хозяйствования. Свод поможет участникам экономической жизни стремиться к идеальной модели хозяйствования.

Бизнес-заповеди есть и у мусульман России. Мусульманское право запрещает продажу ворованного, некоторые виды предпринимательства, например, ростовщичество или торговлю спиртным, не допускает обман (обвешивание, торговлю бракованной продукцией).

Мусульмане верят в то, что коэффициент полезного действия капитала, полученного при соблюдении законов шариата, выше, чем эффективность незаконно нажитых денег.

Самый забавный этический кодекс подготовлен для роботов и их создателей. Машины с мощным интеллектом должны появиться к 2020 году. Это будет чуждый человеку интеллект. Поэтому надо учиться управлять им и их создателями.

Формула интеллигента как совестливого образованного человека не дает ответа на главный вопрос: каким образом интеллигенту претворять в жизнь свои жизненные установки. Хрестоматийный ряд интеллигентов – Радищев, декабристы, Белинский, Герцен, Чернышевский и т. д. считали, что решать социальные проблемы необходимо через насилие, звали Русь к топору.

Лихачев никогда не был замечен в радикализме. Революции он предпочитал эволюцию. Личность Лихачева не похожа на советского и постсоветского интеллигента.

Советский интеллигент – атеист. Лихачев – верующий человек. Советский интеллигент заклеямен формулой Солженицына – образованщина. Лихачев – энциклопедически образованный человек. Лихачеву был чужд дух мессианства, жертвенности, отрицания, разрушения.

Лихачев нес в себе черты интеллигента завтрашнего дня.

8. Как Вас теперь называть

Россия – страна, в которой нет общепринятого обращения к другому. Слово «ну» заменило обращение к другому человеку. Экскурсовод обращается к экскурсантам: «Ну, пойдём...», «ну, сейчас будем обедать...». Слова исчезают вместе с явлением. Исчезло слово «любезность» как добрая услуга, не оскорбляющая своим покровительством лицо, которому она оказывается. Исчезло и словосочетание «любезный человек». Исчезает воспитание, а с ним и «воспитанный человек».

Без умения обращаться друг к другу люди теряют себя как народ. В Книге Бытия, – говорил Лихачев, – Бог создал животных, привел их к Адаму, чтобы тот дал им имена. Без этих имен человек не отличил бы коровы от козы. Когда Адам дал им имена, он их заметил. Вообще, заметить какое-нибудь явление – это дать ему имя, создать тер-

мин. В Средние века наука занималась главным образом названием, созданием терминологии. Название уже было познанием. Когда открывали остров, ему давали название, и только тогда это было географическим открытием.

Обращение к другому человеку отражает социально-политическую ситуацию.

Лихачев вспоминал, что в 37-м году, когда начались массовые аресты, он услышал, что почтальон, милиционер, кондуктор в трамвае стали ему говорить «гражданин». А совсем недавно обращались «товарищ». Каждый человек был подозреваем. Опасно было говорить человеку «товарищ», а вдруг он шпион из какой-нибудь Исландии.

Лихачев не оставил рекомендаций относительно обращения друг к другу. Но вариантов для размышлений много: сударь, сударыня, барышня и т. д.

9. Быть знаменитым некрасиво

Эти пастернаковские строчки вполне выражают отношение Лихачева к славе, популярности. Он так и говорил: славолубие противно. Во время его юбилея о нем, естественно, было сказано много хорошего. И вот его реакция на это: у меня все время такое ощущение, что я читаю не о себе, а о ком-то другом, а знают меня только жена и дочь. Поэтому этот другой стоит рядом, но он не я. Я больше радуюсь за этого другого. Но что же, если я создал этого другого, то хорошо. Но только «хорошо» – не более.

Ему не нравился свой голос. Его голос, записанный на пластинку, был для него чужим голосом. Ситуация «Носа» Гоголя. И не его изображение на телеэкране, на фотографиях – это чужие, отделившиеся от него люди, которые не во всем ему нравились. Особенно не нравилась ему на его изображениях какая-то сладковатость.

Лихачев был внешне очень простым, доступным человеком. У него есть любопытная запись. Наполеон так объяснял пышность своего двора: простота не идет человеку, вышедшему из простых солдат; она годится только наследственному государю. Лихачев так продолжает мысль Наполеона: важность нужна людям ничтожным, внешнее глубокомыслие – глупым и т. п.

Лихачев был слишком значительной личностью, чтобы быть важным и недоступным. Эта значительность пришла к нему через постоянную работу над собой. Он мог бы сказать вслед за Заболоцким: «Душа обязана трудиться и день и ночь, и день и ночь». И потому, что он сам в первую очередь испуленно трудился над собой, у него было право сказать, что каждый человек обязан заботиться о своем интеллектуальном развитии. Это его обязанность перед обществом, в котором он живет, и перед самим собой.

Саморазвитие – это и есть тот путь, которым молодые люди могут отметить юбилей Лихачева и который способен приблизить их к своему великому гражданину.

Л. А. Ходанен
доктор филологических наук,
профессор кафедры русской литературы и фольклора
Кемеровский государственный университет

НОВГОРОДСКИЕ МОТИВЫ И МИФ О СОФИИ В ПОЭЗИИ А. И. ОДОЕВСКОГО

Интерес к новгородской теме нарастал в русской литературе, начиная с XVIII века. Начало было положено в творчестве А. П. Сумарокова, Я. Б. Княжнина [1]. В начале XIX века наиболее значительный вклад в разработку новгородской темы вносят романтики. В рассмотрении истории Новгорода сошлись существенные исторические проблемы: пришедшие из XVIII века споры о Вадиме Храбром, который боролся с Рюриком, возвращали к полемике о происхождении царской династии, разные оценки соперничества Новгорода и Москвы в историографии и литературе рубежа XVIII–XIX в. были связаны с новой концепцией русской истории, новгородское вече как древняя форма государственного правления было предметом горячих дискуссий. В полемике с Н. М. Карамзиным А. И. Тургенев считал Вадима основателем русского государства, а К. Ф. Рылеев в думе «Марфа Посадница» возвеличил героиню русской свободы. Для декабристов присоединение Новгорода было трагическим событием русской истории и символизировало уничтожение коренных форм народоправства, которое они видели в вечевой республике. Точка зрения Н. М. Карамзина была иной. Он не стремился революционизировать борьбу Новгорода с Москвой, видя в деятельности Ивана III по централизации Руси прогрессивное начало, хотя при этом тирания Ивана Грозного, проявившаяся в страшных событиях расправы над новгородцами, была однозначно осуждена.

В развитии новгородской темы в литературе начала XIX века Ф. Я. Прийма выделяет трактовку исторических новгородских сюжетов в духе предромантизма, основу которой составляло создание общеславянского колорита древности, близкого некоторыми чертами классицизму, с ориентацией на «Слово о полку Игореве», летописи, фольклор. С этим направлением связаны произведения В. А. Жуковского: повесть в традициях сентиментализма «Вадим Новгородский» (1803) и баллада «Вадим» (1814–1817). Развитие темы в традициях гражданского романтизма, которому было свойственно особое отношение к историческим сюжетам, их прямая связь с современностью, было представлено в творчестве В. Ф. Раевского, В. К. Кюхельбекера, А. А. Бестужева. Присутствует новгородская тема в творчестве Любомудров Д. В. Веневитинова, А. С. Хомякова.

Новый виток развития этой темы приходится на 1830-е годы. Интерес к ней поддерживался и событиями политическими (Новгородские волнения 1830–31 гг. в связи с введением военных поселений), а также новым отношением к трагическим страницам новгородской истории, к мученической смерти новгородцев, долго боровшихся с властью Москвы, которые порождали прямые ассоциации с недавними событиями 1825 года. Значительные новые произведения, посвященные новгородской теме, созданы А. И. Одоевским в 1830-е годы.

Одоевский в разработке новгородской темы идет по пути сгущения национального колорита, тщательной проработки исторических источников. Новгородская тема входит в состав его произведений периода ссылки, посвященных Древней Руси. Среди них вы-

деляются поэма «Василько» и «новгородский цикл» (оба 1829–30 гг.). Славянская мифология в поэме «Василько» связана с историческим сюжетом эпохи христианизации Руси, поэтому языческий пантеон и жрецы предстают как выразители темных стихийных сил, которые должны быть просветлены и гармонизированы новой верой. Другой вариант использования мифа и в содержательном аспекте и в плане мифопоэтики представлен в «новгородском» цикле. В нем Одоевский, насколько нам известно, один из первых в русской литературе XIX века открывает в духовной культуре Древней Руси софийные мотивы, обращается к мифу о Софии.

Цикл составляют пять произведений, объединенных на исторической основе. Три стихотворения: «Старица-пророчица», «Зосима», «Неведомая странница» посвящены начальному этапу событий, первому походу Москвы на Новгород, два других – «Иоанн Преподобный» и «Кутья» – объединены событием 1570 года – расправой Ивана Грозного над непокорными новгородцами. Специально как цикл эти стихотворения не рассматривались. Отдельные замечания исследователей касались преимущественно темы страданий, наиболее явственно звучащей в описаниях казней, мученичества. В русле общей оценки образа автора в творчестве Одоевского как «тихого мученика за свободу, верящего лишь в потустороннее бытие» [2], тема страданий выступала как главная. В. Г. Базанов отмечает «грустный лиризм» новгородских стихотворений и подчеркивает, что Одоевский смотрит на борьбу Новгорода и Пскова глазами участника неудавшегося восстания.

Источниковедческие разыскания привели современных исследователей к выводу о том, что при создании цикла особую роль сыграло изучение «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина, которая для большинства декабристов оставалась наиболее авторитетным, глубоким источником знаний о русской истории. Нет необходимости подробно говорить о том, что «История» Карамзина воспринималась как особый текст, этот вопрос подробно рассматривается в отечественной науке. Напомним только один знаменательный факт из восприятия «Истории». Современный исследователь приводит по этому поводу эпизод из творческой истории «Бориса Годунова» А. С. Пушкина, который, как известно, использовал для своей трагедии версию об убийстве царевича Дмитрия из труда Карамзина. Пушкин обдумывает свой замысел параллельно чтению Библии и вспоминает фразу Карамзина, которой начиналось предисловие, – «Библия для христианина то же, что история для народа. Этой фразой (наоборот) начиналось прежде предисловие “Истории” Карамзина. При мне он ее переменял» (Письмо к Л. С. Пушкину и О. С. Пушкиной 4 декабря 1824 года). «Образ Карамзина как верховного божества, а его истории как священного текста был распространенным мотивом среди адептов нового слога в 1810-е годы. В стихотворении 1816 года Пушкин называет его “Сокрытого в веках священный судия”. Теперь сам Пушкин готовится последовать этой же стезе: он как бы замещает Карамзина, восстанавливая формулу, от которой сам Карамзин отказался» [3].

Это отношение к «Истории» Карамзина во многом сохранил Одоевский в обращении к ней как источнику новгородской темы. Исследователи отмечают, что изучение «Истории» Н. М. Карамзина было настолько глубоким, что в тексте есть прямые цитации из труда историка – это фраза «Кто на бога, кто на Новгород?», представляющая прямое заимствование из главы о царствовании Ивана Грозного периода борьбы с Новгородом [4]. Органичность вхождения в цикл и соотнесенность ее с авторской позицией при изображении гибели Новгорода позволяет подтвердить это. Примечательно и само основательное знание русской истории Одоевским, о котором вспоминает А. Е. Розен. Одоевский постоянно жаловался на недостаток исторических документов. О том, насколько глубоким был интерес поэта к русской истории, говорит следующий случай: «Одоевскому в очередной раз следовало читать о русской литературе; он сел в углу с тетрадь в руке и начал с разбора о походе Игоря, продолжал несколько вечеров и довел лекции до состо-

яния русской словесности в 1825 году. Окончив последнюю лекцию, он бросил тетрадь на кровать, и мы увидели, что она была белая, без заметок, без чисел хронологических и что он все читал на память» [5].

Особому, святому отношению к древней русской истории способствовал и целый ряд других моментов, определявших авторский взгляд. В сохранившемся письме отцу из Елани 22 ноября 1833 года поэт пишет о том, что история России служит для него «источником вдохновений – древняя история, столь простая и иногда столь прекрасная в устах наших монахов-летописцев» [6]. Круг чтения Одоевского был связан также с духовной литературой, которую декабристы изучали в ссылке. Из воспоминаний декабриста Н. В. Басаргина, который был вместе с Одоевским в Петровском заводе, узнаем, что среди общих занятий было чтение «наших собственных переводов знаменитых иностранных проповедников, английских, немецких, французских, проповеди известных отцов русской церкви, и кончали чтением нескольких глав из Евангелия, Деяний Апостолов или Посланий» [7]. Есть сведения об изучении поэтом христианской литературы еще в юности под руководством протоиерея Владимирского собора М. Каминского и видного священника-педагога Г. Мансветова [8]. В качестве прямого духовного источника «новгородского» цикла А. И. Кубасов называет «Житие Зосимы и Савватия» [9]. Все эти факты говорят о двух группах источников, над которыми поэт работал при создании цикла о гибели Новгорода, – это исторические труды, главным из которых, вероятнее всего, была «История» Карамзина, и духовная литература, знакомство с которой произошло в юности и было продолжено в дальнейшем. Внимание Одоевского к истокам русской национальной культуры, изучение древнерусских страниц истории приводило к более глубокому пониманию внутреннего мира человека далекой эпохи, – аллюзионное начало, несомненно, присутствующее в цикле, не было определяющим, точнее, Одоевский гораздо глубже простых параллелизмов искал основы национальной духовности в событиях древности, которые были понятны и близки современной жизни. Это подтверждает круг источников, которые поэт использовал при работе над циклами.

Характеризуя «новгородский» цикл, В. Г. Базанов подчеркнул, что историзм Одоевского «точнее, чем у Рыльева, но это касается отдельных исторических деталей, бытописания, историзм не распространяется на основную концепцию. Для Одоевского остается непроясненным смысл присоединения древнего Новгорода к Московскому государству» [10]. Но это глубокое суждение нуждается в некотором уточнении. Смысл исторической трактовки автором судьбы Новгорода возникает в развитии двух главных мотивов цикла – русского, святого, уходящего в глубины истории Древней Руси, и сатанинского, царского, кровавого. Разорение одного из самых древних очагов русской культуры оценивается в библейско-христианской системе ценностей как трагическая гибель, мученичество под властью сатанинской силы.

Мотив русского святого многообразно воплощен в цикле Одоевского. Это и судьбы отдельных героев, и коллективный образ новгородцев, и строй новгородской жизни. Но в цикле есть образ, который объединяет в духовное единство все эти начала – это София. Образ-символ Софии, софийность, который развивается на всем протяжении цикла, связан с нравственной и философской основой древнерусской национальной культуры, ее эмоциональным миром, указывает на ее истоки и связи со всем христианским миром. Образ Софии имеется во всех стихотворениях цикла, сосредоточивая в себе значительный художественный смысл. В ключевом стихотворении «Неведомая странница» ядром лирического события является поэтический миф о Софии, спускавшейся к новгородцам с небес, чтобы сказать им «святое утешение». Это появление образа Софии в стихотворении не случайно.

Обращаясь к философскому содержанию символа, отметим, что учение о Софии сформировалось в ранней христианской культуре. В библейской традиции образ Премудрости Божией, Софии описывается как личное олицетворенное существо (Книга

Премудростей Соломона). София выступает как девственное порождение верховного отца, до тождества к нему близкое. В своей премудрости София наделена действенной мироустроющей волей. Она описывается и как «художница», «строительница», по законам божьего ремесла строящая мир: «Премудрость создала себе дом и утвердила семь столбов» (Притчи Соломона). В дальнейшем развитии этого образа «софийность» связывается с рядом понятий, означающих «начало», «материнское лоно», в раввинистической, а позднее гностической традиции. В византийской традиции, где большое значение получило развитие образа Софии как теократического принципа, личностное, индивидуальное и девственное начало позволяет сблизить образ Софии с образом деви Марии. Этот сложный спектр значений и смыслов, который развивался в христианстве, по-особому преломился в эпоху византийского влияния на Русь [11].

В первые десятилетия XIX разработка «софийности» как основополагающего начала православия присутствует в ряде работ, среди которых отметим труды митрополита Е. Болховитинова, как наиболее известные в кругу чтения пушкинского времени. Болховитинов пишет, что «в России донныне находится пять соборных храмов во имя святой Софии / Киевский, Новгородский, Вологодский, Тобольский и Московский на Пушечном дворе», подчеркивая тем самым, что София, софийность – одно из древнейших начал русского христианства [12]. В более раннем труде Е. Болховитинов подробно останавливается на истории Новгорода, описывает княжение Гостомысла, пересказывает предания о его захоронении, особо рассматривает «вече», которое определяло «суд», «войну и мир» новгородцев [13]. Привлекал внимание к новгородской теме и большой поток публикаций 1820 – начала 1830-х гг. о знаменитых Корсунских воротах, которые находились в Софийском соборе. Статьи о них П. Кеппена, С. Русова, П. Свиньина, А. Вельтмана, Ф. Аделунга не были посвящены софийности как явлению русской православной духовности, но они давали историческую основу представлениям о глубоких связях новгородской культуры с Византией. В этом же ключе была осуществлена публикация П. Строевым «Софийского временника или русской летописи с 862 по 1534 г.» (1820). Неоднократно возвращается к новгородской Софии и «софийности» в своих публикациях А. Н. Муравьев. Замечательные страницы он посвящает ей в главе «Торжество Софийское» в своей книге «Путешествие по святым местам русским» (в виде статьи глава опубликована в 1836 году в «Библиотеке для чтения»), позднее, после поездки по святым местам, он напишет и о Константинопольской Софии. Таким образом, даже этот беглый обзор далеко не полного круга публикаций говорит о том, что София была предметом внимания, изучения как в историческом аспекте, так и в области национальной духовности. Связь Софии с Новгородом, с началом русского православия была обозначена ясно и отчетливо.

В софиологии конца XIX – начала XX века органичность этого понятия для русской культуры будет изучена подробно и получит выражение в трудах В. С. Соловьева, П. А. Флоренского, С. Н. Булгакова, Л. П. Карсавина и др. [14]. Напомним только одно из основополагающих суждений П. А. Флоренского о том, что в Софии, воплотившейся во всех формах русской духовной жизни, соединялись два ряда значений – «вечное достоинство личности», «живая истина», «красота» [15].

Новгородский аспект софийной темы рассматривает Д. С. Лихачев, отмечая, что в Софии сосредоточились начала духовной и политической жизни Новгорода, эталон красоты, гармонии и объединяющее начало: «София получила очень широкое распространение в Новгороде, носителе старорусской культуры и письменности, куда христианство пришло под знаком Софии, Премудрости Божией» [16]. Из новгородской летописи узнаем, что собор святой Софии был построен первым среди других храмов города. С того времени ни одно здание в Новгороде в течение многих веков не строилось выше и больше собора Софии, в архитектурном ансамбле города подчеркивалось его главенство. Одновременно собор становился центром политической жизни города: в нем находи-

лась богатейшая казна, библиотека, рядом с ним собиралось по зову огромного колокола новгородское вече, проходили выборы главы новгородского Совета. Знаменательно, что София стала постепенно неотъемлемой частью гражданского сознания новгородцев. Отправляясь в военные походы, они заклиняют врага на гибель «силою креста честного и помощью святыя Софья» [17]. В борьбе с татарами новгородцы предпочитают умереть за Софию, чем платить дань врагам. В. Г. Греков пишет, что «Где Святая София, там и Новгород, – это не просто фраза, ... а вполне реальный факт новгородской истории. Вместо Новгорода в договорах с князьями новгородцы говорили “Святая София”, когда речь шла о присоединении новых земель».

Подытоживая этот экскурс в историю новгородской Софии и софийности, следует отметить, что основная группа значений этого христианского символа, глубоко усвоенного древней русской культурой, была знакома Одоевскому. Об этом говорит прижизненный контекст работ и сами «новгородские» произведения. Но поэтический цикл не является простой иллюстрацией мифа о Софии или житийного сюжета о Софии-мученице. В художественном мире Одоевского библейско-христианский миф получает оригинальное творческое осмысление, на основе сакрального текста возникает поэтический миф, в котором каноническая основа глубоко соединена с личностным романтическим переживанием драматических событий русской истории. Их мифологизация основана на повторяемости, неустрашимости совершившегося в древности. В отношении к историческим событиям возникало понимание их предустановленности, изначальной определенности. Именно так Одоевский раскрывает новгородскую трагедию. Романтическое мифотворчество повторяет модель архаики в личностном аспекте. А. Ф. Лосев пишет, что «миф – это лик личности, т. е. это образ личностного бытия, который в процессе самопознания противопоставляет себя внешнему. Эта личностная ориентация мифа сближает его с религией, которая являет собой не что иное, как самоутверждение личности в вечности» [18].

Следуя ветхозаветной традиции, Одоевский делает Софию олицетворенным существом. Это «неведомая женщина», «невеста», «дева», «странница», «изгнанница», «целебница», «божия посланница». В ряду художественных значений пересекаются два основных: София – новгородка, изгнанная из родного дома вместе с другими, невеста, оставленная женихом, идущим на битву и погибающим, горящая «странница», и вместе с тем, она имеет чудесный облик, она «заступница», ее целебное слово утешает, кроме того, она пророчествует. Художественное пространство Софии в цикле двусферно. Это Новгород, где она является хозяйкой «Софиина дома», и небо, откуда она «молит о разметанных сынах», становясь матерью всех страдальцев. Развертывание этих смыслов, перемещение Софии в этих сферах выступает сквозным мотивом цикла.

Первое стихотворение «Старица-пророчица» [19] соединяет в образе Софии библейский символ непорочности, она «невеста» и одновременно обручение с ней – это знак независимости, обретение кровных связей с вольной республикой, подкрепленных готовностью погибнуть за нее:

Есть одна теперь *невеста*,
Есть одна – святая *София*:
Обручись ты с ней душою,
Уберися честно ранами
И омойся алой кровью... [20] (курсив мой. – Л. Х.)

Историко-героическая тема представлена в стихотворении с использованием мотива предречения, пророчества. В соответствии с историческим фактом воинам дается возможность выбора, в каждом случае выбор дополнен предсказанием старицы. Битва и смерть с «честными ранами» за Шелонью противопоставлена рабству: «Если

ты мечом не выраешь / Сердцу вольному могилы, / Не на вече, не на родину, – А при-
дешь ты на неволю». В соответствии с этим организована композиция стихотворения.
В первой и в последней частях, где ставится и реализуется возможность выбора, усиле-
ны фольклорные тона. Песенная анафора открывает стихотворение: «*На мосту* стояла
старица, / *На мосту* чрез синий Волхов...». Характерен пластический жест-обращение:
«Молвил слово ей с поклоном: “Загадай ты мне на счастье, / Ворочусь ли через Волхов”».
В символике пророчества узнаваем легкий след «Слова о полку Игореве»: «За Шелонью
враны каркают, / Плачет в тереме невеста...». С вороном соединяют предвестие военных
неудач многие древнерусские литературные памятники, этот образ пришел из фольклора
и был поддержан в христианской символике.

Образ Софии в первой и третьей частях соотнесен с выбором воинского подвига,
она определена как невеста, новгородка, защищать которую есть героическое деяние.
Переход к Софии, как знаку общности всех новгородцев, совершается в воинском при-
зыве, в котором звучит патриотизм: «Грозно взвывают московские стяги, / С радостным
кликом *Софии* святой / Стала дружина...». Вспомним указание историков: поэтический
образ у Одоевского рожден несомненным знанием летописи.

Но сложность развития мотива Софии в стихотворении «Старица-пророчица» не
ограничивается переходом Софии-невесты в символ воинского призыва. Происходит
дальнейшее движение. В образ вносится идея всеобщности, покровительства. «Теплая
молитва» Софии обращена к Спасу. Динамика может быть представлена как нарастание
духовности, преображение Софии, становящейся ангелом, заступницей. Дальнейшее уг-
лубление этого мотива находим в стихотворении «Кутья». Образ Софии здесь перекли-
кается с мифопоэтическим значением этого символа, расширяемого до образа Земли, ма-
теринского лона, изначальности. Новгородцы – это сыновья Софии («В небе тихо молит
София о разметанных сынах»).

Встречается в цикле и еще одно значение всеобщности Софии, оно возникает не в
семантике материнства – сыновства, а в образе дома, развивая этот мотив в новом вари-
анте. Образ дома опредмечивается, конкретизируется. «Святой Софиин дом» – это Нов-
город с его святыней, собором святой Софии. Одновременно дом выступает в значе-
нии «семья», родовое место:

Кто моложе – слова ждет,
А заводят речь старейшие
Про святой Софии дом:
«Кто на бога, кто на Новгород?» –
Речь бежала вдоль стола... («Зосима»)

Незванный гость приехал в Новгород,
К святой Софии в дом разрушенный
И там устроил торг... («Иоанн Преподобный»)

Присутствует и полное отождествление «Софии» и «дома» и развитие семантики:
София – хозяйка дома, владелица богатств.

В ключевом стихотворении «Неведомая странница» кроме уже выделенных значе-
ний Софии как олицетворенного существа и как символа дома-Новгорода намечены но-
вые оттенки значений. В рукописи первоначальное название стихотворения было другим.
Один вариант – «Софья-целебница», другой – «Новгородская Изгнанница». Озаглавив
стихотворение «Неведомая странница», Одоевский более емко передал весь спектр ху-
дожественных значений образа. В семантике слова «странница» есть высокая древне-
русская духовность и вместе с тем конкретность драматической судьбы героини, которая
обречена на скитания, мученичество. Появляются коннотации житийного канона муче-
ницы Софии, канонизированной в раннем христианстве за преданность вере. Иконопис-

ность ее облика подчеркивается особой деталью – это «очи ясные заплаканы», в которых узнаваема печаль Богоматери. Следующая ступень развития поэтического мифа о Софии связана с ее преображением. Его подготавливает слово героини. Значимость слова Софии возрастает: оно является «святым утешением», «соком целебным», оно входит в «сердце», «усыпляет печаль». Слово Софии собирает вокруг себя оставшихся («Вокруг жены толпа теснится, слушает...»). Избранничество героини, ее высокий восходящий путь в преодолении мук и страданий отмечены новым даром слова, обращенного к другим с любовью и утешением. Сопоставление слово-жизнь было одним из устойчивых для духовной литературы. С. Н. Трубецкой отмечает, что «по Писанию слово как атрибут Бога обладает реальной силой... Ему присуще конкретное содержание, и потому оно выполняет посредническую функцию между богом и людьми. Носители этого слова – пророки, святые, апостолы» [21].

В дальнейшем движении Софии появляется вертикаль. Ее переход в небеса в качестве «божией посланницы» сопровождается астральной атрибутикой:

Уже темнеет небо, путь туманится,
Идут... Но в воздух чудная целебница
С пути подымется как пар,
Чело звездами светлыми увенчано,
Чем выше, все летучий стан воздушнее,
И светозарнее чело...

Светоносный облик Софии также соотносим с традицией духовной литературы. В. П. Адрианова-Перетц указывает, что в иконографии и в похвалах святой, проповедник христианства или мученик, умирающий за него, – солнце, которое просвещает землю лучами истиной веры. В песнопениях постоянно встречаются такие метафорические сравнения, как «светло», «присветло», «светозарно» [22].

Таким образом, в «Неведомой страннице» соединяются все предшествующие значения Софии, завершаясь в создании образа героини, причастной горнему миру. Движение вверх, преображение Софии гармонично уравновешено ее словом с небес, которое спадает на землю, замирает в слухе путников, выступая своего рода проповедью. Заключительная часть слова отчетливо слита с авторским голосом:

Нет, веруйте в земное воскресение:
В потомках ваше племя оживет,
И чад моих святое поколение
Покроет Русь и процветет.

В строфике стихотворения обращают на себя внимание усеченные строки. В статье «О трагедии “Венцеслав”, соч. Ротру, переделанной Жандром» Одоевский писал, что «правило истинного стихотворства... не только сладкозвучное падение периодов, но... музыкальная ответственность между смыслом и размером» [23]. Это утверждение отчетливо прослеживается в рисунке стихотворных периодов «Неведомой странницы». Усеченные строки завершают полустрофы. Их назначение – афористически обобщить смысл, повысить значимость высказывания с помощью изменения ритма. В ряду усеченных строк особо значима последняя: «Покроет Русь и процветет». Награда мученикам и праведникам – вечное блаженство. Одоевский в соответствии со своей исторической установкой раскрыть мученический путь Святой Руси вводит образ «святых поколений», которые будут возвращены на русскую землю.

Подведем некоторые итоги. Художественная семантика образа Софии в основном сохраняет библейско-христианскую основу, опираясь на два исходных значения – олицетворенное существо и символ мироустройства, символ дома. Но в каждое из них Одоевский вносит дополнительный смысл, который отражает историко-культурное содержание,

связанное с Новгородом. Поэтический миф Одоевского возникает в процессе движения от канонического смысла к историческому и индивидуальному, благодаря чему в образе Софии оказываются соединены черты героини христианско-библейской мифологии и образ мученицы-новгородки, с исконно русскими национальными чертами. Миф о Софии и житийная канва, дополненные образами из фольклора и древнерусской литературы, творчески переосмыслены в мифопоэтике всего цикла. Традиционный символ Софии-дома как упорядоченного мира наполнен исторической конкретностью. Дом Софии – это Новгород в его исторической и духовной цельности.

Второй ряд мотивов «новгородского» цикла развивается на основе исторического сюжета, в который вносятся апокалиптические символы, выражающие оценку происходящих событий, и фольклорные пиршественные мотивы в их амбивалентном значении «веселое пированье» и поминки. В статье Н. Г. Дервиной-Ларионовой была отмечена переключка «Зосимы» и «Кутьи», в которых представлены пиршественные образы. Сопоставляя их поэтическую лексику и синтаксис, исследовательница указала, как преобразует поэтический контекст «Кутьи» слова и выражения из «Зосимы»: «Пир веселый оборачивается в белокаменных палатах царя в “тайное собрание”, вместо песен гости “прошептали песнь отходную”» [24]. Симметрично расположенные в начале и в конце цикла, пиршественные образы, на наш взгляд, не только контрастны по смыслу, но включаются в более широкую картину пиршества смерти, апокалиптическая символика которой формирует исторический миф о сатанинстве Ивана Грозного.

Впервые единение мотива пира и смерти происходит в «Зосиме». Пиршественная картина в доме Марфы Борецкой сохраняет традиции былинного канона. Подчеркнуто национальный колорит вносят реалии быта древности, сохранены черты пиршественного ритуала в поведении хозяев и гостей. Но наряду с самостоятельным значением, пир выполняет роль завязки исторического сюжета. На веселом пиру присутствует мрачный гость, инок, от взгляда которого бледнеют все. Одоевский оживляет древний смысл метафоры «пир смерти» в словах инока, в которых происходит замещение светлого пира «пированьем в гробах». В предрекаемой картине появляются участники другого пира – «топора следы кровавые» у них на челах, атмосфера зловещей тишины создана «умирающим гулом» вечного колокола, картину дополняет «прах развалин».

В «Иоанне Преподобном» пророческие слова Зосимы реализованы в подробностях казней, творимых в Новгороде войском Ивана Грозного. Обращает на себя внимание хронология баллады. События первой и третьей частей, где описаны захоронения и молитвы, совершаемые Иоанном по убитым, происходят ночью, это ночной берег Волхова, вторая центральная часть – это описание яркого дня, во время которого Новгород с его «пятью концами» превращен в огромную бойню, освещен ярким блеском разграбленного золота. Апокалиптическая символика перевернувшегося мира, Судного дня поддержана и прямыми цитациями сакрального текста. Появление Ивана Грозного уподоблено самым страшным бедствиям, отмеченным в Апокалипсисе:

Не саранчи ли тучи шумные
На нивах поглощают золото?
Не тучи саранчи!
Что голод ли с повальной язвою
По стогнам рыщет, не нарыщет?
Не голод и не мор.

Дополняет это отрицательное сравнение фольклорная формула – «незванный гость». Так в народной поэзии часто называют саму смерть. В балладе окружен этой символикой Иван Грозный. Атрибутами смерти в фольклоре выступают кровь, окровавленная одежда, оружие и т. д. [25]. У Одоевского рядом с царем рассеченные тела, отрубленные головы. Зафиксированная в исторических памятниках жестокость царя поэтом пред-

ставлена в системе двойной символики – христианской и фольклорной. С этим героем пришел страшный день, этот герой является олицетворением смерти. Смысл кольцевого обрамления баллады, действие которой начинается и завершается на берегу Волхова, по которому плывут тела казненных, очень многозначен. Это и развитие темы гибели, исчезновения, но, вместе с тем, погребение с тихой молитвой за упокой душ, которую произносит монах, его христианское человеколюбие противопоставлено исчезновению в бездне.

В завершающем цикл стихотворении «Кутья» использована древняя обрядовая символика тризны, поминок об умерших. Смысл обряда основан на вере вечно возобновляемую жизнь. «Тризна, – пишет А. П. Скафтымов, – связана с амбивалентностью всех образов народного творчества, где конец должен быть чреват новым началом, как смерть – новым рождением» [26]. В «Кутье» этого нет. Тризна совершается не как ритуальное действие, а как насмешка над ним, потому что «правит тризну» палач. Называя царя «радушным хозяином», поэт передает всю горечь трагической иронии. Тризна по новгородцам – это «злая потеха» Грозного. Н. М. Карамзин пишет о том, как «государь призвал к себе остальных именитых новгородцев, из каждой улицы по одному человеку: они явились как тени, бледные, изнуренные ужасом, ожидая смерти. Но царь *воззрел на них оком милостивым и кротким...*» [27]. Современные исследователи подчеркивают, что «для поведения Грозного была типична ирония в самых различных ее формах... но свою игру в смирение Грозный никогда не затягивал. Ему важен был контраст с его реальным положением неограниченного властелина... Он любил неожиданный гнев, неожиданные казни и убийства» [28]. Сравнение этих оценок с обликом московского царя, который создал Одоевский, дает возможность увидеть, что Одоевскому близок был взгляд Карамзина, в основе которого лежит этический комплекс христианских нравственных норм, нарушение которых порождает чудовищные проявления злодейства и преступлений. Усиливая этот подход, Одоевский помещает царя в центре пиршества смерти, которое совершается по его указке. Особое художественное значение обретают в нем краски яркой крови, блещущих копий, топора. На этом фоне Грозный приобретает черты сатанинской силы, противостоящей всему святому. Концовка стихотворения «Кутья» разводит эти начала как жизнь и смерть:

Грозный злобно потешается
В белокаменной Москве.
В небе тихо молит София
О разметанных сынах.

Подведем итоги в связи с общей задачей нашей работы. «Новгородский» цикл Одоевского в развитии этой исторической темы явился новым вариантом ее осмысления. В основе подхода – глубокое проникновение в историческую ткань событий гибели Новгорода, которое оказалось возможным благодаря обращению к значительному кругу исторических трудов, летописей, памятников древнерусской литературы и фольклора. Мифотворческий подход к теме сформировался на основе обращения Одоевского к тем основополагающим представлениям о мире, о святости и сатанинстве, о мученичестве и воздаянии, добре и зле, которые были сформированы христианско-православной духовностью. Использование библейско-христианского мифа о Софии и элементов жития оказалось возможно потому, что глубоко лично были пережиты эти основополагающие представления. Поэтический миф о Софии-новгородке, созданный Одоевским, открывал в древности современность и уводил в Древнюю Русь, чтобы оттуда по-новому взглянуть на современность. Поэтический миф о Софии пронизан интонациями спасающего заступничества, цельности мировосприятия, которые давали поэту опору в современности.

Литература

1. Подробный обзор произведений, посвященных новгородской теме, приведен в статье Ф. Я. Приймы «Тема “новгородской свободы” в русской литературе конца XVIII – начала XIX в. // На путях к романтизму. – Л., 1984. – С. 100–139.
2. Котляревский Н. А. Декабристы. – А. И. Одоевский и А. А. Бестужев. – СПб., 1907. – С. 5.
3. Гаспаров Б. М. Поэтический язык Пушкина. – СПб., 1999. – С. 238. Подробно рассматривается восприятие исторических трудов Н. М. Карамзина в 1810–20-х в работе Ф. З. Кануновой «Русская история в чтении и исследованиях В. А. Жуковского» // Библиотека В. А. Жуковского в Томске. – Томск, 1978. – С. 436–449.
4. Прокофьева Н. Н. Обработка древнерусского литературного сюжета в балладе А. И. Одоевского «Зосима» // Литература Древней Руси. – М., 1981. – С. 119.
5. Одоевский А. И. Полное собрание стихотворений (Изд. подгот. М. А. Брискманом). – Л., 1958. – С. 26.
6. Басаргин Н. В. Записки // Декабристы в Сибири. – Иркутск, 1977. – С. 46.
7. Стрельникова И. А. Вольнолюбивые и религиозные мотивы в лирике А. И. Одоевского // Научные труды Куйбышевского пед. ин-та. – Т. 187. – Вып. 2. – С. 10.
8. Одоевский А. И. Полное собрание стихотворений и писем (Подготовка текста и комментарии А. И. Кубасова). – М.; Л., 1934. – С. 136.
9. Базанов В. Г. Очерки декабристской литературы. Поэзия. – М.; Л., 1961. – С. 356.
10. См.: Топоров В. Н. Еще раз о древнегреческом (София): происхождение слова и его внутренний смысл // Структура текста. – М., 1980. – С. 148–173; Мифы народов мира. – М., 1982. – Т. 2 – С. 464–465 (автор статьи не указан).
11. Болховитинов Е. Описание Киево-Софийского собора и Киевской Иерархии. – Киев, 1825. – С. 18.
12. Болховитинов Е. Исторические разговоры о древностях Великого Новгорода. – М., 1808. – С. 51.
13. См.: Новикова Е. Г. Софийность русской прозы. – Томск, 1999. – С. 11–22 (работа содержит библиографию исследований по данной проблеме).
14. Флоренский П. А. Столп и утверждение истины. – М., 1914. – С. 349.
15. Лихачев Д. С. Земля родная. – М., 1983. – С. 190.
16. Новгородская летопись старшего извода. – М.; Л., 1950. – С. 20.
17. Лосев А. Ф. Диалектика мифа. – М., 1994. – С. 11.
18. Считая стихотворение первым в цикле, мы идем от исторической основы. Битва новгородцев с войском Ивана III состоялась 14 июля 1471 года. Закончившись поражением новгородского войска, она предредила будущее падение Новгорода.
19. Одоевский А. И. Полное собрание стихотворений (Изд. подгот. М. А. Брискманом). – Л., 1958. (Все стихотворения цитируются по этому изданию).
20. Трубецкой С. Н. Учение о Логосе и его истории: Философско-исторические исследования. – М., 1906. – С. 255.
21. Адрианова-Перетц В. П. Очерки поэтического стиля древней Руси. – М.; Л., 1948. – С. 67.
22. Литературно-критические работы декабристов. – М., 1978. – С. 216.
23. Дервина-Ларионова Н. Г. Слово в поэзии А. И. Одоевского // Русская речь. – 1975. – С. 34–35.
24. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. – Л., 1946. – С. 92.
25. Скафтымов А. П. Статьи о русской литературе. – Саратов, 1958. – С. 67.
26. Карамзин Н. М. История государства Российского. – СПб., 1845. – Кн. 111. – Репринтное издание. – 1989. – С. 90.
27. Лихачев Д. С., Панченко А. М. Смеховой мир Древней Руси. – Л., 1976. – С. 33.

М. А. Бологова
кандидат филологических наук,
с. н. с. сектора литературоведения
Институт филологии СО РАН г. Новосибирск

УЛИСС МОСКОВСКИХ ПРЕДМЕСТИЙ: ОДИССЕЯ А. ЭППЕЛЯ И МИР ДЖОЙСА-ГОМЕРА В КНИГЕ «ШАМПИНЬОН МОЕЙ ЖИЗНИ»

В книге «Шампиньон моей жизни» на уровне мотивов и реминисценций сквозь обе части [1] от начала до конца проходят единые хронотопы самых ярких произведений мировой литературы, один из которых, хронотоп «Улисса» Дж. Джойса, во всей его многосоставности, подкорректированный «Одиссеей» Гомера. О сходстве произведений Джойса, Гомера и Эппеля и пойдет речь.

А. Эппель, подобно многим писателям до него (Бальзак, Золя, Фолкнер и др.) создает мир с постоянными пространственными координатами и постоянным населением, связанным друг с другом узами родства, знакомства или соседства. Для одного произведения из этого населения выбирается несколько персонажей, остальные могут эпизодически мелькать на заднем фоне, чтобы когда-нибудь оказаться в центре внимания. Джойс в ряду писателей с такой поэтикой, его «Дублинцы» (цикл рассказов) дали фоновых персонажей «Улисса». «Если город исчезнет с лица земли, его можно будет восстановить по моей книге» [2, с. 552]. А. Эппель воскрешает исчезнувший мир своего детства в его уникальности и своеобразии. С романом, сделавшим литературу и читателя другими [3], книгу Эппеля как целое связывают черты поэтики, аллюзии и мотивы.

Телесность. «Улисс» по Джойсу – «эпос человеческого тела» [2, с. 552]. То же можно сказать и о книге Эппеля, где эротическое любопытство юности составляет основной тематический пласт. Джойс создает карты, атласы тела в своем романе, с каждым эпизодом, по его утверждению, связан определенный орган человеческого тела. Подобное прослеживается и у Эппеля. «Два Товита» – глаза (слепота), «Июль» – легкие (удушьё), «Вы у меня второй» – уши (глухота), «Леонидова победа», «*Aestas sacra*» – гениталии (попытка стать гермафродитом и изнасилование) и т. д. Тело образует свой космос. Каждый орган с его здоровьем и болезнью, расцветом и увяданием множеством незримых нитей связан с мироустройством; макрокосм, порядок и непорядок в нем, отражается в микрокосме. Телесные метафоры и параллели – любимые у обоих авторов.

Хронотоп странствия «странного» героя. Главным героем Джойс делает еврея, еврей в Дублине – «крохотное экзотическое меньшинство», «иностранцы». «От Блума требовалось быть в гуще дублинской жизни, но иметь при этом некую дистанцированность, позицию наблюдателя. Этому же содействует его безрелигиозность, невключенность ни в одну из религиозных общин» [2, с. 570]. Именно подобные герои, оторванные от почвы, улетевшие прочь или способные улететь, интересуют А. Эппеля. Причем полны ими не только его собственные произведения, но и произведения, которые он цитирует или вспоминает. Скитается Одиссей, странствует Вильгельм Мейстер, путешествует по деревням, интересуясь жизнью крестьян, «барин»-охотник «Записок охотника» Тургенева (и предпочитает жить за границей автор «Стихотворений в прозе»). Застревают в пути и скитаниях по разным местам герои «Кентавра» Апдайка. Зброшен в другое историческое время янки Марка Твена, не может усидеть на одном месте Гек Финн. Пускается искать счастья в чужой земле мать Руфи-моавитянки, странствует Товия с архангелом Рафаилом, и даже Адам, подобно Ионе, прибыл к Еве из какого-то другого рая, по Эппелю, которого не устраивает исходная неподвижность героя Книги Бытия. Перемещаются из родных мест в музей статуи, «кочует» по миру балерина Вера из «Весны священной» А. Карпентьера. Список можно продолжать. Блум активно перемещается по Дублину.

Школа. Композиционного соответствия первой книге Джойса, «Телемахиде» (и первым четырем песням Гомера) у Эппеля нет. Есть мотивное сходство внутри рассказов. Стивен дает урок в школе. Дети, конечно, не столь чудовищны, как в рассказе «Худо тут» Эппеля, однако кое-какое сходство есть. Ученик «уродлив и бестолков: худая шея, спутанные волосы, пятно на щеке – след слизня» [2, с. 25]. У Эппеля: «...а Кондрашка, голенький, маленький, лиловенький, синенький, бегом-бегом, а за ним училка» [2, с. 136], другие тоже – «недомерки и недоноски». Мир детства в рассказе – «остров неутолимого голода» («Одиссея», IV), тоже обыгрывается Джойсом. Причина такого редуцированного начала у Эппеля – особенности соотношения образов Телемака и Одиссея. У Гомера и Джойса это отец и сын, у Эппеля – мальчик-герой и умудренный долгой жизнью рассказчик, сливающийся с ним в общем «я» (Бог-Отец и Бог-Сын тоже одно лицо по христианским воззрениям; двуликий Янус – древний демиург – изображен как отец и сын в одном, время для них течет вспять по отношению друг к другу, пока один стареет, другой молодеет и наоборот, один обращен лицом в прошлое, другой в будущее, один внутрь – другой вовне, но у Эппеля эти лица обращены не друг от друга, а как Одиссей и Телемак – движутся друг к другу).

Утраченная родина, возвращение. Ключевой мотив «Одиссеи» – возвращение. «Улисс испытывал многие приключения, стремясь душою к сыну, жене и очагу; Телемак искал отца; и вся история двигалась к их встрече» [2, с. 650]. Рассказчик А. Эппеля стремится вернуться на родину своего детства, в те «остановленные» и восстановленные его памятью мгновенья, ради которых и рассказываются все эти истории. Помогает ему в этом он сам в детстве и юности – Телемак. Телемак и Одиссей здесь нередко встречаются и даже сливаются в одно целое. «Начиная рассказ, я встал уже, читатель, перед тобой и Внемлющим на колени, и не надо хотеть, чтобы вспоминая давно прошедшее, я был в этом прошедшем собою только прошедшим; ведь все перемешалось, так что сам разбирайся, где я какой» [2, с. 41]. Тем не менее, хотя в каждой истории «утраченное время» обретается, Одиссей вновь теряет его, и вновь пытается добраться домой посредством новой истории. Даже финальная «Пенелопа» – «*Aestas sacra*», как представляется, хоть и ставит великолепную точку, все же приближает книгу к незавершенности странствия Пруста, а не к завершеному пути Одиссея. Впрочем, по Данте, тот снова отправился в путь. В романе Джойса «важный мотив *опасности* (курсив автора. – М. Б.) странствия переведен в регистр иронии и игры, утратив свой настоящий смысл предельного испытания личности, “пограничной ситуации”» [2, с. 658]. Этот «важный мотив» полностью сохраняется у А. Эппеля, поскольку детские переживания – сильнейшие и определяют собой личность рассказчика и его судьбу.

Остров Калипсо. Начало мира. Собственно странствия Одиссея в «Одиссее» (песнь пятая) Гомера, «Странствия Улисса» (книга вторая) Джойса и «Травяная улица» А. Эппеля начинаются с пребывания Одиссея у «богини богинь» Калипсо (у Эппеля напоминанием об Омфале, «пупе моря» – острове нимфы, должен, видимо, служить бугор на постели). Остров Калипсо («Улисс» II, 4), находящийся «на грани иной жизни» [4], героиня из другого мира – социальной элиты, – исходная точка, откуда набравшийся сил герой Эппеля готов стартовать для долгих странствий.

Лотофаги. Ложный рай. Эпизоду у лотофагов («Улисс» II, 5) соответствует второй рассказ А. Эппеля. Семена прибило к берегу, где его хорошо кормят и быт налажен. Как моряки утратили желание возвращаться на родину, захотев остаться навсегда в стране лотофагов (Одиссею пришлось применить силу), так и Семен был уверен, что уже практически воскресил свой потерянный рай на этом месте и изгнание крайне болезненно для него. Но Семен – существо духовное, его игра на скрипке завораживает слушателей, вызывает слезы, а Ева – сугубо плотское уродливое существо. «Татьяна Туркина, положив со стороны улицы руки на подоконник, слушает, закрыв прекрасные глаза, а со стороны колхоза имени Сталина на улицу входит усталая после бани Ева. <...> Водичка под ее кожей то сереет, то буреет» [2, с. 37–38]. Баню она принимает раз в месяц, «давно

уже привыкший к телесному запаху Евиного нашатыря» (34), Семен ест, ест: «всякий раз смятенно терял голову, переступив порог комнаты, где сидели люди и на столе стояла красивая еда» (30), «где Семен опозорил Еву, попросив добавки» (34); «Когда все, бывало, поедят, Семен брал скрипку... <...> ...играл для своих родственников недолго и немного... а потом пора было уходить, потому что у Евиного отца был геморрой, и керосинщику предстоял мучительный процесс опорожнения, совершаемый над горшком с горячей водой» (31–32). Но ему не удается стать «фагом», пожирателем, он будет искать духовную родину в «визионерстве», достигая его через звуки скрипки.

Аид. Следующий рассказ, «Темной теплой ночью» – Аид («Улисс» II, 6): ночь, чужой для героини мир, обильный «уголовным элементом», дом с «погребенными заживо», жара, в которую плохо сердечникам, «тяжелым серым оловом» налитые ноги, страх: «столько ужаса... всю жизнь... неужто ты тоже так... т-т-такой кошмар...» (60), «затонувший» (ср.: подземный) мир, мучитель преследует жертву (5), спуск вниз: «я говорил уже, что жила она (если квартал-страница) – слева, на уровне нижней тетрадной скрепки, что дорога шла вдоль правой стороны страницы, а я жил – где скрепка верхняя» (60) – двумерный круг ада; «Жоржинька», судя по всему, находится в кругах ГУЛага. Для героини это «Голгофа», а рассказ – «моление» рассказчика о прощении Бога, прощении, которого он не может дать себе сам, мучаясь в старости от свершенного в «уходящем детстве», пребывая в личном аду.

У Циклопов. «Два Товита» соответствуют Циклопам («Улисс» II, 12) – слепота, месть отказом в единственном лекарстве. Здесь большая близость к Гомеру – встреча с Эолом там следует за эпизодом с Полифемом, у Джойса же Эол после Аида. *Царство Эола.* Эолу («Улисс» II, 7) и его меху с ветрами, которые в последний момент умчали Одиссея в море, соответствует «Июль» с кислородной подушкой, которая не смогла спасти: дочь не могла выдохнуть, а герой-отец вдвухвал в нее новый воздух. В финале он топится в пруду в душный летний день. Измерение мира также нарушается. Герой-портной отождествляется с водомеркой, для которой мир двухмерен (П. Д. Успенский). *Феаки.* Феаки – это ведущий идиллическое существование народ, который Одиссеей посещает после Калипсо, рассказы Эппеля связаны общими героями (в «Улиссе» II, 9 – только упоминание феаков), соответствует «Пока и поскольку» – гостеприимство, гений, создающий чудеса, искусность, впрочем, есть и небольшая опасность в виде возможных Сциллы и Харибды (Джойс, II, 9) – соседей-доносчиков и бдительной милиции, которая уходит с дарами и мечтами, как Одиссей. *Лестригоны.* Кровожадным лестригонам («Улисс» II, 8) соответствуют жестокие школьные забавы, расправа над более слабыми. Как хитроумный Одиссей, мальчик (рассказчик) напишет диктант без чернил, несмотря на козни учительницы, уже предвкушающей двойку («Худо тут»). *Сирены.* «Сиренам» («Улисс» II, 11), возможно, соответствует рассказ «Вы у меня второй», где героиня, несмотря на свою глухоту (Одиссеей залепил уши воском), очарована «дурным мужичком», который если и не губит прямо, то бьет ее и издевается над ней. *Симплегады.* Блуждающие скалы, не представляющие опасности и связанные с интеллектуальными лабиринтами («Улисс» II, 10), – кочки «Шампиньона моей жизни».

Берег Навсикаи. Блум не выносит сморщенных чулок на женских ногах. У него «пунктик», чтобы чулки были хорошо натянуты. Примерке чулок и целомудренному мужскому сладострастию («Чулки со стрелкой») соответствует «Навсикая» Джойса («Улисс» II, 13, вставная новелла). Для Блума и для Герти большой значимостью обладают туалеты, действие рассказа Эппеля происходит в Булиной будке. И Герти, и Паня устраивают полную «выставку» не ожидавшим столь многого героям [6]. *Жизненный путь в один день.* Мытарства автобуса, никак не могущего добраться до места назначения, пассажиры, переживающие неприятные приключения из-за давки и карманников, также напоминают о мытарствах Одиссея. Идет автобус от роддома до кладбища, по словам рассказчика, – Блум был и на похоронах, и в родильном приюте.

Гнев Гелиоса. Похищению быков Солнца («Улисс» II, 14), несущему многие беды, соответствует (хотя и очень приблизительно, натянуты соответствия в этом эпизоде у Джойса) обвинение в краже кролика в голодную военную зиму («Сидящие во тьме на венских стульях»). Опустившиеся до последнего, замерзающие и подыхающие с голода люди лишаются еще и стекол в окнах. Если в «Одиссее» люди наказаны за оскорбление бога, то здесь «человек... на фоне другого человека», более сытого, приносящего ему подаяние, становится «лающим» животным. Хозяева жизни – вороны, клюющие человеческие трупы после бомбежек – смерти с неба.

Острова Цирцеи. Люди превращаются в животных системой не на одном острове, как у Гомера, и не в одном эпизоде, как у Джойса. Прямого соответствия «Цирцее» («Улисс» II, 15) нет, однако страх системы, Истории заставляет скрывать в себе человеческое, духовное персонажей рассказа «Не убоишься страха ночного...». У Джойса в этой главе цитата (перефразировка) Дизраэли: «Будь на стороне ангелов». «Вопрос стоит так: человек обезьяна или ангел? Я на стороне ангелов» (644). В этом рассказе, где вспоминаются архангелы и действуют «маленькие мерзавцы», герои на Пасху делают свой выбор в пользу ангелов. Джойс делает Блума в представлении окружающих «женственным мужчиной» (621, 642, эп. 13, 15, 17), что особо акцентируется в «Цирцее». Гермафродит подозреваемый и герой, пытающийся стать гермафродитом, возникают в рассказе «Леонидова победа». Действие «Цирцеи» происходит в публичном доме. В рассказе «Сладкий воздух» несколько «вставных новелл» о толстой Мане с семью девочками, которые мечтают стать борделем (371–374). Военным летчикам остается иметь дело только с солистками народного ансамбля, которые «разлетаются в брызги... от его тоскующих по единственной любви рук» («На траве двора»).

Возвращение. «Измена же и предательство – навязчивая тема Джойса, они ему виделись повсюду» (593); «измена Молли, пружина романа и постоянный источник болезненного драматизма» (657). Эта тема определяет сюжет рассказа «Разрушить пирамиду», где есть «предательство родины», т. е. возможное пребывание в плену Золи, и «женская измена» любимому Люды. Как Люда и Золя начинают «настоящую» жизнь вместе в финале, так «все встает на свои места – и Блум ложится на свое место не убитой жертвой к постылой изменнице, а с прежними неиссякаемыми чувствами тепла, восхищения, вожделения» (657). Сюжетно это «Евмей» («Улисс» III, 16), основная тема – возвращение пропавшего возлюбленного, узнавание его. Сюжет дублируется возвращением блатного Ахмета к «слободской блуднице» и избиением им Буяна, занявшего его место (избиение Одиссеем женихов Пенелопы). У Джойса возникает тема лже-Улисса, двойника или самозванца, «и именно такового Джойс видит в своем завиральном мореходе» (651).

Итака. Рассказ «Помазанник и Вера» – «Итака» («Улисс» III, 17). Блум и Стивен достигают дома Блума и проникают туда. Описанию дома, который почти действующее лицо, уделяется достаточно внимания (дом, похожий на храм, неоднократно мелькал на страницах книги Эппеля, но *внутри* читатель оказывается только в предпоследнем рассказе, «Итака» – предпоследний эпизод «Улисса»). У Стивена гидрофобия и он отвергает предложения Блума совершить омовение, у «помазанника» отвращение к масляному, жирному, внучки, зная это, доводят его. У Джойса приводится баллада о еврейке, зарезавшей малыша, который разбил мячом ее окно. Вера ножом перерезает веревку, с помощью которой помазанник хотел стать неукоренившимся деревом и видит кровь. По Джойсу, «Блум и Стивен превращаются в небесные тела, в странников, подобных тем звездам, на которые они смотрят» (659), помазанник хочет превратиться в дерево.

Пенелопа. Роман Джойса завершается внутренним монологом (поток сознания) Молли Блум – «Пенелопа» («Улисс» III, 18), последний рассказ книги А. Эппеля ближе к финалу содержит поток речи-сознания героини, весьма похожей по типу «вечной женственности» на героиню Джойса. «...абсолютно здоровая упитанная аморальная плодovitая не заслуживающая доверия завлекающая лукавая ограниченная осторожная

безразличная Weib (баба – нем.)» (666). Как таковую, хотя значительно смягчив акценты, воспринимают героиню Эппеля подростки и мясник, авторский взгляд более романтичен и любовно ласков. Так «ограниченность» подается как непрременный залог возможности продолжения жизни: «...ибо ее мозг не имел права ни безгранично развиваться, ни саморазрушаться. Он просто был шкатулкой бесценных инстинктов, сущим кладом, приутованным на случай, если мозги тех пропадут или разовьются до таких пределов, что порвут всякую связь с живым белком Божьего мира» (437). По Джойсу Пенелопа – Земля, Мать-Гая. «Аморализм» («и ей сразу захотелось давать») освещается детской наивностью (несмотря на немалый сексуальный опыт) и «свежестью». «Безразличие» оборачивается готовностью принять и любить любого и в любом находить почему его любить можно. У Молли то же самое: «...она зорко видит все различия между своими кавалерами, но, тем не менее, подходят ей все, в каждом она заинтересована и с каждым готова что-то начать и куда-нибудь дойти. Сакраментальное убеждение “каждая готова с любым” (курсив автора. – М. Б.) проходит сквозь весь роман как кредо Блума и его автора» (667). Здоровье, физическая привлекательность, сильные материнские инстинкты («мне же целый мир надо родить и еще накормить того, который на третьей Мещанской заплакал...») (466), осторожность, потребность «завлекать» («не заслуживающая доверия» – это неизбежное следствие мужской логики) – качества не немецкой бабы, а девчонки московских предместий. «Одним из “пунктиков” Джойса было – отыскивать половые отличия в речи и в поведении» (623), такие отличия присутствуют в речи безымянной героини Эппеля. «“Мы – первенцы”, – неслышным и ненормальным голосом ответил возникший Красивый. – На верстаке она... – “Ты ей по рылу сперва дал, что ли?” – радостно поинтересовался Сухоладонный”. – “Идите кто-нибудь... Она говорит, чтоб шли, и плачет как-то”» (467). Молли пародийно сопоставлена с Богородицей, героиня Эппеля – лирически с Венерой (это непрестанно соотносимые в искусстве образы). Поток, «стихия реки» речи Молли находят соответствие в потоках дождевой воды в рассказе Эппеля, с которым героиня соединяет свою влагу.

С Джойсом роднит книгу Эппеля и звукопись, попытка осязаемого превращения произведения словесного искусства в музыкальное («Улисс» II, 11), «словесное моделирование музыкальной материи и музыкальной формы» (610). В целом же, соотношение книги с этим романом задает восприятие ее как *пути*, полного мифологических опасностей и свершений. Этот путь приподнят над обыденностью, а точнее, обыденность становится поэзией, взлетев к мифу.

Важно и то, что Одиссей – «человек памяти (ибо он тот, кто не желает ничего забыть) и человек границы» (7), что верно для рассказчика Эппеля. Одиссей намерен хранить память о том, кто он такой и сохранить статус смертного (72). «Одиссей прилагает много усилий к тому, чтобы сохранить дистанцию между человеком и животным, с одной стороны, и с другой стороны – границу между человеком и богами» (78), что в контексте рассказов Эппеля означает сохранить свою человечность, не утратить ее, опустившись до «зверя» окраин или возвысившись до «бога» элиты, «бога» как автора, творца созданного мира. Рассказчик, как Одиссей, – «ни бог, ни зверь» (78), хотя, как в «Одиссее», в рассказах поставлены под вопрос «границы и [спутаны] категории, разделяющие людей, богов и животных». Одиссей-рассказчик должен спастись от «чудовищ», в «странствиях», среди которых проходит его детство, и вынести из этого опыт человечности, ее познание. Дантовские устремления познать границы мира на собственном опыте также свойственны ему, хотя при этом по-гомеровски он не отброшен назад и не гибнет у горы Чистилища, но возвращается к себе снова и снова, обретая свой потерянный рай. Это возвращение и есть память о том, что он человек, не должна быть утраченной.

Таким образом, подобно великому ирландцу, А. Эппель также задается целью, хотя и без лобовой атаки на читателя, создать «гомеровский эпос» для увековечения мира своего детства, дать бессмертие исчезнувшему миру с помощью мифа, одного из самых значительных и знаменитых для XX столетия.

Литература

1. Две книги рассказов, объединенных в одну в издании 2000 г. (Эппель А. Шампиньон моей жизни. – М.: Вагриус, 2000; все цитаты по этому изданию с указанием страниц в тексте работы). Позднее они снова переиздавались по отдельности, что, на наш взгляд, не совсем корректно – в свете разысканий, предложенных в данной статье. Эти книги – единое целое через просвечивающее сквозь них развитие единого действия.
2. Все цитаты Джойса и комментария С. Хоружего к нему с указанием страниц в тексте по изданию: Джойс Дж. Улисс / комментарии С. Хоружего. – М.: Республика, 1993.
3. «Две вещи», которые «часто считают главными находками автора: поток сознания и связь прозы с мифом» (Хоружий С. С. «Улисс» в русском зеркале // Джойс Дж. Собрание сочинений: в 3 т. – М.: «ЗнаК», 1994. – Т. 3. Улисс: роман (часть III) / пер. с англ. В. Хинкиса и С. Хоружего. – С. 363) – неотъемлемая черта поэтики А. Эппеля.
4. Мифы народов мира: энциклопедия: в 2 томах. – М.: Российская энциклопедия, 1997. – Т. 2. – С. 244.
5. Еще вставной рассказ о «расстреле» кота пылесосом, герой увидел «такое», «это». «Дай Бог, чтобы мой хороший кот в своем кошачьем раю не держал на меня обиды и все-все забыл...» (59).
6. С этим эпизодом Джойса-Гомера соотнесен и рассказ, завершающий третью книгу А. Эппеля «Дробленный сатана» (2002), о том же мире травяных улиц, – «Чужой тогда в пейзаже». (Знамя. – 1999. – № 11. – С. 132–150). Путник приходит здесь к хромой Навсикае-Пенелопе (правда, «долгожданный мужчина», «Чужой» оставляет ее, как Калипсо, чтобы двигаться дальше), по имени Линда, что актуализирует аллюзии на Аполлинера («Любовные диктовки для Линды», «шепелявой мадонны»), порхающие по книге Эппеля. Именем, «нездешностью» и дефектом (врожденный вывих бедра) Линда вызывает непрерывный круговорот эротических ассоциаций (134–135). Эротика предместий неоднократно сравнивается Эппелем с аналогичными действиями кроликов (в т. ч. и в этом рассказе), которые вообще играют большую роль в жизни героев. У Аполлинера: «У зайцев и влюбленных две напасти: // они дрожат от страха и от страсти. С них не бери пример. Его бери // С зайчихи – и твори, твори!» (Аполлинер Г. Мост Мирабо. – СПб., 2000. – С. 129). «Вот братец кролик в закутке – // Он от меня бежит в поспешности // Живет он в кроличьем садке // В саду Любви и в царстве Нежности» (там же). Рассуждения Вальки о «дырках» женского тела и их числе соотносимы со знаменитым стихотворением Аполлинера о «прекрасных девяти вратах тела женщины».
7. Артог Ф. Возвращение Одиссея // Одиссей. Человек в истории: Культурная история социального. 1997. – М., 1998. – С. 71. Далее страницы в тексте.

Е. А. Мироненко

*кандидат филологических наук,
доцент кафедры литературы*

Кемеровский государственный университет культуры и искусств

ОБ ОДНОМ МОТИВНОМ КОМПЛЕКСЕ В ПРОЗЕ Ч. АЙТМАТОВА: ФОЛЬКЛОРНЫЕ ИСТОКИ

Творчество Ч. Айтматова, благодаря существованию в авторском сознании особой фольклорной стихии, отмечено неожиданными приемами трансформации традиционных мотивов и образов. В основе большинства сюжетов лежит причудливое переплетение мотивов киргизского фольклора, примером чему может служить регулярно повторяющийся мотивный комплекс, обозначенный далее как комплекс матерубийства:

проклятье – убийство матери – убийство сына – прекращение рода. Данный комплекс, ставший идейно-эстетической доминантой художественного мышления писателя, возводится к мотиву нарушения запрета на убийство тотемного животного.

Впервые названная связка мотивов обнаруживается в составе внесюжетного элемента повести «Прощай, Гульсары!» – «Плаче старого охотника», выполняющего служебную функцию передачи психологического состояния героя. Образ Серой Козы – прародительницы козьего племени – имеет в повести локальный, а не концептуальный характер. Как отмечает Б. Тагаев, в «Плаче» автор сплавил воедино мотив сыноубийства из дастана «Карагул» и тотемический мотив эпоса «Кожожаш» [1, с. 18]. Заимствованный из «Карагула», мотив сыноубийства теряет в айтматовском тексте значение трагической случайности: смерть становится осознанной необходимостью прекратить страдания, именно об этом сын, оказавшись в безвыходной ситуации, просит старого охотника.

Образ Серой Козы и связанная с ним коллизия борьбы с охотником перенесены из эпоса «Кожожаш», в котором первоматерь Сур-Эчки являет собой мифологический персонаж, наделенный чертами стихийной мощи и угрожающий человеку. Благодаря отсутствию фантастических черт (кроме умения говорить) образ Серой Козы лишен магической силы: она привлекает охотника не волшебством, а хитростью. Опущен автором и мотив проклятия, налагаемого на охотника и его род, а сбывшееся пророчество о смерти приобретает реалистическое обоснование – азарт погони заставляет героя забыть осторожность. Первоматерь теряет сакральный статус и трансформируется в антропоморфную мать козьего рода, чей образ лишен тотемической окраски. В результате авторское предание получает идейную трактовку, противоположную мифической.

Поясняя данную мысль, примем во внимание, что в «Кожожаше» выделяется архаическое ядро (мифическая борьба человека с матерью Сур-Эчки и связанные с ней волшебство, проклятие охотника и его гибель) и более поздний мотивный слой (месть сына за отца – убийство Сур-Эчки и женитьба на её дочери). Результат коллизий в «Кожожаше» оценивается как положительный – союз сына охотника и дочери первоматери приводит к ассимиляции стихийно-разрушительного аспекта, человек приобщается к божественности Сур-Эчки, приобретающей статус тотемной прародительницы, и род обоих продолжается в общем потомстве.

В повести Айтматова исход иной. Опуская мотив мести, автор исключает из исходного сюжета и последовавший за ним мотив брака, символизирующего союз человека и природы, установление гармонии и целостности первоначально разрушенного мира. Итоги противостояния человек-природа оцениваются в повести как отрицательные: истребив род Серой Козы, продолжатель рода старого охотника гибнет. Объектом мести становится не первоматерь, а человек, вследствие чего мотив приобретает дополнительную нравственную окраску – смерть охотника превращается в справедливое возмездие за жестокое истребление козьего рода. На пересечении мотивов мести из «Кожожаша» и сыноубийства из «Карагула» возникает новая идея: ответственности старого охотника за воспитание жестокого сына, не желающего жить в гармонии с природой. Именно поэтому род его пресекается.

Что касается архаического ядра фабулы мифической борьбы охотника с Матерью Сур-Эчки, то в повести наблюдается прямое следование мифологической традиции: Серая Коза губит охотника, однако это объясняется не изначальной стихийностью Матери, а стихийной разрушительностью самого человека. Таким образом, разрушительный аспект архетипа Богини-Матери в образе Серой Козы полностью снят, а сам образ трансформирован в созидательный: Серая Коза не мстит охотнику за истребление своего потомства, а молит о пощаде для возможности сохранить козий род; охотник гибнет от руки собственного отца. Вместо следования фольклорной традиции, наблюдается отталкивание от исходного материала, опрокидывание смысла.

В отличие от повести «Прощай, Гульсары!», в «Белом пароходе» анализируемый мотивный комплекс является доминантным в идейно-художественной системе произведения. Авторское мотивотворчество обретает дополнительный фольклорный источник. Таковым становится генеалогическая легенда о Муюзбайбиче – рогатой матери, записанная Ч. Валихановым: «Карамурза и Асан, охотясь за оленями на горах Аламшик, увидели в стаде маралов прекрасную девочку и мальчика с оленьими рогами. Они убили мальчика, схватили девочку, которая с воплем бросилась на труп брата и долго неутешно плакала. Предание гласит, что вследствие проклятья рогатой девы Асан и Карамурза не имели потомства» [2, с. 43]. Мудрая рогатая мать Муюзбайбиче считается родоначальницей рода бугу.

Айтматов изымает из легенды фантастические элементы, превращая её в реалистически окрашенное предание, трансформированное с рациональных позиций. В результате мифологический образ утрачивает внешние антропоморфные черты девушки с рогами, полностью обретая обличье животного. Исключение составляет человеческая речь, которая, в отличие от легенды, требует теперь мотивировки: «Я, мать-олениха, а заговорила так потому, что иначе ты не поймешь меня, не послушаешься» [3, с. 44]. Так прародительница становится кормилицей и воспитательницей.

Авторские трансформации приводят к тому, что изначальный мифологический образ получает возможность для реализации сразу в трех персонажах предания, воплощающих различные его ипостаси: Рогатой матери-оленихи, её воспитанницы девочки-бугинки и Рябой Хромой старухи, т. е. животной ипостаси, человеческой и переходной, совмещающей признаки той и другой. В образе Рябой Хромой старухи присутствует намек на фольклорную албарсты. Предположительно, албарсты была доброй богиней плодородия, домашнего очага и животных. Её образ сформировался в период межэтнических контактов индоевропейцев и семитских языковых семей в дозороастрийскую эпоху, поэтому албарсты сопоставима с бабой-ягой, которая, как показал В. Я. Пропп, со временем утрачивает материнские функции, сохраняя власть над животными [4, с. 55]. Образ уродливой старухи ассоциируется с албарсты благодаря атрибуту хромоты, связью с рекой (она должна бросить детей в реку), функцией увода детей. Примечательно также обращение к ней Рогатой матери-оленихи – «большая мудрая женщина» [3, с. 44]. (В плане взаимосвязи авторских образов интересен тот факт, что хромота присуща матери-прародительнице из повести «Прощай, Гульсары!» – Серой Козе, раненной охотником).

Возвращаясь к идее о расщеплении мифологического образа Муюзбайбиче на три взаимодополняющих образа, следует отметить, что Рябая Хромая Старуха принимает такие материнские функции, как власть над жизнью и смертью и всеведение – она сохраняет детям жизнь и пророчесствует о трагических последствиях усыновления их оленихой. Образ Рогатой матери принимает функции плодородия и заботы о потомстве – согласно поверию, именно она приносит бешик – колыбель для младенцев. Брат и сестра из легенды утрачивают атрибут своей волшебной силы – рога – и становятся детьми человеческими, вскормленными и воспитанными Рогатой матерью-оленихой, от них ведет свое происхождение род бугу. Таким образом, фантастический мотив происхождения человеческого рода от животного получает реалистическую трактовку.

Помимо расщепления изначального мифологического образа, в повести наблюдается прием удвоения персонажа по линии предание-реальность: Рогатая мать-олениха – образ реальных маралов. Эти образы совмещаются в сознании ребенка, приближенном к мифопоэтическому. В результате такого слияния герой воспринимает смерть маралихи как гибель Рогатой матери-оленихи. Мотив убийства мальчика-олени в легенде трансформируется в убийство маралихи Момуном и косвенно присутствует в мотиве гибели мальчика: стреляя в оленя, дед «попадает» во внука, таким образом, исходный легендарный мотив также развивается по принципу удвоения.

Одной из основных идей повести является идея гибели материнского начала по вине человека, что подтверждается сиротством мальчика, бесплодностью тетки Бекей, старостью второй жены Момуна. В контексте повести отсутствие материнства можно рассматривать как горькую расплату бугинцев за истребление рода Рогатой матери-оленихи. Помимо идеи возмездия за убийство тотема и, может быть, вместо нее, на первый план выдвигается идея вполне реалистическая – трагической цены, которую платит человек за преступное отношение к матери-природе – той, что вокруг, и той, что внутри него. Мотив проклятия бездетностью, которое налагает легендарная Муюзбайбиче на убийц своего брата Карамурзу и Асана, реализуется в повести подспудно: черты убийц проступают в образах страдающего от бездетности Оразкула и Момуна, лишившегося единственного внука.

Мотивный комплекс убийства матери получает дальнейшую разработку в предании о манкурте («И дольше века длится день»), повести «Белое облако Чингисхана», романе «Плаха». Он присутствует в разных текстах полностью или частично, отдельные его звенья могут относиться к различным персонажам. Так, в предании о манкурте отсутствует мотив убийства сына, в «Белом пароходе» убийство становится косвенным, в «Плахе» мотив проклятия отделен от других звеньев мотивного комплекса временными пластами (предупреждение жены Пилата о возможном проклятии рода), привязан не только к герою (Понтию Пилату), но и всему человечеству, в том числе к Бостону, вместе с волчицей убившему и собственного сына (наложение мотивов сыноубийства и убийства матери).

В «Белом облаке...» мотивный комплекс значительно ослаблен: убийство тотемной прародительницы (или основательницы рода) заменено казнью женщины, ставшей матерью; мотив проклятия матери (хотя и отнесен к герою) непосредственно связан с другим преступлением – убийством брата и во времени значительно отстоит от изображаемых событий. Мотив убийства сына, равно как и какая-либо другая буквальная реализация проклятия, отсутствует; прекращение рода заменяется духовной бесплодностью диктатора. Автор намеренно игнорирует исторический факт наличия культа поклонения Чингисхану у монгольских народов, придавая факту сокрытия могилы этически негативную оценку. В предании о манкурте присутствует лишь часть мотивного комплекса матереубийства, а именно, мотивы проклятия матери и его убийства. Однако первый трансформируется в монолог самой героини в воображаемое проклятье сыном матери, родившей его на свет для мучений, мотив убийства сына отцом отсутствует, а функция убийства матери переходит к сыну-манкурту. В результате подобных операций мифологический подтекст тотемного преступления, характерный для указанного мотивного комплекса в более ранних произведениях, окончательно исчезает, и анализируемые мотивы соотносятся с фольклорными источниками, в частности, наблюдается типологическое сходство с традиционными мотивами русской баллады.

На наш взгляд, было бы несправедливо говорить о том, что вышеуказанное имеет характер осознанного процесса, протекающего в творческой лаборатории писателя. Вероятнее предположить подсознательную эволюцию художественного мышления писателя. Этот процесс типологически соотносим с общими процессами развития художественного мышления в истории человечества: от «Плача охотника» к «Белому пароходу» и далее к «Буранному полустанку» в мотивном комплексе наблюдается постепенное освобождение от мифологической предопределенности, образ первоматери утрачивает изначальные мифологические черты, посредством апелляции к фольклору приобретая все более реалистический характер. В отличие от Серой Козы, речь Рогатой матери-оленихи уже требует мотивировки, следовательно, стоит дальше от первоисточника – матери-прародительницы. В дальнейшем мать выступает в человеческом облике. Соответственно этому и тотемические мотивы постепенно уступают место собственно фольклорным, в частности, балладным. В «Плахе» все стадии объединяются, замыкая круг на новом уров-

не: если в «Белом пароходе» образ Рогатой матери-оленихи дублируется реалистическим образом маралихи, то в «Плахе» реалистический образ волчицы вмещает в себя черты образа праматери тюрок, а также Матери Всего Сущего. Таким образом, реалистическое и мифологическое не только не противоречат друг другу, но существуют в единстве.

Следует отметить и типологическое сходство авторского и фольклорного сознания, что проявляется в характере функционирования мотивного комплекса в контексте айтматовской прозы: он сохраняет способность к варьированию и семантической трансформации, что соотносимо с бытованием фольклорных текстов в вариантах и версиях.

Литература

1. Айтматов Ч. Т. Собр. соч.: в 3 т. – М.: Мол. гвардия, 1982. – Т. 1. – 607 с.
2. Валиханов Ч. Ч. Собрание сочинений: в 5 т. – Алма-Ата: Гл. ред. Казахской советской энциклопедии, 1985. – Т. 2. – 416 с.
3. Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев. – М.: Рос. энциклопедия, 1997. – Т.1. – 671 с.
4. Тагаев Б. Трагическое в творчестве Чингиза Айтматова: автореф. дис... канд. филол. наук. – Фрунзе, 1990.

А. В. Шунков

*кандидат филологических наук, доцент,
зав. кафедрой литературы*

Кемеровский государственный университет культуры и искусств

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЭТИКЕТ ДРЕВНЕЙ РУСИ И ЦЕРЕМОНИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА XVII ВЕКА

(на примере литературного творчества царя Алексея Михайловича)¹

Церемониальность – одна из черт древнерусской литературы, которая к XVII веку получает свое логическое завершение. Тяготение к церемониальности ярко выразилось в явлении, которое Д. С. Лихачев назвал литературным этикетом [1]. Литературный этикет определял задачи литературы, ее темы, принципы построения сюжетов, изобразительные средства, выделяя круг наиболее предпочтительных речевых оборотов, образов, метафор. В основе понятия литературного этикета, таким образом, лежит представление о незыблемом и упорядоченном мире, где для каждого человека существует свой особый эталон поведения [2].

Со временем ранее сформировавшаяся художественная система (литературный этикет) подверглась трансформации. Каноничность средневековой литературы ослабевала по причине изменяющихся эстетических представлений о мире, человеке. «Но при этом надо обратить внимание вот на какое обстоятельство, – писал Д. С. Лихачев. – Разрушение литературных канонов совершалось одновременно с пышным развитием этикета в реальной жизни» [3].

Развитие в Средние века обряда и церемониала подчинило процессы жанрообразования церемониальной стороне феодального быта. Писатель в этом случае выступал в роли церемониймейстера, задача которого была составить пышную церемонию. «Писатель средневековья не столько изображает жизнь, сколько преобразует и “наряжает” ее, делает ее парадной, праздничной» [4]. Развитие придворного церемониала активизировалось еще в XVI веке с укреплением Московского государства и утверждением

¹ Статья написана при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации МК-1822.2006.6.

абсолютной монархии в XVII веке. Сложное символическое церемониальное действие, изображавшее фактически каждый момент жизни монарха, призвано было показать высокую значимость его поступка, жеста.

Во второй половине XVII века появилось большое количество «чиновников», «чинов» [5] – нормативных документов, подробно расписывавших построение и содержание основных церковных и придворных церемоний. В «чиновниках» все составляющие жизни двора (обед, прием послов, отход ко сну, «потехи» и др.) были предельно регламентированы. Любое житейское событие превращалось в событие, направленное на усиление величия монарха, утверждение божественности его власти.

Известно, что Алексеем Михайловичем воспринимались многие придворные церемонии, организатором и инициатором которых он являлся, почти как мистическое выражение и воплощение его царского достоинства. Единожды утвердив их, он и сам не осмеливался на нарушение чина, который как бы обретал самостоятельность и довлел над всеми его участниками. Нарушение чина понималось как оскорбление самого монарха, и тех, кто осмеливался на это, предписывалось сурово наказывать [6].

Личность Алексея Михайловича как писателя поистине уникальна и показательна в том плане, что дает нам возможность увидеть столкновение в мировоззрении монарха двух разных художественных систем, в основе которых лежат взаимоисключающие художественно-эстетические традиции Византии и Западной Европы. Приведем всего лишь один пример, иллюстрирующий противоречивость мировоззрения царя: одним своим указом Алексей Михайлович запрещает представления скоморохов на городских площадях, а другим – объявляет о своем желании поставить театральное действие, ориентируясь на западноевропейские образцы.

Примером же церемониальных произведений, противоположных в художественном отношении, могут являться сочинения, написанные царем. Одну группу составляют обрядовые тексты, предназначенные для богослужения и, соответственно, выдержанные в канонической традиции Древней Руси. К ним, например, относятся «Сказание об успении Богородицы» [7] и певческий гимн «Ис тебе пресвятая Богородице дево» [8].

Вторую группу образуют описания придворных светских церемониалов. Именно она и позволяет увидеть процесс оформления церемониальной культуры Нового времени, вобравшей в себя как традиции литературного этикета Древней Руси, так и элементы западноевропейских светских церемониалов. Поэтому представление о церемониальности в древнерусской литературе, ее эволюции к XVII столетию должно быть расширено на основе введения в процесс исследования особой группы литературных памятников второй половины XVII века – «чиновников».

Из всего огромного литературного наследия царя Алексея Михайловича ни один литературный памятник не вызывал такой дискуссии в науке, как «Книга, глаголемая Урядник: Новое уложение и устройство чина сокольничья пути» (1656 г.). Памятник, запечатлевший русский придворный быт второй половины XVII века, – обряд посвящения рядового сокольника (Ярыжкина) в начальные.

Сохранившаяся часть «Урядника» состоит из вступления и двух разделов: «Статьи до- и при государеве пришествии». Вступительная часть, отредактированная Алексеем Михайловичем, имеет особое значение: она подготавливает внимание читателя к дальнейшему действию, разъясняет детали предстоящего церемониала. Созидаемый миропорядок должен быть организован по законам красоты. Каждая вещь, с позиции автора «Урядника», есть составная часть большого и разумного действия – «чина», где каждому отведено определенное место. Именно подобное «устройство» – залог гармонии и красоты созидаемого миропорядка. «Л.5. Чинъ укрепляетъ и утверждаетъ крепость, урядство же [...] уставляетъ и объявляетъ красоту и удивленіе» [9].

Судя по определениям, которыми автор характеризует соколиную охоту, можно сказать, что данное действие для него самого является спектаклем, участниками которого

становятся все присутствующие. «Л.11. *Безмерно славна и хвальна* кречатья добыча. *Удивительна же* // Л.11об. и *утешительна* и челига кречатья добыча. *Угодительна же* и *потешна* дермлиговая перелазка и добыча. // Л.12. *Красносмотрительно же* и *радостно* высоково сокола лет. *Премудра же* челига соколя добыча и лет. // Л.15об. [...] *Радуйтесь и веселитесь, утешайтесь и наслаждайтесь сердцами* // своими, Л.16. *добрымъ и веселымъ симъ утешениемъ* въ предыдущія лета».

Композиция «чина сокольничья пути», характеристика автором действий участников церемониала, описание интерьера комнаты, выбранной для проведения ритуала, костюмов героев – все эти детали в сумме дают общее представление о понимании автором художественного значения самого церемониала.

Стоит сказать, что в авторском понимании и выражении красоты намечаются новые тенденции, отличные от средневековых. Во вступительной части к «Уряднику» автором в синонимические ряды объединены следующие словоформы: **ряд** (*урядник* – *уряжение* – *наряд* – *урядство*), **строй** (*устройство* – *стройный* – *стройство* – *бесстройство*), **мера** (*мерный* – *меряние*); **честь** – **часть** – **час** – **чин**. Используемая терминология иллюстрирует суть понимания основ, законов церемониальной культуры XVII века.

«Урядник» мало общего имеет с религиозной традицией церковных обрядов. Автор «Урядника» не соотносит «чин» и идею Бога. Перед нами образец церемониала, в котором мир красоты показан при помощи художественных театральных приемов. Гарантом существования этого условного мира является сам царь. «*Кому государь укажетъ быть въ начальныхъ сокольникахъ,* // [...] *тово государь и пожалуетъ.* Л.17об.–18». Это одна из основ разыгрываемого действия. В свое время П. Бессонов дал ей определение как практической, деятельной стороне «Урядника» [10].

Второй является эстетическая сторона ритуала, с помощью которой повышается значимость проводимого мероприятия. Выражена эта идея при помощи следующих наставлений: «Л.9. *Молю и прошю васъ премудрыхъ, добродородныхъ и доброхвальныхъ охотниковъ, насмотритесь всякого добра: вначале благочинія,* // Л.9об. *славочестія, устройства, уряжения сокольничья чину* [...] Л.16. **Прилогъ книжный, или свой** [11]. *Сія притча душевне и телесне* // Л.16об.: *правды же и суда и милостивыя любве и ратного строя николе же позабывайте: делу время и потехе часъ*». Последний совет примечателен тем, что объединяет, «с одной стороны, нравственные обязанности, с другой – службу государству» [12]. Таким образом, «Урядник» представляет собой один из первых образцов как практического руководства по проведению церемонии, так и сочинения о красоте и порядке. «Л.3. *Чтоб всякой вещи честь, и чинъ, и образецъ* // Л.3об. *писаніемъ предложень былъ. Никто же зазритъ,* // Л.4. *никто же похулитъ, всякой похвалитъ, всякой прославитъ и удивитця, что и малой вещи честь, и чин, и образецъ* // Л.4об. *положень по мере*».

Следуя традиции, автор не выходит за рамки средневековой концепции литературного творчества, где создание литературного произведения само по себе есть особый «чин», в котором автор и читатель по отношению друг к другу выступали в регламентированных отношениях. Мир «Урядника» также иерархичен. При его создании автор опирался на ситуативные каноны изображения действий героя. Стоит отметить, что «создаются эти ситуации именно такими, какие необходимы по этикетным требованиям» [13]. На протяжении всей вступительной части к «Уряднику» автор стремится соблюсти требования, предъявлявшиеся к писателю Древней Руси. Стремится ввести читателя в сложную церемонию, являющуюся моделью реального миропорядка. И главная роль в этом «чине» принадлежит монарху, от воли которого и зависит весь ход церемонии. Последующие «практические» части Урядника иллюстрируют идеи, высказанные автором во вступлении, служат наглядным примером воплощения в реальность идеи гармонии и красоты.

Первая часть «Урядника» рассказывает о приготовлении всей церемонии: как необходимо «устроить» и «урядить» место избрания начального сокольника. Основным

принципом убранства избы является принцип симметричного расположения предметов. Создаваемая зеркальность должна была показать гармоничное сосуществование всех частей церемониала. «Л.20об. *Велитъ поставить 4 стула нарядные, а на них велитъ посадить 4 птицы*». Убранство выбранной для проведения ритуала избы имеет символическое значение. «Сценические декорации» призваны были создать иллюзию гармонии между изображаемым миром и существующим реальным и одновременно привнести в церемонию пафос торжественности. Именно поэтому сценическое пространство, как позже и театральная «хоромина», богато декорировалось.

Автор «Урядника» также подробен и в описании костюмов участников «чина». На протяжении значительной части действия церемониала герой неоднократно меняет свое платье. Медленное, неторопливое облачение-разоблачение Ярыжкина в ходе ритуала имеет символическое значение. Ношение одежд («государево жалованье»), в которые облачается герой, может быть истолковано как принятие царской воли над собой, приобщение к высшему порядку. Становится понятным, почему автором с такой любовью описывается интерьер избы, одежда героя. Объяснения тому можно дать следующие: в этом сказывается влияние исторической эпохи Алексея Михайловича, с ее обращенностью в мир обряда. По словам А. С. Демина, «внимание к одежде в пьесах 1670-х годов подсказано [...] русским придворным обиходом. Хорошая, ценная одежда – важный признак гармоничного мироустройства» [14].

После необходимых приготовлений следует сам «чин» избрания начального сокольника. Каждая поза героя, жесты, интонационные особенности произносимых реплик – все это подробно комментируются автором. Рекомендации представляются значимыми, с точки зрения автора, так как в любой детали церемониала запечатлена идея красоты, и из подобных деталей и складывается мозаика гармонии.

Важной представляется динамика устраиваемого церемониала. «Чин» совершается не спеша, «благочинно». «Л.33. *И мало постоявъ, подступает бережно [...], а мало по-норовя...*». Подобная форма проведения церемонии давала возможность подробно созерцать происходящее, получать эстетическое удовольствие от действия.

Одним из ярких моментов «чина» является ритуал облачения птиц в праздничный наряд (1-я «статья»). Сцена украшения птиц проходит в строгом соответствии с «чином»: сокольники вправе брать только ту вещь, которая предписывается «статьей». Таким же образом будет проходить и ритуал облачения Ярыжкина, описанный в 5–6-й «статьях» «Урядника». Вся сцена завершается приносимой на «Уряднике» клятвой в верности царю и возложением на Ярыжкина шапки (8-я «статья»). После совершенного обряда следует поочередная, согласно «статьям», передача птиц Ярыжину сокольниками и присяга всех сокольников новопожалованному начальному (9-я «статья»). Далее наступает момент ухода царя, и в качестве великой милости сокольники получают право на пир. «Л.91. *А государь молитъ подсокольничему с товарищи: Наслаждайтесь по нашей государской милости*». После проводов царя наступает время очередного переодевания сокольников и птиц в другой наряд. Прежний, с такой же последовательностью, с какой и был возложен на виновника торжества и птиц, возвращается в царскую казну. За всем этим процессом внимательно следит распорядитель всей церемонии. «Л.95об. *Петръ Хомяковъ велитъ ... // Л.96. снимать большіе наряды и класть меншіе наряды...// Л. 96об. И подсокольничей Петръ Хомяковъ // Л.97 въ тое пору сидитъ и смотрит, чтобы снимали со птиц болшіе наряды бережно, стройно, такоже бы и меншіе клали тихо и опасно, // Л.98 по чину же*». Заканчивается вторая часть «Урядника» сценами пира сокольников (11-я «статья») и ритуальным кормлением птиц (12-я «статья»).

На этом церемониал не заканчивался. За чином поставления сокольника в начальные следовали другие, несохранившиеся части [15]. Но даже имеющаяся часть текста позволяет увидеть в ней произведение со сложной композицией, в котором использованы традиции Средневековья и Нового времени. Созданный в 1656 г. как «чин» избрания

начального сокольника, «Урядник» затем расценивался как обязательный для исполнения обряд при выборе каждого нового сокольника. Однако видеть в «Уряднике» только лишь один из многочисленных ритуалов, «чинов» будет ошибочно. «Урядник» больше, чем простое практическое руководство, перед нами произведение, в котором автор предпринял попытку выразить субъективное понимание идеи прекрасного. И в своем стремлении в художественной форме представить мир идеала, гармонии автор «Урядника» руководствуется средневековой концепцией мироздания. Отличительным ее признаком является строгая система иерархических отношений. Общее стремление автора изобразить охотничий обряд «по образцу и чину» прослеживается в каждой статье «Урядника». Пирамидальность позволяет автору «охватить мир в целом, понять его как некоторое законченное всеединство» [16]. Автором четко определяются обязанности каждого участника церемонии в зависимости от того, какое он место занимает в общей системе взаимоотношений. П. М. Бицилли, характеризуя западноевропейское средневековое общество, отмечал следующее: «Все общество состоит из лестнично расположенных “чинов”, из которых за каждым признается своя «честь», своя социальная функция» [17]. Подобное положение вещей наблюдается и в проводимом церемониале. «Л.46. *Готовь идти // Л.46об. къ государской милости; и не по моей мере такая его государская премногая милость ко мне убогому, холопу его государеву*», «Л.67. *и велели тебя писать полнымъ именемъ*». Называние полного имени героя не случайно. Этим показывается его новый статус, более высокие права и обязанности.

Особенно ярко заметна иерархичность в сцене пира. Описание пира при дворе Алексея Михайловича также представляет сложный ритуал, «чин», проходящий по определенному уставу [18]. В финальном пиршестве происходит своего рода возврат к исходной ситуации, оговоренной во вступительной части, где представлены размышления автора о красоте. «Л.90об. *Царь и великий князь ... велель вамъ быти у стола, и веселитися и утешатися съ новопожалованнымъ по чину*». Но само «веселие» не менее символично, чем призыв к нему. Именно всеобщая радость и есть выражение гармонии бытия, символ здоровых начал жизни, способных проявить себя как в служении царю, так и в трапезе. «Л.107–107об. *А васъ начальныхъ сокольниковъ, за ваше доброе послушание, во устройство и во уряжение и во украшение // звать къ государской милости ко столу*».

Таким образом, «Урядник» на примере всего лишь одного обряда иллюстрирует абсолютность, незыблемость существующего порядка вещей, вершиной которого в земном пространстве является «великий государь». Благодаря ему мир предстает как гармоничное целое. Здесь становится важным отметить следующий момент: автор теперь не предпринимает каких-либо попыток изобразить мир в христианской книжной традиции. На первый план вынесена фигура самого царя, внимания заслуживают его действия. Именно создаваемый по его воле условный мир служит проекцией для реальных взаимоотношений участников. В итоге, средневековая доктрина – «мир есть целое лишь постольку, поскольку он весь, целиком, зависит от Бога, поскольку он является его творением и его отображением» [19] – претерпевает трансформацию. Средневековая обусловленность событий Божественной волей теряет свое первостепенное значение, давая возможность проявлению в литературном произведении собственно авторской позиции. Лишь однажды автор обращается к Богу – это помета, сделанная рукой царя о необходимости прочтения молитвы перед трапезой. Но даже в этом фрагменте «чина» видятся не столько религиозные мотивы, сколько желание царя соблюсти до мельчайших деталей обряд, не разрушая его целостности.

Таким образом, в «Уряднике» идея разумного устройства мира выражена иными художественными приемами, отличными от средневековой традиции. Критериями идеального мира теперь являются не христианские догматы, а эстетические представления о мире самого автора. В основе идеального мира должна находиться красота, она является гарантом его гармоничного устройства. Для автора «Урядника» эта идея пред-

ставляется важной, так как каждая «статья» является художественной реализацией представлений о красоте в действии, и в этом отношении Алексей Михайлович предстает не просто как автор одного из придворных ритуалов, а как особый тип художника, которому удалось показать внутренний механизм всеединства и гармонии.

«Новое уложение и устройство чина сокольничья пути» – характерное произведение для своего времени и одновременно исключительное. На материале «Урядника» становится реальным отслеживание эволюции в понимании задач, стоявших перед автором в древнерусской литературе в момент создания художественного произведения. «Урядник» является примером свободной авторской воли, способной выстраивать литературное произведение в связи со своими творческими идеями, что в конечном итоге и привело к постепенному разрушению системы этикета в светской части литературы.

Литература

1. Лихачев Д. С. Литературный этикет. Поэтика художественного обобщения // Поэтика древнерусской литературы. Избранные работы: в 3 т. – Л.: Художественная литература. – Т. 1. – С. 344–437.
2. «Из чего складывается литературный этикет? Он складывается из представлений о том, как должен был совершаться тот или иной ход событий; из представлений о том, как должно было вести себя действующее лицо сообразно своему положению; из представлений о том, какими словами должен описывать писатель совершающееся. Перед нами, следовательно, этикет миропорядка, этикет поведения и этикет словесный» // Лихачев Д. С. Указ. соч. – С. 356.
3. Там же. – С. 363.
4. Там же. – С. 359.
5. Назовем некоторые из них: «чин» венчания на царство (при Алексее Михайловиче специально составляют «Книгу о избрании на превысочайший престол великого Российского царствия Михаила Федоровича»), см.: Утвержденная грамота об избрании на Московское государство Михаила Федоровича. – М., 1906, а также: Чин поставления на царство царя и великого князя Алексея. – СПб., 1882; свадебный чин, см.: Котошихин Григорий. О России в царствование Алексея Михайловича. – Изд. 4-е. – СПб., 1906. – гл. «О чину, как устраивают свадебный чин». – С. 9–14; «чин» приема иностранных послов. В описи библиотеки Посольского приказа под № 118 за 1673 г. упоминается следующая книга – «Книга в полдесть александрийской бумаги, а в ней написан чин как всех государств с послы и посланники к окрестным и мусульманским государем приказывать поклон». См.: Белокуров С. А. О библиотеке московских государей в XVI столетии. – М., 1899. – С. 311. Также существовали и другие чины.
6. Сохранился документ, датированный 1652 г. и содержащий описание наказания за отказ от участия в царской соколиной охоте. РГАДА. – Ф. 27. Оп. 1. № 53. Л. 1. «От царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Великия і Малыя Росіи самодержца избранным нашим и верным соколником Леонтью Григорову с товарищи от нас великого государя милостивое слово. Да по нашему государеву указу товарищем вашим соколникам велено быть в сотне, а каков голова і каково платье і лошади і какова людна сотня і про то вам отпишут таварыщи ваши. А товарищ ваш Борис Бабин нашею милостію погнушался, нашему государеву милостивому соколничью чину і стал считатца с Михеем Тоболиным городовым чином, что он по городу служил і меры не поставил городу чести. І мы велели ево бить батоги нещадно і выкинуть іс сокольничья чину, и он волочился с три недели, і для великого чудотворца Николы пожаловали мы великий государь, велели ему быть в стремянных конюхах у царевича Грузинсково. И вам бы ему Бориске и беспутной ево дурости не поревновать и нам великому государю наіпаче прежнего простиратца и служить, а у нас великого государя служба ваша николи забвена не будетъ. Писал на нашем стану против нашего города Шклова лета 7160, іюля в 3 день».
7. Сказание об успении пресв. Богородицы, правленое царем Алексеем Михайловичем // РГАДА. – Ф. 27. Оп. 1. № 527. Издано: Белокуров С. А. Из духовной жизни московского общества XVII века. – М., 1902. – С. 24–28.

8. «Ис тебе пресвятая Богородице дево» // Памятники культуры. Новые открытия: ежегодник. 1987 / ред. Д. С. Лихачев. – М.: Наука, 1988. – С. 131–137; Былинин В. К. Царь Алексей Михайлович как мастер распева / В. К. Былинин, А. П. Посошенко // Памятники культуры. Новые открытия: ежегодник. 1987 / под ред. Д. С. Лихачева – М.: Наука, 1988. – С. 131–137.
9. Текст цитируется по рукописному подлиннику: РГАДА. – Ф. 27. Оп. 1. № 52/1.
10. Бессонов П. Общее примечание к Уряднику // Собрание писем царя Алексея Михайловича. – М., 1856. – С. 133.
11. В тексте рукописи слова написаны рукою царя.
12. Бессонов П. Указ. соч. – С. 133.
13. Лихачев Д. С. Указ. соч. – С. 352.
14. Первые пьесы русского театра. – М., 1972. – С. 34.
15. Известна, например, часть «О ястве и речах» несохранившаяся. А также роспись государевым охотникам и роспись охотничьему снаряду, см.: Собрание писем... – С. 116–123.
16. Бицилли П. М. Элементы средневековой культуры. – СПб., 1995. – С. 12.
17. Там же. – С. 57.
18. Ср. описание встречи и обеда в честь грузинского царевича Николая Давидовича в «Дневальных записках приказа Дел». – М., 1908. – С. 70–87.
19. Бицилли П. М. Указ. соч. – С. 88.

С. С. Сермягина

старший преподаватель

кафедры теории языка и славяно-русского языкознания

Кемеровский государственный университет

РОЛЬ ОБРАЗНЫХ СРЕДСТВ В МОДЕЛИРОВАНИИ ПОДТЕКСТА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ (повесть М. А. Булгакова «Собачье сердце»)

Художественное творчество есть одна из разновидностей процесса моделирования действительности, поэтому любое речевое произведение представляет модель определенного фрагмента действительности. В предлагаемой работе тропеические средства рассматриваются в качестве особых маркеров имплицитных смыслов, что позволяет познать общий механизм формирования и «прочтения» имплицитных смыслов и изучить «вектор» глубины подтекстовой информации.

Идея произведения, которая является объективной авторской заданностью, может быть прямо заявлена автором в оценке речей, мыслей, действий персонажа (эксплицитный уровень) или явно не выражена, хотя и обязательно и неизбежно присутствует в тексте (имплицитный уровень).

На когнитивном уровне эксплицитный и имплицитный смысловые компоненты отражают разные концептуальные смыслы, определенным образом связанные друг с другом в сознании человека. Это означает, что если при порождении сообщения говорящий установил между этими двумя смыслами какую-то связь, то точно такие же связи должны активизироваться и в сознании воспринимающего при декодировании сообщения. При отсутствии идентичной (или при установлении какой-либо другой) связи один из концептуальных смыслов не активизируется, либо вместо него возникает какой-либо другой смысл, т. е. подтекст не воспринимается.

Всеми признается положение, что абсолютная невыраженность имплицитных смыслов невозможна, иначе они не могли бы восприниматься. Так, некоторые исследователи категорично заявляют, что невыраженного содержания быть не может; противопоставление эксплицитного и имплицитного относительно, выраженность любого содержательного элемента абсолютна [3, 4, 6, 10]. Действительно, имплицитные смысловые единицы не имеют в речевом акте специальных прямых средств выражения; в то же время скрытый смысл не может выражаться эксплицитным значением единицы, выступающей его носителем.

Таким образом, и эксплицитное, и имплицитное имеют свое языковое выражение, но только разного характера: прямое и опосредованное. Во втором случае возможно говорить об индикаторах, которые являются сигналами имплицитности. Индикатор целесообразно рассматривать как «необычность» формы высказывания, «аномалию», привлекающую внимание. Подобные явления указывают на наличие скрытой информации, поскольку они качественно отличаются от окружения (Н. Д. Арутюнова). Таким образом, имплицитный смысл – не эфемерное образование, а материально закрепленная в тексте информация, которая манифестируется с помощью маркеров (идентификаторов).

Художественный текст располагает, прежде всего, маркерами лексического характера, которые идентифицируют имплицитный смысл. Соответственно, существует необходимость определения процедуры «импликационного поиска» (Молчанова) или «семантического вывода» (Антипенко), поскольку в процессе интерпретации подтекста недопустимо произвольное его толкование. Справедливо К. А. Долинин называет понимание смысла решением уравнения [5].

Процесс вывода неизвестной информации предполагает два этапа. На первом этапе необходимо зафиксировать в сознании и опознать «сигнал» имплицитной информации. Опознание происходит, по наблюдениям некоторых исследователей, на основе механизма «удивления» [7], вызывающего любопытство и желание понять, по какой причине существует данное несоответствие тем нормам, нарушением которых является маркер: «аномалия заставляет думать и действовать...» [1, с. 8]. На втором этапе реципиент пытается оправдать сегмент текста, содержащий аномалию, т. е. найти скрытый смысл. Другими словами, замеченное в тексте несоответствие дает стимул для дальнейшего поиска, оно «допускает механизм» сопоставления поданных единиц и невербальных средств коммуникации.

Обращаясь к исследованию имплицитной информации на материале художественного текста, исследователь закономерно решает и проблему единицы анализа, т. е. той минимальной составляющей композиции, в которой заложена идея целостности текста в единстве его создания. Организация высказывания в наибольшей степени испытывает зависимость от собственно языковых, – лексических и грамматических – факторов, и вполне закономерно, что его компонент обязательно является композиционно значимым элементом целого. Для художественного текста значимой единицей будет являться не высказывание, а более объемная в смысловом и структурном отношении единица

Поскольку одним из основных факторов, определяющих специфику художественного текста и его компонентов, является наличие тропов в его составе, вступающих в контекстуальное взаимодействие, есть основания композиционной единицей художественной речи считать сверхфразовое образное единство (СФОЕ). Это завершенное по смыслу, структурно и грамматически оформленное образование, смысл которого передается при помощи тропеических средств. Правомерно отмечает О. И. Москальская, что при таком подходе к определению СФОЕ нет нарушения преемственности тема-рематической цепочки и смены микротем [11]. Кроме того, смысловое пространство каждого СФОЕ организуется вокруг присутствующих в нем (образном единстве) тропов, которые являются аккумуляторами авторского видения мира, авторской модальности.

Разграничивая имплицитное и эксплицитное содержание произведения и рассматривая эксплицитное как «путь» к проявлению имплицитного (см. работы И. В. Арнольд (1982, 1985, 1991), Е. А. Баклановой (2000), Н. С. Болотновой (1992, 1998, 2000, 2002, 2003), С. С. Дикаревой (1987), К. А. Долинина (1985), Н. А. Купиной (1980, 1983), В. А. Кухаренко (1988), Н. А. Рудякова (1970) и др.), исследователи обращают внимание на то, что основу художественного текста образуют конструкции и фрагменты с эксплицитной, то есть лексически выраженной формой изложения, в которой и постигается главное образное содержание произведения, содержащееся непосредственно в тексте.

Если же принимать во внимание, что приемы выразительности всегда построены на неожиданной лексической сочетаемости, которую можно трактовать как нарушение общезыковой нормы, то вполне логично говорить о том, что средства образности (метафора, метонимия, эпитет, сравнение) всегда будут сигнализировать об имплицитной информации и являться своеобразным ключом к постижению последней. Однако нужно заметить, что понимание читателем таких нормативных «нарушений» осуществляется в соответствии с его (читателя) тезаурусом и тем, что имеется в тексте. По выраженным средствами языка образам, аналогиям и т. п. читатель «восстанавливает опущенное и недосказанное, механизмом возникновения подтекста являются в его мозгу ассоциации между теми или иными элементами эксплицитного содержания текста и представлениями и понятиями, связанными с ними в действительности» [5, с. 39].

В качестве проверки гипотезы функциональной значимости образных средств в аспекте актуализации имплицитной информации художественного произведения мы попытались на материале повести М. А. Булгакова показать механизм моделирования подтекста с помощью одного выразительного приема – сравнения, так как иронично-сатирический и риторически-изобличительный эмоциональный фон повести создается в большей степени с помощью сравнительных конструкций.

При сплошной выборке из текста повести СФОЕ, содержащих тропеические средства, и осмыслении функциональной значимости каждого из СФОЕ мы обратили внимание на то, что прагматическая значимость «сравнения» как приема выразительности обозначена автором достаточно ясно: автор использует сравнения как при описании всех ключевых сцен повести, так и при создании сущностных портретных характеристик основных персонажей. Было также замечено: в тех СФОЕ, которые содержат несколько тропеических средств, как правило, смысловые компоненты сравнения усиливаются метафорами, метонимиями и эпитетами.

В качестве примера разберем несколько СФОЕ. Так, идея жестокого убийства живого существа дается в представленном ниже СФОЕ: *«И вот на подушке появилось на окрашенном кровью фоне безжизненное потухшее лицо Шарика с кольцевой раной на голлове. Тут же Филипп Филиппович отвалился окончательно, как сытый вампир, сорвал одну перчатку, выбросив из нее облако потной пудры, другую разорвал, швырнул на пол и позвонил, нажав кнопку в стене. Зина появилась на пороге, отвернувшись, чтобы не видеть Шарика и кровь»*. Сравнение «отвалился ... как сытый вампир» «поддерживается» эпитетами «на окрашенном кровью», «безжизненное», «потухшее»:

В следующем СФОЕ сравнительным оборотом обозначен резкий поворот событий: *«Преступление созрело и упало, как камень, как это обычно и бывает. С сосущим нехорошим сердцем вернулся в грузовике Полиграф Полиграфович. Голос Филиппа Филипповича пригласил его в смотровую. Удивленный Шариков пришел и с неясным страхом заглянул в дула на лице Борменталья, а затем и Филипп Филипповича. Туча ходила вокруг ассистента, и левая его рука с папироской вздрагивала на блестящей ручке акушерского кресла»*. Сравнительный оборот «преступление созрело и упало, как камень» уже содержит в себе метафору, с помощью которой автор подчеркивает неслучайность и неизбежность происходящего. Предстоящие события не сулят ничего хорошего для Шарикова, это эксплицируется эпитетами «с сосущим нехорошим сердцем», «с неяс-

ным страхом», метафорой «заглянул в дула на лице...», «туча ходила» и метонимом «голос ... пригласил». Сравнительный оборот «вбирает» в себя семантику окружающих образных языковых средств.

Вышеперечисленные наблюдения послужили основанием для обращения к сравнению как к ведущему, задающему подтекст произведения тропу. Выделено 79 СФОЕ, включающих в свою структуру указанное средство образности, в некоторых образных единствах сравнительные конструкции встречаются 2–3 раза, что еще раз доказывает особую функциональную значимость этих образных единиц для формирования подтекста.

На первом этапе осмысления идейно-эстетической текстовой информации было выделено 36 СФОЕ, значимых для моделирования подтекста. Все выделенные модели СФОЕ содержат сравнения. Чаще всего М. Булгаков использует нестандартные сравнения – 61 %. Все сравнительные конструкции повести можно разделить на две группы: сравнения, использованные героями, и сравнения, принадлежащие рассказчику.

Рассмотрим СФОЕ, в составе которых есть сравнения, использованные в речи персонажей. Употребление в речи героев сравнительной конструкции характеризует как изображаемый предмет, так и является самохарактеристикой. В повести 14 сравнений (20 %) принадлежат непосредственно персонажам. В речи Филиппа Филипповича Преображенского сравнительные конструкции встречаются только четыре раза. Все они оказались прагматически значимы для моделирования подтекста.

Первое и последнее сравнение, учитывая последовательность расположения конструкций в тексте, образуют модели СФОЕ, которые дают характеристику Швондеру как представителю нового времени. Они демонстрируют отношение профессора к новой морали: «Конечно, если бы я начал прыгать по заседаниям и распевать целый день, как соловей, вместо того, чтобы заниматься прямым своим делом, я бы никуда не успел <...> Я сторонник разделения труда». («Прыгать – 1. // перен. разг. Резко, беспорядочно перемещаться» [МАС, III: 550]; «♦ Петь соловьем. Обычно с оттенком неодобрения. Говорить о чем-либо с увлечением, с жаром, красноречиво» [БАС, XIV: 227]). Конструкция «прыгать по заседаниям» приобретает смысловое «приращение» – «легковесно, безответственно относиться к работе, поверхностно вникать в дела в разных местах», что создает идею о профанации общественной деятельности, видимости такой деятельности. Преображенский подчеркивает бессмысленность и пустоту времяпрепровождения тех, кто взял на себя право решать судьбы других. Сравнение «распевать, как соловей» прочитывается в контексте повести как «пустословить». Экспрессивность элементов СФОЕ характеризует эмоциональное состояние профессора и его негативное отношение к происходящим изменениям в старом укладе жизни.

Во втором сравнении он дает характеристику Шарикову: «...Открывая их (глаза. – С. С.), слеп вновь. Так как с полу, разбрызгивая веера света, бросались в глаза лачковые штифлеты с белыми гетрами. «Как в калошах», – с неприятным чувством подумал Филипп Филиппович, вздохнул, засопел и стал возиться с заглохшей сигарой. Человек у двери мутноватыми глазками поглядывал на профессора и курил папироску, посылая манишку пеплом». Отрицательная оценка Шарикова, обозначенная эпитетами «неприятный» и «мутноватый», усиливается сравнением «как в калошах», что явно «снижает» образ персонажа, подчеркивая нелепость его внешнего вида и тщетность его попыток выгладеть подобающим образом.

В следующем сравнении нейтральная по стилю лексика становится экспрессивной: «Это нестерпимо! Человек, как первобытный, прыгает по всей квартире, рвет краны...». «Человек» – это цивилизованная, культурная личность, «первобытный» – это невежественный, неразвитый, дикий, подобный животному человек, который «прыгает и рвет краны». Профессор испытывает духовную тяжесть от необходимости находиться рядом с таким существом, лишенным нравственности и культуры.

И последнее сравнение, которое использует в своей речи Преображенский: «*Я бы этого Швондера повесил, честное слово, на первом же суку, – воскликнул Филипп Филиппович, яростно впиваясь в крыло индюшки, – сидит изумительная дрянь в доме, как нарыв. Мало того, что он пишет всякие бессмысленные пасквили в газетах...*». Во всех сравнениях Преображенского, где речь идет о представителях новой власти, выражены отрицательные эмоции и оценки. Шариков как бы является естественным продолжателем дел Швондера, но он не полностью копирует учителя, а еще больше усугубляет его черты. М. Булгаков показывает, что будет, если подобные люди, лишённые нравственности и культуры, придут к власти.

Рассмотрим сравнения, принадлежащие Шарик-Шарикову. Таких сравнений семь, эти конструкции не все прагматически значимы для моделирования подтекста. Отбрасываем 5 СФОЕ. В четырех сравнительных конструкциях использована нейтральная лексика, характеризующая отношение героя к различным предметам и явлениям. Эти сравнительные конструкции, образуя СФОЕ, отражают процесс осознания Шариковым места среди окружающих и обретения уверенности в себе: «*Ошейники все равно, что портфель*», – *сострил мысленно пес и, виляя задом, последовал в бельэтаж, как барин*». Шариков находит признак, благодаря которому он подобен человеку, однако при этом снижается статус человека, а не повышается статус бывшей собаки. Человек, имеющий портфель и занимающий определенное место в социальной системе, так же, как собака, несвободен. Словоупотребление «виляя задом» подчеркивает уверенность Шарикова в своих поступках и убеждениях.

Сравнительные конструкции демонстрируют мир его ценностей: «*Дерзкое выражение загорелось в человечке. – Да что вы все... то не плевать, то не кури... туда не ходи... Чисто, как в трамвае? Что вы мне жить не даёте? И насчет «папашки» это вы напрасно! Разве я вас просил мне операцию делать, – человек возмущенно лаял, – хорошенькое дело!*»; «*Вот все у нас как на параде, – заговорил он (Шариков. – С. С.), – салфетку туда, галстук – сюда, да «извините», да «пожалуйста», «мерси», а так, чтобы по-настоящему, – это нет. Мучаете себя, как при царском режиме*». Элементы культуры, организованности («чисто, как в трамвае», «все у вас, как на параде») для него не представляют никакой ценности и воспринимаются как посягательство на свободу человека («мучаете себя, как при царском режиме»). Шариков пытается осознать свое место среди людей и приходит к выводу, что он «как все»: « – ...*Я хожу. Как все люди...*». Умение ходить, по мнению Шарикова, достаточно, чтобы считать себя человеком. Этим сравнением он демонстрирует свою несостоятельность.

В следующей конструкции можно говорить о неожиданности сравнения: «*В приемной (книга. – С. С.), – покорно ответил Шариков, – зеленая, как купорос...*». В словарном запасе Шарикова появилось новое слово, означающее химическое вещество. Сравнение демонстрирует примитивность мышления Шарикова, отсутствие у него элементарных знаний.

Авторские эмоции передаются сравнениями, в которых присутствуют описания действий, внешнего вида героев в тот или иной момент. СФОЕ, включающих сравнения-характеристики Шарикова, в повести 13. Они также не все одинаково значимы для осознания подтекста повести (нами использовано 7 СФОЕ). Автор подчеркивает маскарадность ситуаций, связанных с Шариковым, несерьезность его действий: «*Затем его с гвалтом волокли за шиворот через приемную в кабинет. Пес подвывал, огрызался, цеплялся за ковер, ехал на зад, как в цирке <...>*»; «*Пятнами он был лыс, пятнами на нем отстала шерсть. Вышел он (Шариков. – С. С.), как ученый циркач, на задних лапах, потом опустился на все четыре и осмотрелся. Гробовое молчание застыло в парикмахерской*». Действия Шарикова характеризуются неестественностью поведения, игрой на публику, а следовательно, его можно воспринимать только в качестве клоуна, «ученой» куклы («как

ученый циркач»). *«Левой рукой он (Шариков. – С. С.) заслонил тарелку от Зины, а правой зачихнул салфетку за воротничок, и стал похож на клиента в парикмахерской»*; *«Засим от тарелок подымался пахнувший раками пар, нес сидел в тени скатерти с видом часового у порохового склада...»*. Сравнения явно не в пользу Шарикова, автор подчеркивает тщетность его попытки уподобиться сидящим за столом, он все равно выглядит нелепо. *«Шариков посмотрел в пустую рюмку, как в бинокль, подумал и оттопырил губы»*. Автор обращает внимание на нелепость поведения Шарикова, отсутствие у него воспитанности.

В следующем сравнении нет лексемы, которая давала бы определенную оценку внешнего вида Шарикова, но при прочтении СФОЕ возникают отрицательные эмоции: *«И Филипп Филиппович несколько подобрел после вина. Его глаза прояснились, он благосклоннее поглядывал на Шарикова, черная голова которого в салфетке сидела, как муха в сметане»*. Экспрессивное сочетание «муха в сметане» придает отрицательную оценочную коннотацию всей сравнительной конструкции: это мерзко, отвратительно, нечистоплотно. Автор иронизирует над Шариковым.

Место Шарикова в жизни людей определяется М. Булгаковым и через отношение к нему персонажей повести. Люди не относятся к нему как человеку. Шариков не заслужил к себе человеческого отношения даже у прислуги: *«Дарья Петровна, грандиозная и нагая, тряхнула Шарикова, как мешок с картофелем, и произнесла...»*.

Рассмотрим сравнения, которые характеризуют профессора Преображенского. Таких сравнений в тексте повести 15. Эта группа сравнений является самой многочисленной, что является подтверждением того, что М. Булгаков обращает особое внимание на фигуру профессора. Обратимся к материалу исследования.

Профессор оценивается М. Булгаковым неоднозначно: *«Он умственного труда господин, с культурной остроконечной бородкой и усами седыми, пушистыми и лихими, как у французских рыцарей, но запах по метели от него летит скверный, – больницей и сигарой»*. В целом положительный образ профессора разрушается с помощью эпитета «скверный».

Автор повести изображает профессора Преображенского как человека уверенного, знающего себе цену, готового отстаивать свою позицию: *«Будет пока что, – господин (Ф. Ф. – С. С.) говорил так отрывисто, точно командовал»*; *«Гораздо более неприязненно встретил гостей (членов домкома) Филипп Филиппович. Он стоял у письменного стола и смотрел на них, как полководец на врагов. Ноздри его ястребиного носа раздувались»*. Сравнение и эпитет обозначают отношение героя к представителям новой власти.

Описывая операцию, которую проводит профессор, (а это центральное место в композиции произведения) М. Булгаков отдает должное его уму: *«Филипп Филиппович вошел в азарт, ястребиные ноздри его раздувались. Набравшись сил после сытного обеда, гремел он, подобно древнему пророку, и голова его сверкала серебром»*; *«Только по смутному запаху можно было узнать, что это Филипп Филиппович. Подстриженная его седина скрывалась под белым колпаком, напоминающем патриаршую скуфейку. Жрец был весь в белом, а поверх белого, как епитрахиль, был надет резиновый узкий фартук»*. («Жрец – 2. перен.: чего. Устар. Тот, кто посвятил себя служению чему-л. (искусству, науке и т. п.)», [МАС, I:488]). Вмешательство профессора в природу столь серьезно, что напоминает действия создателя, творца.

Однако писатель негативно оценивает сам факт подобного вмешательства: *«Нож вскопчил к нему в руки как бы сам собой, после чего лицо Филиппа Филипповича стало страшным. Он оскалил фарфоровые и золотые коронки и одним приемом навел на лбу Шарика красный венец. Кожу с бритыми волосами откинули, как скальп, обнажили костяной череп»*; *«Затем оба заволновались, как убийцы, которые спешат. –*

Нож! – крикнул Филипп Филиппович». «Лицо у него (Ф. Ф. – С. С.) при этом стало как у вдохновенного разбойника. <...> Шариков комочек он вышвырнул на тарелку, а новый заложил в мозг вместе с ниткой и своими короткими пальцами, ставшими, точно чудом, тонкими и гибкими, ухитрился янтарной нитью его там замотать». Действия, произведенные доктором Преображенским и его ассистентом, скорее напоминают фокус, нежели могут претендовать на серьезные события, способные изменить жизнь.

М. Булгаков негативно оценивает действия профессора, однако отдает должное его таланту, способностям, он признает компетентность профессора, мастерство, талант, абсолютную преданность работе и одиночество как признак мастерства, отказав ему, может быть, в чувстве меры, что и выливается в итоге в страшную социальную и человеческую трагедию. Даже наличие таланта у героя не приближает его к создателю, его действия приобретают зловещий характер, поддерживаемый мотивом чуда, превращения: «Он долго палил вторую сигару, совершенно изжевал ее конец и в полном одиночестве, зеленоокрашенный, как седой Фауст, воскликнул, наконец: – Ей-богу, я, кажется, решусь!»; «Я – московский студент, а не Шариков! Филипп Филиппович горделиво поднял плечи и сделался похож на французского древнего короля». Писатель при оценке поступка профессора не случайно сравнивает Филипп Филипповича с Фаустом: светило с мировым именем, увлеченный идеей возможности искусственного изменения человека, поступился вечными истинами. Образ профессора Преображенского – это, прежде всего, трагический образ человека, соприкоснувшегося с социумом: «соприкосновение ученого с обществом чревато неизбежным монстром на обезьяньих кривых ногах» [8, с. 147].

Идея неприятия М. Булгаковым любого вмешательства в естественные жизненные процессы поддерживается моделями СФОВ, описывающими доктора Борменталья, прислугу: «Инструмент мелькнул в руках у тяпнутого (Борменталья. – С. С.), как у фокусника»; «Филипп Филиппович вздрогнул и посмотрел на Борменталья. Глаза у того напояли два черных дула, направленных на Шарикова в упор. Без всяких предисловий он двинулся к Шарикову и метко и уверенно взял его за глотку».

Профессор не одинок в совершаемом преступлении, идея убийства, эксплицированная при создании образа профессора Преображенского, поддерживается образами других персонажей: «Зина оказалась неожиданно в халате, похожем на саван...»; «У Зины мгновенно стали такие же мерзкие глаза, как у тяпнутого. Она подошла к псу и явно фальшиво погладила его. Тот с тоскою и презрением поглядел на нее»; «Острым и узким ножом она (Дарья Петровна. – С. С.) отрубила беспомощным рябчику головы и лапки, затем, как яростный палач, с костей сдирала мякоть, из кур вырывала внутренности, что-то вертела в мясорубке. <....> В плите гудело, как на пожаре, а на сковороде ворчало, пузырилось и прыгало. Заслонка с грохотом отпрыгивала, обнаруживала страшный ад». Таким образом, мы видим, что даже второстепенные персонажи вызывают негативные эмоции. Вероятно, это связано с философской позицией М. Булгакова, состоящей в том, что вмешательство человека в естественный ход жизни невозможно, иначе трагические последствия неизбежны.

Благодаря сравнительным конструкциям, которые используются для характеристики посетителей профессора, можно говорить о том, что писатель передает свое восприятие всего окружающего как механистичного, неодушевленного, лишено человеческого и разума: «На затылке у фрукта росли совершенно зеленые волосы. Морщины расплазлись по лицу у фрукта, но цвет лица был розовый, как у младенца. Левая нога не сгибалась, ее приходилось волочить по ковру, зато правая прыгала, как у детского щелкуна. На борту великопнейшего пиджака, как глаз, торчал драгоценный камень». Перед нами гротескная манера изображения. При прочтении описания внешнего вида персонажа возникают следующие ассоциации: «клоун», «человек-паук», «механизм». Образ клоуна подкрепляется сочетанием двух противоположных по смыслу языковых единиц:

«морщины» и «младенец». Розовый цвет лица в сочетании с морщинами рисует в воображении маску клоуна, яркий цвет которой достигается с помощью грима и намеренно утрирует естественную цветовую гамму. Контекст придает сравнительному обороту «розовый, как младенец» еще одно значение – маска. Этот образ усиливает заявленный ранее мотив цирка, маскарада, карнавала, т. е. моменты, когда люди не показывают своего лица, когда все наоборот.

Несмотря на несколько сатирическое отношение писателя к описываемым героям, возникает чувство тревожности, страха перед заведенным механизмом, нечеловеческой природой существа. Происходит демонизация персонажа: «как глаз, торчал драгоценный камень». Вещь, которая должна украшать, «торчит». Часть тела сравнивается с неодушевленным предметом: «камень, как глаз». Подобное «омертвление» встречается и в конструкции, характеризующей доктора Борменталья: «Глаза у того (Борменталья. – С. С.) напоминали два черных дула, направленных на Шарикова в упор. Без всяких предисловий он двинулся к Шарикову и легко и уверенно взял его за глотку».

При описании посетителей квартиры профессора употребляется ряд сравнений, которые несут отрицательную коннотацию: «Я же той, что всех прелестней, – дребезжащим, как сковорода, голосом подпел пациент и, сияя, стал одеваться...»; «Опять загремела вода, колыхнулась шляпа с перьями, потом появилась какая-то лысая, как тарелка, голова и обняла Филиппа Филипповича»; «...тут он стал надуваться, как индейский петух».

Анализ СФОЕ позволяет заключить, что семантическое поле подтекста повести «Собачье сердце» состоит из следующих смысловых блоков: 1) карнавальность действий профессора; 2) негативное отношение автора к Шарикову; 3) негативное отношение автора к представителям власти; 4) негативное отношение автора к Борменталю и прислуге (см. табл.).

Образное моделирование подтекста повести «Собачье сердце»

Модели СФОЕ	Карнавальность действий профессора	Негативное отношение автора к Шарикову	Негативное отношение автора к представителям власти	Негативное отношение автора к Борменталю и прислуге
Сравнение	1	5	1	2
Сравнение + метафора	-	-	1	-
Сравнение + эпитет	4	7	5	3
Сравнение + метафора + эпитет	3	1	1	1
Сравнение + метоним + эпитет	-	-	1	-
Итого	8	13	9	6

Как видно из таблицы, все модели СФОЕ, принимающие участие в формировании смысловых блоков подтекста повести «Собачье сердце» организованы с участием сравнения, которое избирается создателем произведения как единственно приемлемый троп для передачи замысла.

Наибольшее количество единиц СФОЕ, выстроенных по разным моделям (их 13), эксплицируют идею негативного отношения автора к Шарикову, чей образ является центральным в повести, так как это артефакт, созданный руками одного из умнейших представителей своего времени – профессором Преображенским. Искусственное «улучшение» природных процессов, по мнению М. Булгакова, дает обратный результат.

Таким образом, очевидна связь сравнений с подтекстом данного произведения на композиционно-семантическом уровне. Сравнительные конструкции, поддерживаемые метафорой, метонимом и эпитетом, структурируют семантическое поле подтекста. Очевидно, что в некоторых случаях можно говорить об абсолютном смысловом доминировании одного приема выразительности при моделировании подтекста художественного произведения над другими, причем количественный показатель в подобных ситуациях не является определяющим. Так, в повести «Собачье сердце» сравнений 92 единицы, представлены они в 79 СФОЕ, в то время как эпитетов в тексте повести 572 единицы и сосредоточены они в 430 СФОЕ.

Если считать художественный текст моделью определенного фрагмента действительности, то вполне закономерно такие текстовые структуры относить к произведениям с моделированным подтекстом. Любой случай «намеренной» имплицитности задает реципиенту загадку, которая требует разгадки. В его распоряжении имеются данные, содержащиеся в самой речи, в описываемой ситуации и тезаурусе. Искомым является скрытый смысл текста, при этом читатель извлекает имплицитное не само по себе, а из подаваемых в контексте «сигналов» о скрытой информации. Очевидна «необходимость более тщательного исследования материальных средств сообщения, таящих в себе, как известно, огромные потенциальные возможности семантических приращений» [2, с. 390]. Текстовые преобразования значения слова представляют собой разновидность модальных реакций и могут быть отнесены к проявлениям творческого начала в использовании языка индивидуумом. Для осмысления того, насколько индивидуальны могут быть смысловые «приращения» образных средств, важно осознать механизм взаимодействия «ведущих» тропов с другими языковыми средствами текстовой структуры.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Метонимия // *Языкознание: Большой энциклопедический словарь*. – М., 1998. – С. 300–301.
2. Винокур Г. О. *Избранные работы по русскому языку*. – М., 1959. – 492 с.
3. Гальперин И. Р. *Текст как объект лингвистического исследования*. – М., 1981. – 138 с.
4. Грунина Л. П. *О методике вычленения структурно-семантических элементов художественного текста // Художественная культура: теория, история, критика, методика преподавания, творческая практика*. – Красноярск: Краснояр. гос. ун-т, 2003. – С. 72–74.
5. Долинин К. А. *Имплицитное содержание высказывания // Вопросы языкознания*. – 1983. – № 6. – С. 37–47.
6. Дымарский М. Я. *Проблемы текстообразования и художественный текст*. – М., 2001. – 328 с.
7. Ермакова О. П. *Семантические процессы в лексике // Русский язык конца XX столетия (1985–1995)*. – М., 1996. – С. 32–66.
8. Зеркалов А. *Этика Михаила Булгакова*. – М.: Текст, 2004. – 239 с.
9. Лекант П. А. и др. *Современный русский литературный язык*. – М., 1988. – 415 с.
10. Москальская О. И. *Грамматика текста*. – М.: Высшая школа, 1981. – 183 с.

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

О. Л. Орлов

*доктор культурологии, профессор,
Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств,
заслуженный деятель искусств РФ*

РОССИЙСКИЙ ПРАЗДНИК КАК ФЕНОМЕН КУЛЬТУРЫ

В истории мировой культуры значительное место занимает проблема возникновения и развития праздника как феномена, представляющего ценность не только в плане изучения народного искусства, общественного быта, этногенеза, но и в целом для исследования материальной и духовной культуры народа. «Судьба нашего искусства есть судьба нашей культуры, судьба культуры – судьба веселия народного. Вот имя культуры: умное веселие народное», – так в контексте развития искусства и культуры определял место праздника, сущность его синтетического универсализма Вячеслав Иванов [7].

Праздник – явление всеобщее и постоянное именно в социально-культурной жизни народа, так как он возникает только там, где существуют духовные связи между людьми, и, порожденный ими, в свою очередь укрепляет эти связи, демонстрируя свои общечеловеческие социально-культурные качества.

До наших дней праздник, как своеобразный социальный институт, сохранил рудименты далекого прошлого, элементы языческих времен. Генетические корни практически любого праздника нужно искать в древнейших религиозных верованиях. По мнению практически всех исследователей этого феномена мировой культуры, потребность в праздниках присуща человечеству с самых древних времен, «*homo sapiens был, по всей видимости, одновременно и homo ludens – человеком играющим и празднующим*» [8].

Но праздник отнюдь не статичное, неизменное явление. Если рассматривать каждый праздник как целостную, относительно открытую систему, то в нем можно выявить все признаки, присущие сложным системам, прежде всего его динамику. Появление, расцвет, изменение элементов праздника, самого способа празднования – все это значимые показатели не только изменений внутри системы, но и перемен более общего характера. Так, упадок идеи, угасание веры и убеждения в ценности блага ослабляют и обычно, в конце концов, вовсе сводят на нет потребность в празднике. Если этот упадок сопровождается принятием новых идей, новых ценностей, новой веры, то, скорее всего, появляется и потребность в новых праздниках. Наиболее яркие тому примеры – Великая французская революция и Великая Октябрьская революция в России.

Тем не менее, можно наблюдать относительную устойчивость праздника (системы) при постоянном внутреннем изменении его содержания и формы (элементов системы). Как правило, изменения праздника являются частью общих изменений, происходящих в целом в культуре сообщества, они вытекают из тех же самых причин, и прежде всего: из изменений условий жизни сообщества; из изменений его социально-экономической структуры и политического строя либо места в общественной системе; из изменений общественного сознания сообщества, выражающихся в изменениях его системы ценностей. Иногда наблюдается также своеобразная трансформация смысла: праздник, первоначальное культовое, магическое, метафизическое, мифическое значение которого утрачено, приобретает для сообщества, соблюдающего его, новый, иной смысл.

Но, даже подвергаясь глубоким изменениям, праздник часто сохраняет старинные элементы, которым сообщество придает новый смысл и которые можно идентифицировать как идущие из далекого прошлого свидетельства о непрерывности культурных влияний и заимствований. Лишь таким путем можно вполне научно объяснить социальный смысл и функции праздника, избегая схематичных и поверхностных интерпретаций.

Как относительно открытая система праздник имеет комплекс внешних связей с другими системами. Внешние связи системы зависят от многих внешних причин, причем часто такая зависимость прослеживается постоянно. Первое место в этом ряду занимает связь праздника с общественной структурой и ее изменениями, причем не только религиозных, этнических классов или слоев, но и малых групп, начиная с семьи. Эти изменения связаны с развитием системы ценностей, с историей идей, они находят свое непосредственное выражение в вызванном праздником творчестве, знаменуют структуральные и функциональные преобразования общества. Одновременно праздник позволяет рассматривать в единстве элементы культуры, постоянно передаваемые традицией и возобновляемые в каждом поколении, а также новые ее элементы. Многие праздники представляют собой некую резервную систему культурно-исторической памяти общества (наряду с другими социальными институтами: семьей, церковью), и чем меньше удельный вес одних ее элементов, тем больше удельный вес других. Используя эту систему, принимая или отрицая, переосмысливая и ассимилируя ее, существует любое культурное развитие, любая культурная динамика.

С точки зрения внутренней динамики праздник как система представляет собой день или несколько дней, иногда праздничная фаза затягивается, но в таких случаях сама она, как правило, делится на части, отчетливо различающиеся по своему характеру, и только одна из них является праздничной кульминацией, вершинным моментом праздника.

Как уже говорилось, в процессе развития каждый конкретный праздник изменяется и трансформируется настолько, что это свидетельствует о его переходе в иное образование, иначе говоря, о том, что праздник на определенном этапе своего развития перестает быть праздником. Действительно, вся мировая история свидетельствует, что рассмотренные выше факторы вызывают не только изменения праздников и устоявшихся способов празднования, но также приводят к исчезновению одних и возникновению других праздников.

Праздник в своем генезисе всегда соприкасается с моментами, важными для человеческой общности, понимание его нельзя свести только к игре, развлечению, мифам и т. д. Вопреки кажущейся видимости праздник – это не период идиллии; зачастую он становится фазой явных или скрытых конфликтов, выявляет противоречия, враждебные друг другу силы и тенденции; связанный с чувством радости, он не может отождествляться с развлечением, что ему на протяжении почти всей его истории приписывали некоторые ученые.

Противниками праздников как развлечений, начиная с античности, были как отдельные представители философской и религиозной мысли, так и целые направления. С их точки зрения, главной целью и смыслом человеческой деятельности является труд, праздники же наделялись служебным значением, признавались лишь те из них, которые напрямую выполняли религиозные, воспитательные или иные полезные функции. В большей или меньшей степени элементы такого идеала культуры встречаются в трудах Платона, для которого образцом было государство, где удовлетворяются только необходимые потребности. Платон отвергал «излишние» потребности (культура же, как известно, всегда избыточна), считая разорительными потребности в изысканной пище, в скульптурах, зрелищах и т. п.

Подобную точку зрения поддерживали позднее некоторые разновидности христианства, прежде всего пуританство. Носитель протестантской культуры должен был прово-

дить свою жизнь, по выражению М. Вебера, в «посюсторонней аскезе» [4]. Задача пуританской аскезы – уничтожить все мирские радости, поэтому любая минута, потраченная не на труд и накопление, является величайшим грехом. Причем отрицание распространялось не только на светские праздники, но даже и на праздник Рождества Христова. По «Домострою» (памятнику средневековой русской литературы) единственным законным развлечением считалось гостевание [6].

Противоположная точка зрения отражена во взглядах Аристотеля на главную сферу жизни, который считал, что труд существует ради досуга, праздника, причем они понимались не как безделье, а как специфическая и высокая по значимости деятельность. Этих взглядов придерживались представители светской культуры Нового времени. С позиций культуры Нового времени, именно свободное время – сфера формирования и выражения собственно человеческого в человеке, труд лишь необходимое условие для создания подобных возможностей. Такие культуры по своей типологии относятся к пермиссивным (разрешающим). Русская аскеза по «Домострою» претерпела сокрушительные удары в царствование Петра I, который вводил в русскую жизнь культуру Нового времени. Но процесс модернизации начался значительно раньше: многие исследователи считают XVI–XVII вв. переломным этапом в русской культуре. А. М. Панченко утверждал, что «происходила замена веры культурой, обихода – “утехой”, обряда – зрелищем, прохладой, развлечением» [9]. Л. Н. Гумилев, согласно своей концепции этногенеза, считал XVI–XVII вв. русской истории акматической фазой (максимумом) пассионарности [5].

Сегодня существует некоторое недопонимание роли праздника, а отсюда и недооценка самого феномена досуга, праздника. Можно предположить, что потребность в празднике всегда будет уменьшаться там, где возрастает богатство и уровень образованности, где человеку не надо много и тяжело трудиться, когда ослабевают его связи, в особенности эмоциональные, с традиционными празднующими группами, к которым он формально принадлежит, когда он не зависит от ритма природы и сам рациональным образом определяет ритм собственной жизни. Потребность в празднике уменьшается также с исчезновением метафизических интересов и охлаждением к идеологии, усилением рационализма, прагматизма и культа индивидуализма, выражающегося в желании оградить личную жизнь от посторонних посягательств и в утверждении права на личную жизнь, на интимность, на изоляцию в собственном кругу основного права современного человека. Процессы отхода от религии, наблюдаемые повсеместно в индустриально развитых странах, порождают равнодушие и к религиозным праздникам; идейный индифферентизм, равнодушие ко всякой идеологии естественным образом вызывают безразличное отношение к народным, политическим и государственным праздникам.

Объективно существующие периодические кризисы тех или иных форм, типов праздников и празднования органически связаны с периодическими кризисами ценностей, с помощью которых организовано коллективное бытие людей. Но это никоим образом не уменьшает ни общественной потребности в празднике, ни его культурной роли. Ко всему прочему, культура праздника систематически обогащает некоторыми своими элементами культуру обыденную, в первую очередь сферу материальной культуры. Многие предметы, вещи, некогда употреблявшиеся только во время праздников, затем вошли в повседневный быт; многие виды действий, мероприятий, зрелищ, некогда исключительно праздничных, затем укоренились в будничной жизни.

Выводы об упадке праздника делаются учеными развитых стран на том основании, что в прошлом праздник играл более значимую роль, выполнял более разнообразные функции в жизнедеятельности человека, а его наличное существование соответственно обладало более яркой выраженной спецификой и богатством конкретных форм, чем в настоящее время.

Стихийно возникающее стремление возродить ушедшую культуру, вернуться к апробированным способам солидаризации людей, восстановить утраченное многими людьми представление об истинном гуманизме и духовности сводится по большей части (в сфере праздничной деятельности) к насыщению современных праздников и досуга элементами фольклора, этнографической экзотики. Конечно, таким способом удастся разнообразить досуг населения, придать празднику национальный колорит, но это не приводит к коренному улучшению ситуации и не дает существенных результатов в деле возрождения и сохранения национальной культуры. Таким образом, отречение от праздников, утрата интереса к ним служат признаком утраты интереса к лежащим в их основе ценностям; тогда они зачастую лишь декларируются, но не практикуются.

Между тем необходимость праздника, общечеловеческая потребность в нем обусловлена, прежде всего, множеством его общественных функций – духовного объединения, примирения, сплочения людей, возобновления общественных связей, нравственного очищения, коллективного самовыражения, эстетического образования. Выполняя компенсаторную функцию, праздник выступал как способ обретения свободы, релаксации от груза будничных забот и тревог.

Праздник, несомненно, многозначен. Но все его значения производны от тех социальных функций, которые становятся очевидными лишь в его соотнесении с основными слагаемыми исторического процесса: личностью, обществом, нацией, государством, культурой, субкультурой. Число такого рода функций достаточно велико. Наиболее общей и универсальной функцией праздника является обеспечение социальной интеграции людей: формирование оснований их устойчивого коллективного существования, стимулирование повышения уровня их групповой консолидированности и эффективности взаимодействия, накопление в процессе празднований социального опыта по гарантированному социальному воспроизводству их коллективов как устойчивых сообществ.

Одна из самых ранних функций праздника заключалась в том, чтобы исключить всякий общественный хаос и не допустить изменений. Исключенность последних из существующих картин мира, по мнению Г. Беккера, характеризует смысл сакральности [3]. Поэтому необходимо изучать самые ранние традиционные формы праздника, когда они были проявлением общих ориентаций сакральной культуры.

Трансформация всего многообразия функций праздника связана с изменениями в социальной структуре общества и общностей и с изменениями в системе социокультурных ценностей. Развитое общество институализирует многие праздники, выполняющие определенные общественные функции. К таким функциям следует отнести воспитательные и рекреативные (праздник как отдых) функции, функции физической и психической реабилитации и релаксации человека. Реализация последней функции, наряду с принятыми в сообществе социальными нормами и формами отдыха (системами выходных, отпусков, освобождением от активной деятельности по возрасту и состоянию здоровья, системой институтов организованного досуга и т. п.), немыслима без праздников самого различного уровня, а также сопутствующих им карнавалов, массовых гуляний, обрядов и игр.

Во многом благодаря пространству праздника как в его институализированных, так и неинституализированных формах, развивались такие духовные сферы, как искусство, философия и даже наука. В празднике, помимо мировоззренческих, воспитательных, регулирующих основ, мощно заявляла о себе и сугубо художественная, зрелищная сторона. Именно эта функция праздника, его роль как стимула специфического творчества личности, может быть также признана критерием общественной жизненности праздника и его идеи. Пока праздник вдохновляет людей творчества, он остается живым.

Помимо этого, зрелищная форма праздника веками была связана с культом и позволяла массам верующих, в большинстве своем не умевших читать, далеких от теологических книг, активно участвовать в религиозной жизни, переживать глубокий смысл жертвоприношения, очищения, драматизированного проявления сакральности.

В традиционной народной культуре веселье, отдых от физического труда никогда не понимались как безделье. Праздник всегда выполнял важные общественные функции, имел глубокий смысл. В нем человек наиболее остро ощущал себя одновременно личностью и членом коллектива, внутри праздника осуществлялся контакт и свободное общение, без которых невозможна нормальная жизнедеятельность человека. К тому же в самом процессе празднования реализовывалась его нормативная функция, так как праздник – это еще и проявление всех форм и видов культуры коллектива, начиная от принятых норм поведения, кончая демонстрацией нарядов и исполнением традиционных песен.

Функция свободного времени возникает в празднике не из-за его сущности, ошибочно определяемой как время, свободное от принуждения, время, когда человек может делать, что ему заблагорассудится. Она непосредственно вытекает из потребностей современного хозяйствования, в особенности рынка, для правильной деятельности которого необходима ритмичность и по возможности мощные стимулы; праздник создает для этого исключительные возможности, широко используемые во всех звеньях производства, торговли и связанной с ней рекламы. В обслуживании праздников задействованы тысячи людей различных специальностей, для которых праздники являются важным источником дохода, работает целая система институтов: торговля, кустарный промысел, промышленность, транспорт, пункты питания, гостиницы.

Экономический эффект имеют многие, некогда связанные с культом, а ныне прочно вошедшие в жизнь праздничные обычаи, такие, например, как обязательное обновление жилого дома, праздничная уборка, выбрасывание старых вещей, замена утвари. Повсеместно с праздником связаны традиции выставлять напоказ, раздавать, потреблять, иногда даже уничтожать большие количества экономически ценных продуктов. Все это обуславливает периодическое, поддающееся точному прогнозу возрастание спроса на определенные товары и услуги. Образно говоря, с праздником издавна связана праздничная ярмарка, которая ритмизирует хозяйственную жизнь, влияет на производство и торговлю и даже в настоящее время продолжает играть важную роль в экономическом балансе года.

Как и все многообразие функций культуры в целом, функции праздника можно разделить по таким направлениям, как социально-интегративное, регулятивно-нормативное, познавательное-коммуникативное, рекреационно-творческое и оценочное.

Как социокультурный феномен, праздник обладает следующими основными качествами: во-первых, непрерывность, начиная с древности и до настоящего времени; во-вторых, детерминированность праздников ритмом природы, мифологическим временем, конкретно-исторической ситуацией; в-третьих, относительная устойчивость праздника при постоянном внутреннем изменении его содержания и формы; в-четвертых, идентификация личного и национального самосознания в процессе праздника как условие преобладания социальной структуры и культурной традиции, то есть общественный, коллективный характер празднеств; в-пятых, культурная ценность праздника; в-шестых, реактуализация религиозных форм праздников в культурогенезе.

Исследователями неоднократно подчеркивалась глубинная связь мифа и религии, проявляющаяся на протяжении всей истории человечества. Первоначально религиозный взгляд на мир и сопутствующий ему тип мироощущения складывались в границах мифологического сознания. Но в отличие от религии миф обладает имманентной логикой саморазвертывания, которая необязательно обращена на последнюю реальность – непостижимый абсолют. Миф является соединительной тканью верований, его можно считать самой глубокой основой перспективной продолжительности, связывающей личные интересы, страх и скорбь перед лицом смерти, многие конкретные случаи, которые пережили или которые помнили былые поколения, – с тем доисторическим прошлым, когда, по их мнению, подобный факт произошел впервые. В отличие от религии, которая обожествляет сверхъестественное, трансцендентное, миф обожествляет не-

посредственную игру природных сил и понятые как их проявление стихийные страсти души. Для мифа природное явление (например, солнце) и страсть (например, гнев) – это и есть боги (Солнце и Гнев).

Содержание древних мифов, данные, собранные археологами, свидетельства о совершении церемоний, ритуалов, торжеств, которыми повсеместно сопровождалось праздники, указывают на то, что празднование имело место еще в доисторические времена. Превращая хаос в космос, миф создавал возможность постижения мира как некоего организованного целого. Все это выражается в простой и доступной схеме, которая могла претворяться в магическое действие. В магии или действиях, основанных на убеждении в возможности волшебного влияния человека на природу и среду обитания, находят свое выражение еще первобытные верования. Социальный феномен родового строя, возникающего в эпоху раннего палеолита, находит в человеческом сознании фантастическое отражение в форме тотемических образов кровного родства. Характерная для тотемизма магия жизни и смерти проявляется в обряде повторного рождения в новой жизни, прообразе реинкарнации – воскресения, совершаемого в тесной связи с вселяющимся вечно живущим тотемом, поедаемым единокровцами в обрядовой трапезе.

Лежащие в основе первобытного праздника магические действия давали людям уверенность в том, что можно оказать определенное влияние на силы природы, на окружающую их действительность и сверхъестественные силы, от которых, как они верили, зависела их судьба. Эта вера и своеобразные познания в области магических процедур, которые трактовались зачастую как таинственное совместное участие в праздничных обрядах, всегда играли также и роль фактора, интегрирующего группу.

Мифологические образы понимаются как реально существующие, наделяются субстанциональностью, воспринимаясь как часть действительности. Являясь продуктом синтеза чувственно-конкретного и понятийного моментов, мифологические образы в высшей степени символичны. Конкретный мифологический персонаж соотносится с широкой сферой феноменов, в том числе и с феноменом праздника. Праздники, согласно верованиям древних, устанавливались мифическими предками, основателями государства и города, предками божественного происхождения. Миф, как рассказ о судьбах необыкновенного события и необыкновенных героев, персонифицирует события и ценности, для почитания которых учрежден праздник. Но в содержании мифа часто обнаруживается и объяснение, почему и каким способом возник праздник: публичное напоминание этого рассказа или его инсценировка являются важной частью праздничного обряда.

Средством преодоления страха перед безудержным потоком времени и небытием был циклизм первоначальной архаичной мифологии. Факторы, обосновавшие общественную потребность в празднике, имеют постоянный характер; обобщенно говоря, это – ритмические явления жизни, цикличная изменчивость отрезков времени, как в тех случаях, когда мы имеем дело с природным циклом, так и тогда, когда речь идет о времени человеческой жизнедеятельности, мифическом, легендарном или историческом, действительном. Желание осознать этот ритм, почтить его и обозначить, припомнить важные моменты прошлого, стремление слиться с этим ритмом и попытки оказать на него влияние, предотвратить его возможные нарушения – вот мотивы, в силу которых люди тысячи лет отмечают праздники.

Праздничные дни связываются с лунным и солнечным циклами, с узловыми моментами сельскохозяйственного года, со стремлением обеспечить людям наиболее благоприятный ритм природы, зависящий, как считалось, от сверхъестественных сил. Во время праздников люди просили прощения у этих сил за нарушение ими естественного порядка, пытаясь тем самым вернуть их расположение. Праздник на свой манер, повторяя миф, есть усилие остановить поток времени, придать вневременной смысл тому, что некогда имело временные рамки.

Являясь исторически первой формой культуры, компенсируя недостаточность практического овладения природой через смысловое породнение с нею, мифология упорядочивает и регулирует человеческие отношения, программируя бессознательную сферу человеческой психики (ибо сознание еще слабо и неразвито) с помощью магии, символов, табу, обрядов и ритуалов. Магическое овладение природой на деле оборачивается укрощением стихийных сил души, которые, вырвавшись из-под контроля, способны разрушить жизнь общины.

Как свидетельствуют археологические данные, уже в раннем палеолите находятся доказательства существования верований и священнодействий, именуемых анимизмом и тотемизмом, а также следы периодически совершавшихся обрядов. К древним праздникам, восходящим к временам складывания тотемистических представлений, несомненно, относятся праздники, связанные с культом животных. Примером подобного культа, относящегося к праистории религии, является культ медведя, прослеживаемый еще в эпоху позднего палеолита в так называемой ориньякской культуре. Человек палеолита при этом верил, что способствует таким путем возрождению, употребляя приемы анимистической магии воплощения и совершая таким образом искупление убийства медведя и употребления его в пищу. Культ медведя и Медвежьи праздники, как свидетельствует З. Соколова, и сейчас бытуют среди немногочисленных коренных жителей Сибири [12].

Таким образом, праздник имеет более древнюю историю, чем организованные религии, в особенности те, которые создали священные тексты, особый статус жречества и теологической мысли, а также церемониал литургии. Религиозно-мифологические представления специфичны своей направленностью на непостижимое, опорой на веру как на высшую инстанцию. Вера сопряжена с попыткой человека осмыслить свое существование. Обрядовые действия базируются на ней, служат ее продолжением. В то же время они стимулируют веру. Благодаря связи с обрядами и индивидуальной жизнью верующих, а также ориентации на непостижимое, мифологические представления получают статус религиозных.

На Руси до принятия христианства отмечались многочисленные праздники, связанные с первобытной языческой религией. Эта религия была культом обожествляемых сил природы, но в нее входили также значительно более древние и повсеместно распространенные элементы тотемизма, анимизма и магии. Места отправления культов или остатки довольно примитивных святилищ славян, обнаруженные при раскопках, свидетельствуют о религиозном и общественно-политическом их характере как мест, где собирались племена для отправления культа и решения важных коллективных дел.

Большую роль в славянской религии играли сельскохозяйственный и солнечный циклы, культ солнца. Каждое славянское племя имело собственного бога, и возникновению государственных объединений сопутствовало создание официального культа и пантеона своих богов. Так, в Киеве, по свидетельству летописца Нестора, подобное место во времена правления князя Владимира занимал бог Перун.

Праздничные торжества соединялись с гаданием, магическими действиями для обеспечения успеха и недопущения зла, с развлечениями, плясками, песнями. С праздниками были связаны и пиршества в честь божеств. В исторических источниках приводится множество подробностей периодических праздничных обрядов и связанных с ними жертвоприношений, в том числе жертвоприношений людей. Как основной элемент культа, встречающийся во всех религиях, принесение в жертву – это дар, как правило, ритуально оформленный, таинственным силам, божествам, духам, святым, своего рода плата. Таким способом человек думал задобрить или умиловать духов, испросить прощения, очистить себя, заручиться их всецельной поддержкой. Помимо людей и животных, в жертву приносились, продукты питания, драгоценные камни, естественные, природные предметы и произведения человеческих рук, символические знаки и т. д., и

т. п. Позднее возникает и денежное пожертвование, как символическое, так и действительное, часто выражающееся в огромных суммах. До сих пор существует обычай не только употреблять то, что приносится в жертву, например, после освящения, но и оставлять пожертвование на месте, например, на кладбищах в день поминовения умерших. Последнее означает веру людей в то, что эти пожертвования достанутся тем, кому они предназначены, – душам умерших.

Праздники, посвященные памяти умерших, также основаны на мифах, которые нередко рассказывают о судьбах богов и героев. В строго организованных, опирающихся на теологическую мысль, а также на кодифицированные предписания и собственный календарь, религиозных культурах праздник, посвященный памяти умерших, получает свое место, дату и соответствующую литургии особую интерпретацию, согласующуюся с доктриной.

Древние представления о загробном мире связываются с представлениями о суде над душой умершего, вечном наказании или награде, об избавлении от страданий. Но даже утрата людьми веры в загробный мир не означает исчезновение потребности в почитании памяти умерших, так как с утратой религиозных верований еще не исчезает потребность в подтверждении ценности жизни живущих людей и жизни тех, кто уже умер, в подтверждении связи с умершими в форме памяти, почитания, скорби. Поэтому в той или иной форме день памяти умерших, сохраняя, как правило, многие старые обрядовые элементы, отмечается также в сообществах, отошедших от религии.

Перестав быть единственной и доминирующей формой культуры, мифология не исчезает окончательно, так как человек всегда сохраняет потребность во внерациональном породнении с миром, а это значит, что мифологическое измерение органически присуще человеческой душе и человеческой культуре. Полномасштабный опыт реконструкции магического и мифологического сознания, архаических систем мышления, трансформировавшихся в реальной практике праздников, предпринят в исследовании В. Проппа, посвященном русским аграрным праздникам [11].

Многовековая практика пересечения и взаимовлияния языческой и сакрально-церковной культур достигала своего апогея в Рождество и Новый год, на масленичную и пасхальную недели, на Троицу и в Иванов день, знаменовавших пути летнего и зимнего солнцеворота и библейско-евангельские вехи в истории христианства.

Религиозные и административные власти, считая праздники не только публичным, общественным делом, но и государственным, постепенно взяли на себя организацию игр и праздничных развлечений. Предполагалось, что праздник – отрезок времени, не столько свободный от труда, сколько запрещающий определенные виды работ, определенную деятельность и поступки, налагающий на празднующих требования особого поведения, особой этикетности, обязательного соучастия в обрядовых, ритуальных актах.

Строгость соблюдения праздничных правил объяснялась и сохранением представления о празднике как о моменте максимального напряжения сил природы, той точке, повороте, переломе, которые чреватые серьезными качественными изменениями, вплоть до глобальной трансформации космоприродного универсума. Чем важнее, значительнее праздник, тем крепче сопряжены в нем все силы и существа природы – добрые и злые, светлые и темные, благодетельные и опасные. Таким образом, поведение человека, включенного в стихию праздника (обряда), должно быть строго регламентировано; упорядочена, этикетна, пронизана правилами сама праздничная свобода.

Регламентированность праздника, добровольное подчинение его нормам и правилам во многом помогало процессу идентификации личного и национального самосознания в время праздника, что являлось одним из условий преемственности социальной структуры и культурной традиции. Идентификация личности, стремление отождествить себя с нацией, осознание своей принадлежности к великому народу есть один из механизмов

социализации личности, посредством которого приобретаются или усваиваются ценности, нормы, идеалы, роли и моральные качества того народа, к которому принадлежит данный индивид, а также все достижения человеческой культуры. В ранние периоды жизни и социализации человека, в детстве, в юном возрасте, когда в процессе воспитания он воспринимает культурные нормы, обычаи и, главное, ценности старшего поколения, формируется его отношение к празднику.

Праздник есть время особенно интенсивной культурной инициации и социализации личности, которая именно в этот период получает возможность, открывающуюся для нее еще в детском возрасте, участия как в подготовке, так и в проведении праздника. Своим эмоциональным климатом, зрелищностью, необычностью, часто весельем и изобилием, возможностью воспользоваться благами, недоступными в повседневности, подарками, развлечениями и отступлениями от обычных правил, ограничивающих человеческое поведение, праздник на протяжении тысячелетий привлекает детей и молодежь, глубоко западает им в память. Он оказывается, прежде всего, поводом к идентичности – в дни праздника молодежь часто яснее, чем в других случаях, осознает себя, а также свою тождественность с нацией, страной.

Потребность в празднике и праздновании – это не только естественная, но и культурная потребность, и потому она должна вновь возрождаться в каждом новом поколении. Церемониал, обряд, обычай праздника служат прекрасной школой культурной традиции, к которой подрастающее поколение приобщается естественным и достойным образом – через непосредственное участие в торжествах. Знание праздничного ритуала и обычая является, с одной стороны, условием действительного участия в празднике, с другой стороны, чертой принадлежности к определенной группе и ее культуре. Во время праздника в различных формах – зрелищной, вербальной, символической, метафорической или драматической, реалистической – отображается прошлое народа, мифическое и историческое, а также современность, нынешняя ситуация. Поэтому праздник служит и для ориентации молодежи во времени, в котором жил или живет его народ.

В национальной, политической и общественной жизни личность, участвуя в празднике, демонстрирует в этот день свою привязанность, верность, готовность к защите идеалов. Принятие общих ценностей, а также их критериев необходимо, прежде всего, для реализации целей общности, нации, для организации ее совместной деятельности во всех сферах жизни. Связь между ценностями и человеческим сообществом является необходимой: сам принцип, правило существования сообщества, коллектива составляет общее благо, принимаемое как ценность, хотя нередко над ним возвышается философская или религиозная надстройка, имеющая характер доминирующей ценности. Всегда можно ожидать, опираясь именно на такое теоретическое понимание, что для учреждения праздников требуются, прежде всего, главные, доминирующие ценности нации, составляющие основу ее системы ценностей.

Праздник по своей сути является формой обновления и подтверждения ценностей коллективной жизни. Являясь видом совместной деятельности, праздник и празднование позволяют обществу выразить свое почитание этих ценностей. Участие человека в праздновании является важным доказательством его устойчивой связи с сообществом, отмечающим праздник, показателем усвоения им культурных ценностей этого сообщества.

Таким образом, праздник, как по своему существу, так и по формам связан с жизнью коллектива, это коллективистское явление. Он всегда требует присутствия, участия людей, является совместным действием, общим переживанием. Праздник предполагает общность людей, так как возникает не только по поводу событий, имеющих значение и смысл для каждого из многих людей, но и потому, что выражает коллективную реакцию, коллективное отношение к этим событиям.

Но само это явление имеет антагонистическую, двойственную природу, так как само возникновение праздника связывается, помимо прочих факторов, с прогрессирующим процессом разложения в первобытном сознании и общественной практике тождества субъекта и объекта, индивида и рода, с возникновением религии. Праздник, изначально выражая собой выход и возвращение в утерянное состояние идентификации личности и рода, признавал ограниченность и временность этого выхода. Таким образом, он как бы брал на себя функции снятия отчуждения.

Как правило, на период празднеств всех объединяет некое всеобщее мироощущение и мировосприятие. Историк искусства и культуры Глеб Поспелов по этому поводу пишет: «На смену различиям или даже враждебности интересов приходило утопическое ощущение причастности к народному целостному коллективу, недолгое, но радостное сознание единения с другими» [10]. Праздник представляет собой такую фазу коллективной жизни, в которой личность гораздо интенсивней, чем в обыденной жизни, публично проявляет свое единство с нацией и ее ценностями. Праздник имеет смысл для личности лишь тогда, когда он выводится из ее принадлежности к сообществу, установившему и соблюдающему этот праздник и формы его празднования. Так, например, загруженность площади толпой, изначально очень разносоставной, но приведенной здесь к некоему общему знаменателю, создавало чувство равенства и причастности общему делу, единому коллективу – к миру в том его понимании, какое закреплено в выражении «пир на весь мир». С последним фразеологизмом тесно связан широко распространенный обычай праздничного гостевания.

Еще в старину приемы гостей требовали значительных расходов, не всем были по карману. Для обеспеченных, богатых они служили (да и сейчас продолжают служить) демонстрацией достатка, подчеркиванием различий, места в общественной иерархии, становятся формой соперничества. Но даже те, кому это не совсем или совсем не по карману стремились и стремятся накрыть праздничный стол, чтобы хоть на время почувствовать отсутствие грани между ними и «богатыми мира сего»: всех как бы объединяет праздничный стол. Поэтому, как правило, многие народные праздники совпадают по времени с накоплением благ, в особенности пищи, а ритуал призван освящать такое обилие, которое в религиозных верованиях всегда трактовалось как проявление милости сверхъестественных сил – милости, за которую люди обязаны публично благодарить эти силы.

В процессе празднования общими усилиями воссоздается утрачиваемая в обычные дни гармония и мир, происходит соединение не только живых, но осязаемой становится связь с умершими и еще не родившимися членами сообщества. Так человек в празднике оказывается точкой пересечения будущего и прошлого, средоточием опыта и мудрости праотцев и той жизненной энергии, которая является причиной рождения потомков и прогресса в его положительном смысле. Это во многом объясняет тот факт, что все большие праздники сопровождалось разного рода гаданиями, как возможностью заглянуть в будущее, предугадать судьбу, а также посещением могил, поминовением усопших, как данью уважения и благодарности предкам, прошлому.

Крупные события и даты традиционного календаря праздновались как бы в трех измерениях. Собирались и отмечали праздник дома (демонстрируя сплочение семьи, рода; подчеркивая родство по крови), обязательно в церкви (родство по вере, приобщение к серьезной и высокой духовности), на площади (единение социума, легализация и высвобождение естественного, природного в человеке). Как видим, все три части направлены на осуществление древнейшей философии праздника – объединение в общем устремлении, преображение себя и мира, приобщение к непреходящим ценностям.

Праздник может возникнуть только там, где существуют постоянные культурные связи между людьми; совместное празднование, в свою очередь, эти связи необычайно

укрепляет. В прошлом участие в религиозных праздниках было запрещено людям чужой веры, религиозные таинства для народных масс придавали этим праздникам особый смысл. Участие в празднике входило в комплекс обязанностей, вытекающих из общности личности и народа, и потому часто принимало и до настоящего времени принимает форму долга перед сообществом – религиозного, патриотического, национального, гражданского, классового или политического, а также профессионального, корпоративного, семейного.

Личность, уклоняющаяся от выполнения долга, подвергается религиозным, юридическим, традиционным санкциям. Индивидуум, принадлежащий к группе единоверцев и не отмечающий ее праздников, обвиняется в отступничестве от принципов веры; гражданин, игнорирующий праздник своего государства, может быть осужден за отсутствие лояльности к нему и его идеалам; член корпорации, уклоняющийся от обязанности общего профессионального праздника, подлежит осуждению в своем кругу. Аналогично член семьи, уклоняющийся от участия в семейном празднике, осуждается за пренебрежение семьей и добрыми обычаями.

В сознании самой нации праздник может стать ценностью, подтверждающей ее культурную тождественность, оригинальность, приверженность традициям, наследию, доказательством обладания собственными национальными, этническими, региональными художественными образцами, достижениями искусства, обнаруживающими себя именно в праздничной форме.

Помимо всего перечисленного, праздник для празднующего сообщества и его членов означает также время эмоционального подъема, особого праздничного настроения. Многие аспекты и функции праздника, актуализируемые и становящиеся доступными во время празднования, целая гамма событий, каждое из которых может оказаться для человека источником удовлетворения, привлечь его внимание так же, как неповторимое настроение праздника, его атмосфера, красочность и динамизм, – все это способствует тому, что в этот период личность обретает возможность гораздо более полной жизни, чем в будни. Праздник для личности сочетается также с расширением ее привычных прав, временным отходом от повседневных норм поведения, даже в таких сферах, которые обычно связаны со строгими запретами (как, например, в сексуальном поведении). Последнее в особенности касается праздников в русле традиции культа плодородия и эротических культов, оставивших прочные следы во многих культурах.

Часто праздник сочетается с характерными формами развлечений, дающих личности возможность разрядки, позволяющих участвовать во всеобщности праздничного смеха, воздействующих на него очищающим образом. Перенос человека в атмосферу игры, свободы выбора, российские городские праздники прошлого, например, давали эту возможность. Массовое гуляние со всеми его развлечениями дарило каждому, вступившему в его магический круг, столь необходимое праздничное настроение и потрясение. Хорошо известно, что потрясение – важнейшая потребность человека, как и переключение его из серьезной сферы жизни в смеховую. Обилие испытанных сильнодействующих комических приемов и эффектов способствовало проявлению здоровой эмоциональности, знание же вкусового спроса посетителей вело к удовлетворению эстетических потребностей.

Возможно, постоянство, устойчивость праздников связаны, прежде всего, с тем, что, концентрируя из поколения в поколение культурную активность людей, обрастая обрядами, развлечениями, декорациями, создавая атмосферу радости и подъема, прерывая обыденный ритм труда и забот, праздник отвечает столь многим коллективным и индивидуальным запросам, что потребность в его проведении оказывается более устойчивой, чем первоначальная идея, ценность или совокупность ценностей, вызвавших его к жизни.

Действительно, для вовлеченных в него людей праздник может служить мощным стимулом к творчеству, к активному участию в его художественном оформлении, в придании ему блеска, к созданию произведений пластических видов искусства, литературы, музыки, органически связанных с праздником. История искусства знает огромное количество таких творцов и их произведений – от скромных, безвестных до общепризнанных гениальных художников. Чего стоят работы Леонардо да Винчи, сделанные по заказу знатных вельмож, для проведения того или иного праздника. Способность праздника вдохновлять людей на творчество, пробуждать творческие возможности личности – это проявление его общественной жизненности.

Эстетическая составляющая праздника: чувственно-эмоциональная насыщенность содержания, выразительность, алогизм, экспрессивность, зрелищность, элементы карнавальности, театрализация – все эти качества роднят праздник с искусством, но не отождествляют с ним. Психологический механизм воздействия праздника на личность близок к катартическому воздействию искусства, так как праздник может быть некоей пограничной зоной между реальной действительностью и произведением искусства.

Праздник – это зачастую еще и своеобразная концентрация духовной, религиозной активности человека, специфический момент, в котором культовые потребности находят полное удовлетворение, так как от культового действия верующий ожидает разрешения своей проблемы, ведь в культе не бывает безвыходных ситуаций. Литургийный обряд – будь то заклание животных, или участие в торжественном шествии, или сакральная трапеза – внушает верующему, что такое решение существует в иной, сверхчеловеческой сфере, к которой он взывает. Сверхъестественные силы в любую минуту готовы разрешить проблемы человека, превратить его страдание в радость, а смерть – в воскресение. В любом случае исход для истинно верующего всегда предрешен и всегда счастливый.

Таким образом, праздник связан с ценностью высшего порядка, которая является святыней для празднующих. Сакральность, как и праздник, всегда несет в себе некую противопоставленность бытовым нормам массового поведения, широко существующим на практическом уровне.

Поэтому, чем глубже вера в ценности, которым посвящен праздник, тем глубже он воспринимается человеком, тем сильнее положительное влияние праздника на личность; в религиозной жизни такое переживание может доходить до экстаза, до самозабвения, выражаться в радостном возбуждении или покаянном самоуничижении. Утрата интереса к празднику – это утрата личностью лежащих в его основе ценностей. Когда эти ценности для человека безразличны, когда он лишь декларирует или даже симулирует их принятие, чтобы не подвергнуться санкциям со стороны своего окружения, вряд ли можно ожидать, что праздничные переживания будут для него чем-то глубоким и существенным.

Отход от какого-то вида праздника может быть следствием перемен в мировоззрении человека: порывая, например, с религиозным праздником, он в то же время может активно включиться в празднование государственных или национальных годовщин. Как правило, те же самые факторы, которые определяют место личности в общественной структуре, в основном влияют и на его отношение к празднику. Для человека, занимающегося тяжелым физическим трудом, связанным с природным и производственным циклами, праздник есть нечто естественное – это отдых, как правило, желанный, обильное потребление продуктов, редких или недоступных в обыденное время, усиление межличностных и культурных контактов, развлечения и забавы, для которых в рабочие дни у человека просто нет времени. Для людей, ведущих праздный образ жизни, а также для высокообразованных интеллектуалов праздник всегда выполнял иные функции: он становится возможностью отдать дань традиции, поводом для удовлетворения престижных устремлений, для развлечений, банкетов и визитов.

Понимание праздника как исключительного отдыха, необходимого для восстановления душевных и физических сил человека, позволяет говорить о том, что праздник – это пространство для духовного и эстетического развития личности, для ее эмоциональной разрядки.

Достижению всех вышеописанных целей и задач праздника служит его семиосфера (термин Ю. М. Лотмана), то есть сфера знаковой деятельности праздника, а также ее трансляция и трансформация в культурогенезе. С праздником как фазой культурной жизни связаны культурные явления, в принципе не имеющие места вне праздника. Создавая образ идеального общественного состояния, высокого духовного порядка будущего, праздник использует все знаки культуры той или иной эпохи и общества: символы, обряды, ритуалы, церемонии, нормы общения, нормы публичной жизни, привычки и традиции, лексику (например, словесные формулы), жесты, изделия народных промыслов, игры, вещи, а также умение оперировать праздничными символами, праздничные магические действия, гадание, игры и забавы. Здесь имеется в виду целый комплекс элементов, составляющих внешний антураж праздника и несущих, каждый в отдельности и все вместе, определенную семантическую нагрузку.

В культурном отношении знаковый арсенал праздников постоянно пополняется; песни, стихи, рассказы, пляски, предсказания, игры и развлечения с использованием элементов природы придают им характер символа, метафоры, наполняют мистическим, но вместе с тем и эстетическим значением; создается традиция, и она в свою очередь становится ценным достоянием, которое группа хранит, культивирует и передает последующему поколению. Об этом, в свое время, замечательно писал М. М. Бахтин: «Язык образов обогащался новыми оттенками значений и уточнялся. Благодаря этому народно-праздничные образы могли стать могущественным орудием художественного овладения действительностью, могли стать основой подлинного широкого и глубокого реализма. Народные образы эти помогают овладеть не натуралистическим, мгновенным, пустым, бессмысленным и распыленным образом действительности, – но самим процессом ее становления, смыслом и направлением этого процесса. Отсюда глубочайший универсализм и трезвый оптимизм народно-праздничной системы образов» [2].

В контексте праздника, особенно в его ритуальных моментах, все преобразуется, любая утилитарность оборачивается культурой: «...каждое действие, слово, предмет, часть пространства приобретают второй смысл, резко отличный от обычного. Иными становятся и правила их сочетания, и принципы их использования» [1]. Продолжительность и всенародный характер празднования требовали от всех активного участия в общем веселье. Праздничное поведение предусматривало прием и хождение в гости, обильную еду и питье, совместное исполнение песен, коллективные игры и развлечения.

Именно с праздником связана особая сторона материальной культуры, куда входят костюмы, украшения, декорации, кухня, специальные временные сооружения и снаряжения, символы. Обязательным считалось преображение людей и обстановки. В России из сундуков вытаскивались лучшие, нарядные одежды, снаружи и внутри украшались дома, выезжали в расписных санях, устланных коврами и яркими тканями дорожками, лошади и дуги обвешивались колокольчиками и лентами. На Троицу, например, девушки в праздничных нарядах и с венками на головах украшали березку цветными ленточками и водили на лугу под песни сложные живописные хороводы необыкновенной красоты.

Со временем некоторые из праздников утрачивают первоначальный смысл, например, связь с культом, приобретают светский характер, игра и забава, сопутствующие им, как правило, не превращаются в центральный элемент, то есть такой элемент, который придает смысл самому празднику. В забавной, комической, сатирической форме, также часто берущей начало в культе, выражаются идеи праздника, идеи, важные для праз-

днующего сообщества. Забава, игра, состязание имеют, наконец, цель придать блеск праздничному дню, сделать его привлекательным, сообщить участникам состояние радостного возбуждения.

В то же время, превращение праздника лишь в фольклорное зрелище может быть связано с утратой его смысла в общественном сознании, что может привести к десемантизации праздника. К тому же, то, что в одной ментальной системе несло одну семантическую нагрузку, в другой системе может обратиться в свою противоположность. Выявить первоначальный смысл праздника позволяет иногда исследование, проведенное по правилам семиотики. С помощью семиотического анализа жестов, нарядов, обрядов и т. п. учеными неоднократно делались попытки реконструировать генетическую основу праздника. Подобная практика характерна для последователей структурно-семиотических методов.

Праздники не просто сохраняют прошлые этапы развития культуры в новых условиях, они препятствуют окостенению наличной, современной культуры – тренируется сама способность к мобильному и неоднозначному, объемному видению мира; праздники кочат из одних национальных культур в другие, меняя семантику. Поэтому полноценное знание и понимание праздника невозможно без изучения его истоков.

Совершенно очевидно, что культура не возрождается сама, мир человеческих ценностей должен возобновляться и перестраиваться постоянными усилиями людей. Поэтому важны механизмы, которые служат этому обновлению, осознанию ценностей, напоминанию о них, интеграции вокруг них членов сообщества посредством коллективного действия. В прошлом праздник был одним из главных источников творчества, двигателем развития культуры. Будний день, даже при наилучшей его организации, вряд ли может вполне заменить эту творческую функцию праздника. Отмирание праздника в обществе обедняет значительную часть той почвы, на которой тысячелетиями расцветала культура. Наконец, с точки зрения развития личности, опыт участия в празднике является чем-то уникальным, неповторимым. Пока ничто в человеческой истории не говорит в пользу того, что человек перестал или перестанет ощущать потребность в том промежуточном состоянии между реальной и идеальной действительностью, причастностью к сакральному, которое всегда несет в себе праздник.

Литература

1. Байбурин А. К. Коды обряда и их взаимодействие // Фольклор: Проблемы сохранения, изучения, пропаганды. – М., 1988. – С. 139.
2. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. – М.: Худож. лит., 1965. – С. 229.
3. Беккер Г. Современная теория священного и светского и ее развитие // Современная социологическая теория в ее преемственности и изменении. – М., 1961.
4. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения. – М., 1990.
5. Гумилев Л. От Руси к России. – М., 1992
6. Домострой. – М., 1990.
7. Иванов Вяч. О веселом ремесле и умном веселии // Декоративное искусство СССР. – 1990. – № 6.
8. Некрылова А. Ф. Традиции русской культуры в массовых народных праздниках // Традиционная народная культура / МК РФ; ГИВЦ. – М., 1995. – С. 32–67.
9. Панченко А. М. Русская культура в канун Петровских реформ. – Л., 1984. – С. 54.
10. Поспелов Глеб. Искусство городских низов // Декоративное искусство СССР. – 1990. – № 11. – С. 31.
11. Пропп В. Я. Русские аграрные праздники. – СПб., 1995.
12. Соколова З. На просторах Сибири. – М., 1981. – С. 71–72.

В. В. Туев
*доктор педагогических наук, профессор,
зав. кафедрой социально-культурной деятельности
Кемеровский государственный университет культуры и искусств*

КЛУБНЫЕ ДОСУГИ А. С. ПУШКИНА

*Он играл в наши игры...
Д. С. Лихачев об А. С. Пушкине*

Д. С. Лихачев в своих «Заметках о русском», которые он еще назвал «негромкой полемикой», в заметке «Национальный идеал и национальная действительность» писал, что **идеалом** русского человека для Достоевского был Пушкин. Об этом он твердо и ясно заявил в своей знаменитой речи о Пушкине. Для Достоевского русский человек прежде всего “всеевропеец” – человек, для которого родная и близкая вся европейская культура. Следовательно, русский для Достоевского – человек высокого интеллекта, высоких духовных запросов, приемлющий все европейские культуры, всю историю Европы и вовсе внутренне не противоречивый и не такой уж загадочный» [1, с. 35].

Сам Дмитрий Сергеевич в 1938 г. поступил на работу в Институт русской литературы («Пушкинский дом») и с 1954 г. до конца дней своих возглавлял в нем сектор древнерусской литературы. Естественно, работая в «Доме Пушкина», он, как ему было свойственно, глубоко профессионально занимался пушкиноведением. Его перу принадлежит множество статей и специальных работ, посвященных А. С. Пушкину [11]. И во многих из них прослеживается и доказывается его тезис о «всеевропейской русскости» А. С. Пушкина.

В изумительно метафорической своей заметке «Пушкин», вошедшей в его цикл «Русская классическая литература», Д. С. Лихачев отмечает «обыкновенность» Пушкина-человека среди обыденности других людей, он хотел быть «как все», и (вот она метафора!) «он играл в наши игры, чтобы его поэзия приобрела подлинное обаяние возвышенности» [2, с. 387].

«Он играл в наши игры...»! Это то, что сам Пушкин называл «общежительностью», которую он считал искони присущей российскому народу и которая была органичным свойством лучших представителей российской интеллигенции.

Социокоммуникативная тенденция всегда доминировала в литературной, педагогической, художественно-творческой и досуговой деятельности российских институтов и деятелей культуры. Когда мы говорим о том, что общечеловеческий язык гуманитарной культуры, на котором говорили Пушкин и Шекспир, Бетховен и Чайковский, «не только близок и понятен всем, но, главное, способен объединить человечество... расширить горизонты общения не только внутри страны, но и с остальным миром, мировым сообществом» [3, с. 23], мы при этом должны иметь в виду и реальный социопедагогический вклад живой и животворной культуры прошлого, подвижнической деятельности российских интеллигентов прошлых лет в формирование отечественной культурной среды, в развитие в ней традиций конструктивного общения и согласия.

В этом смысле показателен интерес выдающихся деятелей российской культуры Н. М. Карамзина, А. С. Грибоедова, А. С. Пушкина, И. А. Крылова, Е. А. Баратынского, П. Я. Чаадаева, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, Н. А. Некрасова, И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского к клубным формам общения и к самому институту клуба как эффективному средству коммуникативной интеграции людей в досуговом про-

странстве. Примечательно, что почти все вышеназванные деятели российской культуры были, как правило, членами столичных клубов. Многие из них часто посещали клубы и оставили впечатления от клубных встреч в своих дневниковых записях. Наконец, тема клуба и клубного общения органично вплетена в сюжетную ткань их литературных произведений. Конечно, индивидуальное членство в аристократическом клубе было символом чести и престижа для российского дворянина, посещение клуба – модной формой элитарного досуга, занятным способом праздного времяпрепровождения, надежным гарантом доступности таких острых стимулов для мужского общения, как азартные игры, пикантные разговоры, клубные обеды и ужины. Однако, мы полагаем, мотивация интереса к клубу у российских интеллигентов имела и другие аспекты. Как известно, девизом первого российского клуба – Санкт-Петербургского Английского собрания было «Согласие и веселие», и если вторая часть девиза обозначала форму клубного бытия, то первая декларировала и цель, и средство клубного общения, что отмечалось и в уставах столичных клубов. Эта изначальная консолидационная установка, провозглашавшаяся клубами, несомненно, привлекала к ним творческую интеллигенцию. В свою очередь, клубная среда, вбирая в себя лучших представителей российской культуры, прирастала их духовностью и талантом. Это взаимоотяготение друг к другу клубной среды и неординарной личности отмечали многие из тех, кто бывал в клубах или писал о них. Заметим, правда, что реальная атмосфера клубного общения не всегда и не для всех была комфортной и часто не совпадала с потенциальными ожиданиями интеллектуальных клубменов.

Нами была предпринята попытка исследовать социопедагогический, культуроформирующий, средоинтегрирующий аспект деятельности российских клубов в контексте и через призму клубной жизни выдающихся деятелей российской культуры, попутно воспроизводя саму историю их клубной жизни. Это было необходимо сделать, потому что персоналии такого личностного уровня содержат и уникальные материалы по истории клуба, не имеющиеся в собственно клубной документалистике. Это имело смысл сделать и потому, что клубная жизнь российских духовных лидеров представляет самостоятельный научный интерес, а ее сопряжение с культурной жизнью России в целом позволяет получить качественно новые оценки российских клубов XIX века как самобытных социокоммуникативных центров культуры. В то же время выполнить эту задачу было крайне сложно, так как приходилось выискивать и кумулировать разрозненные факты из разнообразных источников, чаще всего не имеющих прямого отношения к клубной проблематике. Многие из результатов этой кумулятивной работы было введено нами в научную литературу впервые.

Наши исследования показали, что сведения клубного характера в интересовавших нас персоналиях скупы и поверхностны, клубные аспекты биографий и творчества великих деятелей российской культуры, как правило, не являлись предметом специальных исследований. Тем не менее, нам удалось найти материалы, свидетельствующие о том, что выдающиеся русские интеллигенты в своем творчестве характеризовали клуб как заметное явление российской культуры и определенным образом реагировали на него.

Как известно, членами Санкт-Петербургского Английского собрания были многие известные русские писатели. В 1870 г. юбиляры выпустили красочное мемориальное издание, названное ими «Столетие Санкт-Петербургского Английского собрания. 1770–1870». В нем авторы издания поместили список всех членов клуба за 100 лет его существования, в котором фамилии первых российских клубменов были размещены построчно и в строгом хронологическо-алфавитном порядке. Мы сделали небольшую выборку из этого длинного списка (по нашим подсчетам – 3 311 фамилий). В выборке – видные литераторы России XIX века (табл. 1).

**Видные литераторы России в юбилейном списке членов СПбАС
(выборка автора)^{2*}**

Номер строки	Год вступления	Фамилия, имя, отчество	Год выбытия
1478	1817	Крылов Иван Андреевич	1844
1510	1818	Гнедич Николай Иванович	1833
1649	1822	Жуковский Василий Андреевич	1827
1680	1823	Греч Николай Иванович	1841
1729	1824	Карамзин Николай Михайлович	1825
2044	1832	Пушкин Александр Сергеевич	1837
2675	1854	Некрасов Николай Алексеевич	

В юбилейном списке членов Санкт-Петербургского Английского собрания на 2044-й строке стоит имя Александра Сергеевича Пушкина. Год вступления в клуб – 1832-й. Год выбытия из клуба – 1837-й [4, с. 111]. А. С. Пушкин был членом трех клубов: кроме Санкт-Петербургского Английского собрания, он состоял также членом Московского Английского клуба и Российского Благородного собрания в Москве.

Подробнее о его членстве в этих клубах и отношении к ним – в наших публикациях «Пушкинская строка в клубной летописи» [5] и «Три клуба Пушкина» [6]. В настоящей статье укажем, что на основании изученных нами архивных документов установлены точные даты вступления А. С. Пушкина в оба московских клуба.

Документальные источники, свидетельствующие о дате вступления А. С. Пушкина в Российское Благородное Собрание и Московский Английский клуб, хранятся в Центральном государственном архиве истории Москвы (ЦГАИМ). Первый из них – «Книга алфавитная для записи членов Российского Благородного собрания – мужчин за 1814–1827 годы» объемом 129 крупноформатных листов [7, л. 83 об.]. В ней на обороте 83-го листа, на самой последней строке, запись: «Пушкин Александр Сергеевич» и указан год вступления – 1827. Исследователь этого аспекта жизни А. С. Пушкина С. В. Шумихин в публикации «А. С. Пушкин в Российском Благородном собрании в Москве» устанавливает почти точную дату вступления Пушкина в собрание: «К первым числам февраля этого года (1827. – В. Т.) относится и вступление Пушкина в число постоянных членов Российского Благородного собрания. Дату вступления поэта в собрание можно установить в достаточно узких хронологических рамках: это произошло между 8 февраля 1827 г., когда он присутствовал на маскараде еще в качестве посетителя, и 12 февраля того же года – крайним сроком для получения годовых билетов.

Данное указание на членство А. С. Пушкина в Российском Благородном собрании относится к числу бесспорных, так как здесь ясно указаны имя и отчество Пушкина. До настоящего времени (статья опубликована в 1988 г. – В. Т.) этот факт не находил отражения в биографии поэта...» [8, с. 60].

^{2*} Выборка сделана по источнику 4.

Второй источник – «Книга для членов-кавалеров мужчин на 1831 год» (тоже о членах РБС). На последнем, 7-м листе книги запись: «Всего членов-кавалеров в 1831 году сто тридцать шесть». На 63 строке четвертого листа запись: «Александр Сергеевич Пушкин». А в «Книге для записи дам и девиц-членов собрания на 1830 г.» на правом листе, где по традиции записывались незамужние женщины, есть запись о вступлении в Российское Благородное собрание Натальи Николаевны Гончаровой вместе с двумя своими сестрами. С. В. Шумихин так комментирует эти записи: «В 1830 г. Н. Н. Гончарова вступила в члены Российского Благородного собрания... К декабрю 1830 г. относится и вторичное вступление (выделено нами. – В. Т.) самого А. С. Пушкина в число членов Российского Благородного собрания. Вероятно, это было сделано не без мысли произвести благоприятное впечатление на свою тещу Н. Н. Гончарову, которая очень щепетильно и с большим предубеждением относилась ко всему, что касалось положения ее зятя в обществе. Пушкин вступил в члены Российского Благородного собрания в 1830 г. под № 63, т. е. в числе первых десятков вступающих, в отличие от своего вступления в Российское Благородное собрание в 1827 г., когда оно состоялось за несколько дней до последнего срока приема. Таким образом, молодожены Пушкины с самого начала своей семейной жизни стали членами учреждения, почти обязательная принадлежность к которому составляла одну из отличительных черт московской знати» [8, с. 64, 66].

Членом Московского Английского клуба А. С. Пушкин стал, видимо, 20 марта 1829 года. Об этом можно судить из письма дяди Пушкина, Василия Львовича, поэту П. А. Вяземскому. 21 марта 1829 г. В. Л. Пушкин пишет ему из Москвы: «Александр Пушкин здесь... Вчера он избран в члены пресловутого нашего Аглинского клуба». В письме от 26 марта В. Л. Пушкин сообщает тому же адресату, что «Баратынский также попал в члены Аглинского клуба» [9, л. 161–162 об., 163].

В письмах, дневниках, воспоминаниях родных и друзей, знакомых и просто современников поэта немало интересных фактов из «клубной» биографии поэта. Они свидетельствуют о сложных и противоречивых отношениях А. С. Пушкина с клубом и клубной средой. С одной стороны, велико было благотворное влияние личности поэта на клубную среду, особенно на молодых ее представителей. «Он здесь в кругу шумном и веселом молодежи», – с восторгом сообщал своему брату о встречах с Пушкиным в Московском Английском клубе его петербургский знакомый Н. А. Муханов [10, с. 261]. В своих воспоминаниях Т. П. Пассек тоже отмечала пиетет, с которым встречали Пушкина в Благородном собрании: «Мы были на хорах, внизу многочисленное общество. Вдруг среди него сделалось особого рода движение. В залу вошли два молодых человека, один – высокий блондин, другой – среднего роста брюнет, с черными курчавыми волосами и резко выразительным лицом. Смотрите, сказали нам, блондин – Баратынский, брюнет – Пушкин. Они шли рядом. Им уступали дорогу» [11, с. 221].

Смелые замечания и остроумные реплики А. С. Пушкина в клубных беседах быстро становились известны в обществе. В письме поэта К. М. Языкова своему брату А. М. Языкову (оба – хорошие знакомые А. С. Пушкина) с восхищением пересказывалась острота Пушкина в Московском Английском клубе. Широко известный тогда в России поэт-баснописец И. И. Дмитриев в одной из клубных бесед заметил, что «ничего не может быть страннее самого названия “Московский Английский клуб”». Случившийся тут же Пушкин, смеясь, сказал ему на это, что у нас есть названия более странные. “Какие же?” – спросил Дмитриев. “А императорское человеколюбивое общество?” – отвечал поэт» [12, с. 536].

С другой стороны, праздная, пустословная, амбициозная среда столичных клубов тяготила поэта: «Московский Английский клуб есть место прелюбопытное для наблюдателя, – писал в своих воспоминаниях один из его частых гостей Ф. Ф. Вигель, которого хорошо знал и ценил за талант рассказчика А. С. Пушкин. – Он есть представитель

большой части московского общества, вкратце верное его изображение, его эссенция... Почти все они (члены клуба. – В. Т.) люди достаточные, старые или молодые помещики, живущие в независимости, в беспечности, в бездействии... Член Московского Английского клуба! О, это существо совсем особого рода, не имеющее подобного ни в России, ни в других землях! Главную, отличительной чертой его характера есть уверенность в своем всеведении.

Он с важностью будет рассуждать о предметах вовсе ему чуждых, незнакомых, без опасения выказать свое невежество... Да не подумают, однако же, что в клубе не было ни одного человека с примечательным умом. Напротив, их было довольно, но они посещали его реже и говорили мало» [13, с. 126–127].

К их числу принадлежал и А.С. Пушкин, который изредка посещал Московский Английский клуб в период 1827–1833 годов.

А. Я. Булгаков в письме своему брату К. Я. Булгакову из Москвы 29 марта 1827 года: «Вчера в клубе читал громко Вяземский, а Иван Иванович Дмитриев и Пушкин Александр смеялись, делая критические замечания». А чуть раньше в письме от 17 марта А. Я. Булгаков сообщал брату: «Не знаю, писал ли я тебе о странной ссоре, бывшей в клубе? Некто Щукин подает мнение, чтобы члены имели право не платить за целый ужин, а требовать только одного такого-то и платить за одну только порцию. Против его восстало общество... и теперь два профессора (Давыдов и Каченовский. – В. Т.), бывшие друзья, поссорились за порцию кушанья. Этот вздорный спор вооружает одну часть Английского клуба против другой, как важное какое-нибудь дело, и вчера еще был большой шум, а в субботу станут баллотировать вздор этот, и я тебя этим вздором потчую, не имея ничего лучшего писать». А уже 22 марта А. Я. Булгаков поведал брату о дальнейшем развитии событий: «Спор в клубе кончился, и не в твою пользу: ужин остался по-прежнему, порции одного требовать нельзя, кроме бутерброда, размазни и жаркого». Привели мы эту историю о «порции кушанья» в переписке братьев Булгаковых не случайно. В примечании к этим письмам Петра Ивановича Бартенева, редактора журнала «Русский архив», где они опубликованы [14, с. 25–27], знатока, чуткого ценителя и собирателя пушкинианы, совершенно неожиданно вместо привычного редакторского комментария этого булгаковского письма, стоит... куплет из чернового варианта «Евгения Онегина»:

В палатах Английского клуба
(Народных заседаний проба)
Безмолвно в думу погружен,
О кашах пренья слышит он [15, с. 468].

В таком контексте становятся ясны истоки этого широко известного и часто цитируемого куплета из «Путешествия Онегина» (в современной редакции первая строка печатается «В палате английского клуба...»), не вошедшего в основной текст поэмы «Евгений Онегин».

Мы знаем, что в 1827 году Пушкин еще не был членом Московского Английского клуба, но посещал его как гость. Как видно из писем Булгакова, одно из его посещений (а может быть, и не одно) пришлось как раз на самый разгар этого «вздорного спора». Под впечатлением его, возможно, и появился готовившийся поэтом в то время первоначальный вариант восьмой главы «Онегина».

Многое можно прочесть за строками даже одного этого пушкинского куплета. «“В палате Английского клуба” – ироническая характеристика членов Московского Английского клуба, в котором консервативная дворянская фронда видела нечто вроде английской палаты лордов», – пишет Н. Л. Бродский в комментарии к роману [16, с. 183].

Интересно, что такое же сравнение мы находим в книге Э. Уилсона «Мир Чарльза Диккенса». Говоря о публичных дебатах в английском парламенте, «состоящих наполови-

ну из партийной пропаганды, наполовину из школярского зубоскальства», Уилсон столь же иронично замечает: «Не зря говорят, что Палата Общин – первый клуб Лондона». А. С. Пушкин тоже имеет в виду конкретных лиц, когда пишет:

Безмолвно в думу погружен
О кашах пренья слышит он.

Он – это Евгений Онегин, вернувшийся в «спесивую суету» Москвы после длительного путешествия. Он – это и сам Пушкин. Обстановка клубного безделья и пустословие угнетали его. Когда в июле 1830 года, узнав о революционных событиях во Франции, он «пришел в клуб, чтобы поделиться новостями, то в это время Английский клуб решил, что князь Дмитрий Голицын был неправ, издав ордонанс о запрещении игры в экарте» («ордонанс» в переводе с французского – официальное распоряжение, указ; «экарте» – название картежной игры. – В. Т.). Сообщая о таких актуальных «политических суждениях» членов Английского клуба, Пушкин с возмущением восклицает: «И среди этих-то орангутангов я осужден жить в самое интересное время нашего века!» [17, с. 415].

Как перекликается эта пушкинская характеристика «исправных членов клуба» с грибоедовским сарказмом в адрес Фамусова, который «все Английского клуба старинный, верный член до гроба», Репетилова, который на вопрос Чацкого, чего это они беснуются по ночам в Английском клубе, с наивной гордостью отвечает: «Шумим, братец, шумим»!

В. А. Гиляровский, оценивая среду Английского клуба, писал: «Это был клуб Фамусовых, Скалозубов, Загорецких, Репетиловых, Тугоуховских и Чацких» (подчеркнуто нами. – В. Т.) [17, с. 156].

Обнаружив в извлечениях из «Журналов старшин клуба» запись о том, что предложенный в 1815 г. из кандидатов в члены «г-н Чацкий по баллотированию не избран, вновь перебаллотирован и тоже не избран», В. А. Гиляровский так комментирует этот факт: «Забаллотировали в Английский клуб – это событие: о нем говорила вся барская Москва. Кто такой Чатский – и почему он не избран? Но хочется предположить, что есть что-то общее с “Горе от ума”. По крайней мере, фамилия Чатский – это Чацкий. И является вопрос – за что могли не избрать в члены клуба кандидата, т. е. лицо уже бывшее в клубе около года до баллотирования из кандидатов в члены? Вернее всего, что за неподходящие к тому времени взгляды, которые высказывались г-м Чатским в “говорильне” (кофейная комната в Московском Английском клубе, в которой «либералы того времени читали запрещенные стихи и громили действия правительства и жизнь крепостного права, за дерзкие разговоры в ней звалась также “умной”, а иногда и “чернокнижной” комнатой)» [18, с. 9].

Гиляровский относит ее «чернокнижность» к временам Пушкина и Чаадаева, он заканчивает свои аргументы таким выводом: «Те речи и монологи Чацкого, которые мы читаем в “Горе от ума”, конечно, при свободе слова в “говорильне” могли им произноситься, как кандидатом в члены, но при баллотировании в действительные члены его выбрать уже никак не могли и рады были избавиться от такого “якобинца”. “Фамусовы”, конечно, Чацкого не выберут. Это мои предположения, но я глубоко уверен, что Чатский, забаллотированный в 1815 году, и Чацкий Грибоедова, окончившего пьесу в 1822 году, несомненно, имеют общее. Во всяком случае писатель вспомнил почему-то такую редкую фамилию» [18, с. 9].

Возможно, не оставил это событие без внимания и Николай Михайлович Карамзин. Видный русский писатель и историк в своей «Записке о московских достопамятностях» (1817) заметил о членах Московского Английского клуба: «У них есть какие-то неизменные правила, но все в пользу самодержавия. – Якобинца выгнали бы из Английского клуба. Чатского (или Чацкого ?!) “выгнали?!”» [19, с. 304].

Мы исследовали также клубную лексику в произведениях А. С. Пушкина. Четырехтомный академический словарь языка Пушкина насчитывает 21 197 слов и 544 777 случаев их употреблений. Это, как указывается в словаре, без ссылочных, без текстов, не вошедших в основную часть полного собрания сочинений Пушкина (М.: АН СССР, 1937–1949), без текстов, написанных Пушкиным на иностранных (преимущественно на французском) языках. Есть в языке Пушкина и слово «клуб». Составители словаря под общей редакцией академика В. В. Виноградова нашли в текстах поэта 29 употреблений этого слова и цитируют текстуально все эти 29 случаев [20, с. 397]. Простейший контент-анализ дает нам такую дополнительную информацию.

Слово «клуб» встречается в самых различных по жанру текстах Пушкина: и в романе в стихах «Евгений Онегин» (7-я глава), и в статье «Путешествие из Москвы в Петербург», и в его дневнике, и, конечно, в письмах. Пушкин употребляет два в то время бытовавших на равных варианта этой лексической единицы: «клуб» (7 случаев) и «клуб» (22 случая). За исключением двух случаев, период употребления слова «клуб» 1929–1936 годы. В одном из этих случаев Пушкин в письме А. А. Бестужеву из Михайловского в конце января 1825 года, положительно оценивая «Горе от ума» А. С. Грибоедова, в числе слагаемых поэмы, характеризующих «черты истинно комического гения», называет «рассказ Репетилова о клубе». Другим исключением является 45-я строфа 7-й главы (закончена поэтом в ноябре 1828 г.) «Евгения Онегина»: Татьяна, прибыв в Москву и разъезжая «по родственным обедам», узнает, что в жизни ее родных «не видно перемены, все в них на старый образец», что

...У Пелагеи Николаевны
Все тот же друг мосье Финмуш,
И тот же шпиц, и тот же муж;
А он, все клуба член исправный,
Все так же смирен, так же глух,
И так же ест и пьет за двух [21, с. 191].

Все письма Пушкина, где есть упоминание о клубе (будем в дальнейшем для сокращения называть их «клубными»), имеют дату отправления не раньше чем 1 июня 1831 года. Исключение составляют письмо С. Д. Киселеву от 15 ноября 1829 года, в котором искомое слово появляется лишь на адресе: «Его высочородию Сергею Дмитриевичу Киселеву. В Москве, в Английском клубе», и два письма П. А. Вяземскому. В одном, от 16 марта 1830 года, Пушкин обещает ему «передать свои наблюдения о духе Московского Клуба», а в другом, написанном чуть позднее, уже сообщает первые клубные новости. Все остальные «клубные письма» отправлены в период 1831–1836 годов, и... 14 из них, большинство, адресованы Наталье Николаевне Пушкиной. Изучение «клубных аспектов» этих писем (на большее автор не претендует) говорит о том, что добрых воспоминаний клуб у поэта не оставил. В письме к жене из Москвы 27 августа 1833 года он горько шутит: «В клубе я не был – чуть ли я не исключен, ибо позабыл возобновить свой билет. Надобно будет заплатить 300 рублей штрафа, а я весь Английский клуб готов продать за 200».

И все же добровольное его затворничество в клубе продолжается. И письма его жене, и постоянные, почти однообразные сообщения в них о «клубных досугах» Пушкина – это и конкретные свидетельства такой формы затворничества, и своеобразные символы веры и верности для супругов Пушкиных. Ведь и Санкт-Петербургский, и Московский Английские клубы были мужскими клубами, дамы в них, как правило, не допускались, и все вечера, а то и дни членов клуба проходили в обедах и ужинах, чтениях и читках, разговорах и играх, почти полностью убивавших все свободное время мужчин. Потому-то посещение клуба и пребывание в нем уже в какой-то мере служило

для мужчины гарантом его в известном смысле добропорядочности. Не будем делать никаких далеко идущих выводов или обывательских намеков, вчитываясь в интимные письма поэта. И так наш брат исследователь слишком уж много замечает деревьев в открытом для него пушкинском заповеднике. Но ведь красноречивы сами по себе эти то ли отчеты, то ли признания поэта:

Н. Н. Пушкиной. 10 декабря 1831 г., Москва: «Что скажу тебе о Москве? Москва еще пляшет, но я на балах еще не был. Вчера обедал в Английском клубе...» [22, с. 246].

Н. Н. Пушкиной. Около 5 мая 1834 г., Петербург: «Что тебе сказать о себе: жизнь моя очень однообразна. Обедаю у Дюме часа в 2, чтоб не встретиться с холостой шайкою. Вечером бываю в клубе» (Дюме – содержатель ресторации в Петербурге, у которого неоднократно обедал А.С. Пушкин. – В. Т.) [23, с.143].

Н. Н. Пушкиной. Около (не позднее) 29 мая 1834 г., Петербург: «Ты спрашиваешь, что я делаю. Ничего путного, мой ангел... В свете не бываю; от фрака отвык; в клубе провожу вечера» [23, с. 153].

Н. Н. Пушкиной. 3 июня 1834 г., Петербург: «Я большей частью дома и в клубе. Веду себя порядочно...» [23, с. 155].

Н. Н. Пушкиной. 8 июня 1834 г., Петербург: «Обедаю у Дюме. Вечером в клубе. Вот и весь мой день» [23, с. 157].

Н. Н. Пушкиной. Около (не позднее) 27 июня 1834 г., Петербург: «... Я привык опять к Дюме и к Английскому клубу; а этим нечего хвастаться» [23, с. 166].

Н. Н. Пушкиной. 11 июля 1834 г., Петербург: «Надо тебе знать, что с твоего отъезда, я, кроме как в клубе, нигде не бываю...» [23, с. 178].

Возможно, действительно в те годы мужчины имели право сказать: «Мой клуб – моя крепость»?!

Клубы Пушкина в долгу перед ним. Благодаря Пушкину и непреходящему интересу ко всему, что связано с ним, исследуются и материалы первых клубов России, открываются новые страницы истории отечественного клуба.

В нашем исследовании клубной пушкинианы была еще одна важная цель.

Несколько лет назад, изучая публикации о Пушкине в старинных русских журналах и газетах, мы нашли удивительную заметку анонимного автора в газете «Новое время» № 13770 за 14 июля 1914 года. Воспроизводим только начальную, но самую интригующую часть заметки: «Английский клуб. Москва. При работе в московских архивах удалось отыскать редкий документ начала прошлого столетия – подлинный рукописный устав 1802 года знаменитого английского клуба (выделено нами. – В. Т.), название которого упоминается в бессмертных произведениях Грибоедова («Горе от ума») и Пушкина («Евгений Онегин»). Устав покрыт подписями всех членов, входивших в состав английского клуба с 1802 по 1857 г. Тут – весь цвет старой аристократической Москвы и громкие имена литераторов, ученых, художников, артистов, политических и государственных деятелей. Между прочим, имеются подписи Пушкина (выделено нами. – В. Т.), его отца, историка Карамзина, поэта Мерзлякова, Александра и Николая Тургеневых, И. С. Тургенева, писателя Загоскина, историка Погодина, артиста Щепкина, декабристов Муравьева-Апостола, кн. Сергея Волконского, а также подпись гр. Л. Н. Толстого, сделанная в 50-х годах» [24, с. 4–5].

Существует ли и где находится отдельный фонд Московского Английского клуба, нам пока неизвестно. За время работы в Центральном государственном историческом архиве Москвы, в Центральном государственном архиве литературы и искусства довелось увидеть множество различных вариантов (рукописных, машинописных, печатных) «Устава Московского Английского клуба», «Обряда Московского Английского клуба», «Учреждения Санкт-Петербургского Английского собрания», но того, который более всего нас интересовал, не находилось. Наконец узнаю, что в фондах Музея А. С. Пушкина

имеется «Обряд или Устав Московского Английского клуба», где есть подписи членов клуба, но подписи Пушкина в нем нет. На это же указывает в своей книге «Пушкинские места Москвы и Подмосковья» Н. М. Волович: «Среди полутора тысяч подписей членов клуба за период с 1802 по 1858 год можно найти автографы многих близких Пушкину людей – отца и дяди поэта, Н. М. Карамзина, П. А. Вяземского, декабристов С. Г. Волконского и М. С. Лунина, братьев Н. И. и А. И. Тургеневых, М. П. Погодина, П. В. Нащокина, М. С. Щепкина, С. А. Соболевского, С. Д. Полторацкого, М. Н. Загоскина, А. Н. Гончарова и других» [25, с. 205].

Но перечень членов клуба, расписавшихся под Уставом, в заметке неизвестного автора от 14 июля года 1914 г. и в книге Н. М. Волович почти полностью совпадают. Как будто бы именно на этот список указывают еще два источника. Это «Устав Московского Английского клуба», отпечатанный в типографии Бахметьева в 1859 году, и книга В. А. Гиляровского «От Английского клуба – к Музею Революции», изданная в Москве в 1926 г. В предисловии к новой редакции Устава, которая была утверждена баллотированием 14 марта 1859 года и напечатана для раздачи членам Московского Английского клуба, говорилось, что до сих пор «все члены подписывались под первоначальным Уставом при вступлении своем в общество, из чего составила любопытная коллекция автографов, так как известнейшие государственные люди, ученые, литераторы и прочие были членами клуба» [26, с. 4]. Та же мысль почти полностью повторяется у В. А. Гиляровского: «При вступлении в члены клуба требовалось собственноручное заявление, и вскоре составила интересная коллекция автографов, так как известнейшие государственные люди, ученые и писатели того времени состояли членами». [18, с. 21].

Но чуть дальше в тексте В. А. Гиляровский утверждает, что во время пожара 1812 года «все имущество, в том числе драгоценная коллекция автографов, сгорело». Так как же все-таки «коллекция»? Сохранилась она или уничтожена? Вместе с работниками Музея А. С. Пушкина просматриваю «Устав клуба...» с подписями его членов. Устав в кожаном переплете с золотым тиснением, довольно большого формата 264x412 мм, объем книги 51 лист. На титульном листе заголовок «Обряд или Устав Английского клуба в Москве». На четвертом листе с орфографией начала XIX века – название Устава: «Обряд Московского Английского Клуба» и его изложение. Приведем здесь только первый и последний параграфы первоначального текста Устава: «1-е. Число членов, составляющих сие общество, ограничивается четырьмястами мужеских персон, сверх которого числа никогда и ни под каким видом да не примется, а есть ли новый член, и может быть принят, но на открывшуюся вакансию или выбылое место... 32-е. В заключение сего вышеписанного, мы, нижеподписавшиеся, сочлены Английского Московского Клуба выбранным нами в старшины и впредь выбираемым даем полную волю и доверенность нанимать удобный дом для собрания на выгоднейших кондициях, каковые ими признаны будут, во исполнение всего вышеописанного своеручно подписуемся».

И далее, начиная с оборотной страницы седьмого листа, на 23 плотных крупноформатных листах подряд с обеих сторон листов идут размашистые подписи членов клуба. В среднем на каждой из 46 страниц по 35 подписей и еще 24 подписи – на седьмом листе. Итого примерно 1 635 подписей [27, л. 1–30].

Самый первый автограф сразу под заключительной строкой 32-го параграфа принадлежит главнокомандующему Москвы, фельдмаршалу графу И. П. Салтыкову, подписавшему Устав в порядке его утверждения. Затем идут подписи первых старшин клуба Николая Ивановича Баранова, Юрия Александровича Нелединского-Милецкого, Василия Ивановича Нелидова, Николая Федоровича Муравьева, князя Дмитрия Евсеевича Цицианова. Доподлинно установить авторство других росписей помогает нам специалист Н. С. Нечаева – главный хранитель музея. Вглядываясь в росписи, она называет известные многим имена: Василий Пушкин, Михаил Лунин, Сергей Пушкин, Николай Языков,

Николай Карамзин, Иван Дмитриев, князь Петр Вяземский, Михаил Загоскин, Михаил Погодин, Михаил Лонгинов, Сергей Соболевский, Михайло Щепкин. Преобладает династичность в этом престижном клубном членстве: Голицыны, Гагарины, Волконские, Одоевские, Трубецкие, Хрущовы, Шаховские, Оболенские, Тургеневы, Римские-Корсаковы, Раевские, Бярятинские, Щербатовы, Салтыковы, Сухотины, Жихаревы, Воейковы, Хвостовы, Боборыкины... Перечень этот можно продолжать и продолжать. Каждая фамилия рождает ассоциации из истории нашей политической, культурной жизни. Работники музея узнают и много других известных им в пушкиниане имен. Но эмоции приходится сдерживать. Мы понимаем, что наше узнавание относительно. Чтобы идентифицировать владельца автографа с конкретной исторической личностью, нужна кропотливая работа. А по отношению к А. С. Пушкину нужно в еще большей мере избегать суетности, торопливости, поспешности. Сколько уже было сделано ошибок в погоне за сенсационностью, выдаваемой за любовь! Как часто нетерпеливым исследователям в случайных предметах виделась тень Пушкина!

Идентифицировать автограф А. С. Пушкина очень сложно. Такая же проблема была и с установлением авторства автографа А. С. Пушкина в записях алфавитной Книги членов Российского Благородного собрания. С. В. Шумихин так излагает суть этой проблемы: «Около 30 раз в делах Российского Благородного собрания встречается фамилия “Пушкин”. Основная трудность заключается в точной идентификации фамилии “Пушкин” с личностью А. С. Пушкина, поскольку в один и тот же отрезок времени в Москве находилось иногда несколько Пушкиных – однофамильцев и родственников поэта, и все они могли посещать балы в Благородном Собрании»

В Уставе Московского Английского клуба фиксировались только автографы членов клуба, оставленные ими самими. И тем не менее дать окончательное заключение о том, что автограф «А. Пушкин» на обороте 27-го листа Устава принадлежит именно Александру Сергеевичу Пушкину, работники музея не решаются. Нужен квалифицированный почерковедческий анализ, нужно заключение экспертов из Пушкинского Дома. А его на основе небольшой росписи в книге обычно не дают. Тем более в Уставе помимо автографа А. С. Пушкина не установлены также автографы Л. Н. Толстого, П. Я. Чаадаева. Нет в этом альбоме и росписи Евгения Баратынского, который, как мы уже указывали, вступил в Московский Английский клуб одновременно с А. С. Пушкиным. Видимо, считают в музее, у них находится не полный объем Устава.

В нашей публикации «Три клуба Пушкина» более обстоятельно изложена авторская исследовательская работа по установлению клубного автографа А. С. Пушкина [6, с. 47–49]. Однако мы полагаем, не это главное в нашем исследовании. Изучение клубной пушкинианы имеет другие ценности. Будучи клубами дворянской знати, храмами праздности столичной аристократии, и Московский, и Санкт-Петербургский клубы, и Российское Благородное собрание в Москве вошли в историю и остались духовно значимыми для нас прежде всего тем, что в них проводили свой досуг передовые деятели русской культуры, что в них бывал и А. С. Пушкин. Эффект их влияния на клубную среду несоизмерим с другими факторами клубной коммуникации. И содержание, и характер клубного общения обретали новые ценностные ориентации. **«Говорят: пушкинская эпоха, пушкинский Петербург. И это уже к литературе прямого отношения не имеет. Это что-то совсем другое. В дворцовых залах, где они танцевали и сплетничали о поэте, висят его портреты и хранятся его книги, а их бедные тени изгнаны оттуда навсегда. Про их великолепные дворцы и особняки говорят: здесь бывал Пушкин – или: здесь не бывал Пушкин. Все остальное никому не интересно... рукописи, дневники и письма начинают цениться, если там появляется магическое слово “Пушкин”»,** – писала Анна Ахматова в «Слове о Пушкине» [28, с. 8]. А. С. Пушкин бывал в клубах Москвы и Санкт-Петербурга, являлся членом этих клубов. Магия Пушкина освятила и российские клубы.

Литература

1. Лихачев Д. С. Заметки о русском. – М.: Сов. Россия, 1984. – 64 с.
2. Лихачев Д. С. Пушкин // Раздумья о России. – СПб.: Logos, 1999. – 672 с.
3. Арнольдов А. И. Социальная педагогика: восхождение к новому гуманизму // Актуальные проблемы социально-культурной деятельности: сб. ст. / МГУК. – М., 1995. – С. 15–25.
4. Столетие Санкт-Петербургского Английского собрания. 1770–1870. – СПб., 1870. – 136 с.
5. Туев В. В. Пушкинская строка в клубной летописи // Клуб и художественная самодеятельность. – 1984. – № 11. – С. 27–29.
6. Туев В. В. Три клуба Пушкина // КИП. – 1987. – № 6. – С. 37–38; № 7. – С. 37–38; № 8. – С. 47–49.
7. Книга алфавитная для записи членов Российского Благородного Собрания мужчин, за 1814–1827 гг. // ЦГИАМ. – Ф. 381. – Оп. 1. – Ед. хр. 10.
8. Шумихин С. В. А. С. Пушкин в Российском Благородном собрании в Москве // Временник Пушкинской комиссии: сб. науч. тр. – Л.: Наука, 1988. – С. 52–68.
9. Пушкин В. Л. Письма П. А. Вяземскому // ЦГАЛИ. – Фонд Вяземских. – Ф. 195. – Оп. 1. – 1. – Ед. хр. 2611.
10. Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. – Л., 1975. – 261 с.
11. Пассек Т. П. Из дальних лет. Воспоминания. – СПб., 1878. – Т. 1. – С. 221.
12. Садовников Д. Н. Отзывы современников о Пушкине // Исторический вестник. – 1883. – Т. 11. – № 12. – С. 536.
13. Вигель Ф. Ф. Воспоминания. – М., 1865. – Ч. 1. – С. 126–127.
14. Бартенев П. И. К истории Московского Английского клуба // Русский Архив. – 1880. – Кн. 2. – № 5. – С. 85.
15. Пушкин А. С. Черновой вариант «Путешествия Онегина» в романе «Евгений Онегин» // Полн. собр. соч.: в 10 т. – М.: Наука, 1978. – Т. 5. – С. 466–468.
16. Бродский Н. Л. Комментарий к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин». – М.: Мир, 1932. – С. 183.
17. Гиляровский В. А. Москва и москвичи. – М.: Московский рабочий, 1983. – 464 с.
18. Гиляровский В. А. От Английского клуба – к Музею революции. – М., 1926. – 54 с.
19. Карамзин Н. М. Записки о московских достопамятностях // Сочинения Н. М. Карамзина. – 3-е изд. – М., 1820. – Т. IX. – С. 280–304.
20. Словарь языка А. С. Пушкина: в 4 т. / под общ. ред. акад. В. Виноградова. – М.: Изд-во ГИС, 1957. – Т. 2. – 896 с.
21. Пушкин А. С. Евгений Онегин // Собр. соч.: в 8 т. – М.: Худож. лит., 1969. – Т. 5. – 318 с.
22. Пушкин А. С. Переписка. 1828–1831 // Полн. собр. соч. – М.: Изд-во АН СССР, 1941. – Т. XIV. – 547 с.
23. Пушкин А. С. Переписка. 1832–1834 // Полн. собр. соч. – М.: Изд-во АН СССР, 1948. – 391 с.
24. Английский клуб // Новое время. – 1914. – 14 июля. – № 13770. – С. 4–5.
25. Волович Н. М. Пушкинские места Москвы и Подмосковья. – М.: Московский рабочий, 1979. – 231 с.
26. Устав Московского Английского клуба. – М., 1859. – 114 с.
27. Обряд Московского Английского клуба с подписями членов клуба // Гос. музей А. С. Пушкина. – Рукоп. фонд № 4. – Оп. 3. – Инв. № 215. – Л. 1–30.
28. Ахматова А. А. Слово о Пушкина: статьи и заметки. – М.: Книга, 1989. – С. 7–9.

С. Н. Иконникова

*доктор философских наук, профессор,
заведующая кафедрой теории и истории культуры
Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств,
заслуженный деятель науки РФ, академик РАЕН*

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Быстрые темпы социальных перемен в России, модернизация общества и распространение рыночных отношений в сферах материальной и духовной жизни предъявляют новые требования к системе подготовки специалистов с высшим образованием. Основные контуры новой концепции высшей школы заключаются в определении приоритетных направлений профессиональной подготовки специалистов, готовых к принятию решений в различных областях науки и практики. Переход на двухуровневую систему обучения в вузах предполагает существенные изменения в учебных планах, программах и сроках обучения; расширение транснационального образовательного пространства; признание (нострификацию) российских дипломов в европейских странах; обеспечение мобильности специалистов и студентов для получения дополнительного образования в других университетах; гармоничное соединение позитивных сторон российского и европейского опыта высшего образования.

Эта тенденция наиболее полно представлена в документах Болонской декларации, к которой присоединились в 2003 году 40 европейских стран, в том числе Россия. Система высшего образования приобретает общие контуры, становится более открытой, преодолевает региональную замкнутость и провинциальность, создает новые перспективы в реализации межвузовских исследовательских проектов и в обмене специалистами. Выработка общих современных критериев оценки качества образования не означает унификации, абсолютного единообразия, требует аналитического сочетания национальных традиций и инноваций.

Наивно было бы считать, что процесс модернизации высшего образования проходит гладко, не имеет оппонентов. Традиции российской высшей школы достаточно прочны, устойчивы, и с ними необходимо считаться. Они принесли стране и миру немало успехов и достижений. Но это не означает, что система не должна реагировать на вызовы и проблемы современности. Транснациональное образовательное пространство – глобальный проект информационной цивилизации. Европейские и российские университеты издавна были центрами межнационального притяжения и общения студентов и преподавателей, вносили существенный вклад в развитие мировой культуры, способствовали развитию международных культурных контактов. Многие отечественные ученые, философы, художники, писатели, политические деятели учились в университетах Франции, Германии, Англии и других европейских стран. К сожалению, эта традиция была прервана, но теперь вновь возрождается. Приобщение к европейской системе образования расширит горизонт профессиональной деятельности, откроет перспективу практического освоения иностранных языков, приобщения к иным национальным культурам, будет содействовать развитию самосознания, диалога и толерантности.

В этих условиях создается новый тип личности, у которой любовь к родному краю и своему народу органично сочетается с историко-культурной эрудицией, знанием норм общения и ценностей иной культурной традиции. Культура становится фактором социального развития, определяет эффективность рыночной экономики и социальных реформ, обеспечивает национальную безопасность, способствует гражданскому единению и консолидации. Культура приобретает черты глобальной информационной системы, культурный плюрализм становится характерным признаком современной цивилизации. Непрерывное движение, изменение приоритетов и ценностей характеризует динамику глобального культурного процесса.

Эти новые тенденции усиливают роль гуманитарной культуры в системе высшего образования. Многообразие жизненных стилей, видов практической деятельности требуют от профессионала культурной компетентности, знания исторических событий, памятников, символов и языков общения разных народов. Прежнее представление о преимуществах личного опыта или случайных, бессистемных сведений не может быть признано достаточным для решения сложных социальных проблем.

В системе высшего образования предусмотрен комплекс фундаментальных дисциплин, необходимых для гуманитарной ориентации в профессиональной деятельности. В развитых странах социально-гуманитарный компонент образования включен в программы подготовки бакалавров и магистров. Информационная цивилизация расширяет диапазон интеллектуальных, социальных и эмоциональных ресурсов человека, увеличивая объем и структуру профессиональной деятельности, предъявляя новые требования к общению и диалогу, толерантности и взаимопониманию. Университеты все больше вовлекаются в сферу бизнеса, заимствуют практики рыночной экономики, озабочены проблемами прибыли, маркетинга и рекламы, конкуренции и инвестиций, включения в региональные и международные проекты. Система высшего образования становится более гибкой, быстро реагирующей на изменения и вызовы социума. Уменьшение доли государственного финансирования определяет аналитическую стратегию определения перспектив развития, требует преодоления иждивенческих настроений и ожиданий. На этом пути необходимы новые знания, выходящие за рамки узкой профессиональной деятельности. Личного опыта и обыденных знаний недостаточно для успешной деятельности в новой ситуации, так как это может привести к конфликтам и ошибкам. Другую крайность представляет конъюнктурная и прагматическая ориентация образования лишь «на рынок услуг», которая приводит к диспропорциям в подготовке кадров, ломке профессионального становления специалиста.

Все это усиливает роль гуманитарной подготовки в высшей школе, опоры на фундаментальное знание истории, философии, экономики, культурологии, педагогики и психологии. Этот комплекс дисциплин является необходимым для подготовки современного специалиста. Траектории жизненного пути очень многообразны, но на любой стадии жизни и профессиональной деятельности необходимы мировоззрение, ценности культуры, уважение к человеку.

Культурологическое образование уже достаточно прочно вошло в систему высшей школы, доказало необходимость в развитии науки и практики. По весьма неполным данным подготовка культурологов ведется в 200-х вузах России, за период последнего десятилетия выпущено несколько тысяч дипломированных специалистов. Успешно действует аспирантура и докторантура по специальности «теория и история культуры», защищены сотни кандидатских и десятки докторских диссертаций. Утвержден государственный стандарт по культурологии, опубликованы учебники и учебные пособия, имеющие гриф Министерства образования и науки.

Культурология преодолела первоначальную настороженность вузовских преподавателей, критику за неопределенность предмета. За эти годы культурология заняла свое место в гуманитарном образовании специалиста.

Однако достигнутые успехи настойчиво выдвигают необходимость обсуждения перспектив дальнейшего развития культурологического образования.

1. В западных университетах в соответствии с национальными традициями осуществляется подготовка бакалавров и магистров по проблемам культуры в рамках специальностей «Культурная антропология», «Социальная антропология», «Этнология», «Социология культуры», «Межкультурные коммуникации».

Все это объединяется общим названием «**cultural studies**», «**multicultural studies**», «**cross-cultural studies**». Как правило, это комплекс дисциплин, имеющих культурологическую ориентацию.

Предстоит согласовать и определить общие подходы.

Понятие и предмет культурологии может объединить исследование культуры и цивилизации в единое целое на основе системного анализа. Тем самым российская гуманитарная наука внесет свой вклад в развитие европейского образования.

2. Культурологию как науку и учебную дисциплину представляет общая или фундаментальная культурология. Она разрабатывает категориальный аппарат, терминологию, понятие и структуру культуры, взаимодействие различных сфер культуры, закономерности исторической преемственности и морфологии культурного пространства, национально-этнического своеобразия культур, формирования духовного мира личности, перспективы развития культуры и цивилизации. Общие теоретические, исторические и антропологические контуры культуры как общественного явления составляют основу культурологии.

Этот корпус знаний приобрел общие контуры, но его формирование продолжается и требует дальнейшей разработки.

3. Намечился комплекс специализаций, каждая из которых находится во взаимодействии с общей культурологией, но имеет свой предмет, ареал исследования и перспективу развития. Дифференциация культурологии происходит очень интенсивно, новые направления возникают достаточно стихийно, отражая потребности практики и интересы исследователей. Эти процессы были характерны, например, для становления социологии, создания специальных социологических теорий среднего уровня. В культурологии этот процесс начался сравнительно недавно и имеет перспективу.

4. Перечислить все имеющиеся направления достаточно сложно, но можно выделить те, которые имеют корпус публикаций и научное признание.

Среди них те разделы культурологии, которые приобрели статус самостоятельных дисциплин: история мировой и отечественной культуры; история российской и зарубежной культурологии; философия культуры; социология культуры; семиотика культуры; аксиология культуры; антропология культуры; психология культуры; межкультурные коммуникации.

В последние годы изданы монографии и учебные пособия, защищены дипломы и диссертации по этим направлениям.

5. Намечилось интенсивное развитие целой группы новых направлений культурологии.

Среди них особенно активно развивается региональная культурология, ориентированная на изучение культурных событий, процессов и явлений на различных территориях России. Она тесно взаимодействует с историческим краеведением, этнографией и этнокультурологией, культурной географией, культурной антропологией, социологией культуры. Региональная культурология становится основой для разработки культурных проектов и рекомендаций, формирования духовной культуры, национального самосознания и патриотизма молодого поколения.

Необходимо всемерно поддержать это направление, создать условия для его развития.

6. Преодолению европоцентризма содействует развитие специализации «Культуры Востока» с основательным изучением группы восточных языков; истории искусства и литературы, религии, этикета, кулинарии, организации повседневной и праздничной жизни. Это направление развивается во взаимодействии со специалистами по восточной культуре и содействует организации туризма, экономических переговоров и других форм практической деятельности.

7. Существует и успешно функционирует в системе культурологического образования комплекс направлений еще недостаточно оформленных, тесно связанных с фундаментальными науками. К ним можно отнести экономическую, политическую, художественную, правовую, религиозную, экологическую, педагогическую, психологическую, лингвистическую культурологию.

8. Развивается гендерная культурология мужского и женского духовного облика, культурология семьи и детства, сексуальных отношений и телесности, культурология отклоняющегося поведения и преступности, организации повседневной и праздничной жизни разных народов, социальных групп,

9. Особое значение в развитии культурологии приобретает сфера практического применения, ориентация образования и научных исследований на реальные проблемы и их решение. Каждое из перечисленных направлений предполагает выработку практических рекомендаций. Но возможна такая отрасль, как прикладная культурология или прагматика культуры, использование культурологических умений и навыков в разработке стратегии культурной политики, работы в средствах массовой коммуникации, в государственных комитетах, в частных компаниях, предпринимательских фирмах, банковских корпорациях, политических кампаниях и связях с общественностью, арт-бизнесе и продюсерстве, корпоративной культуре и менеджменте, галерейном деле, организации массовых театрализованных представлений. Особо необходимо отметить включение культурологии в социальную работу с инвалидами, использование методов арт-терапии и реабилитации.

10. Изложение и исследование проблем культурологии органично связано с изобразительным материалом: историей культуры стран и регионов, памятниками и культурным наследием, жизнеописанием деятелей культуры, анализом социокультурных процессов. Использование многочисленных форм мультимедийных записей, дисков и дискет, компьютеризация в процессе обучения становятся важным средством повышения эффективности и качества культурологического образования.

11. В последние годы активно развивается сравнительная культурология или культурологическая компаративистика, посвященная изучению процессов взаимодействия народов, диалогу культур, толерантности и взаимопониманию.

Перечисленные направления исследований свидетельствуют о многообразии возможностей культурологического образования как ресурса гуманистического развития России.

Н. И. Романова

*кандидат философских наук, доцент кафедры философии
Кемеровский государственный университет культуры и искусств*

КНИЖНАЯ КУЛЬТУРА СТАРООБРЯДЧЕСТВА

Христианство – религия книжная [1, с. 170]. Основой христианского мировоззрения служит учение о Слове-Логосе. Именно через Слово шло познание мироздания, его сущностных сил и смыслов. При этом слово воспринималось как языковой знак, в котором двойственная природа позволяет объединить обозначающее и обозначаемое. Такое

представление о природе языкового знака связано исходными представлениями с философией неоплатонизма, развитой на христианской почве на Западе Блаженным Августином, на Востоке – Псевдо-Дионисием Ареопагитом, для которых существовала реальная, внутренне мотивированная связь между обозначающим и обозначаемым. Средневековые всячески подчеркивало и развивало идею иконической природы Слова. Слово так же, как и икона, представляло образ вещи, а «образ есть уподобление, знаменующее собой первообраз», хотя и не буквально с ним совпадающий. Единственный образ, который тождествен первообразу, это образ Христа, сына Божьего. «В целом христианство представляло собой “семиотическую систему” сакральных знаков и жестов, которые должен был знать и понимать каждый верующий христианин» [2, с. 148]. В свете этого представления церковно-славянский язык выступал как «средство выражения богооткровенной истины» [21, с. 336], он обеспечивал связь между образом и первообразом. Вот почему на Руси исправлению богослужебных книг уделялось самое пристальное внимание, ибо форма выражения истины могла быть признана еретической, искажающей сакральный смысл. Но, видимо, в книжных исправлениях до XVII в. единство формы и содержания текста не нарушалось. С исправлением же книг при патриархе Никоне произошел разрыв с книжной традицией. Реформаторы, как носители юго-западнорусской образованности, «отделяют слово от содержания, что и обуславливает возможность употребления слова в переносном смысле. Так, для Стефана Яворского евангельский текст не есть истина. Истиной считается содержание этого текста. Поэтому текст оказался открытым для разных интерпретаций, а истина устанавливается через правильную интерпретацию. Напротив, для носителей великорусской традиции Евангелие и вообще Святое Писание, будучи богооткровенным текстом, есть истина сама по себе, которая принципиально не зависит от воспринимающего субъекта. Сакральная форма и сакральное содержание по самому своему существу не могут быть расчленены, одно предполагает другое. С этой точки зрения истина связывается не с правильной интерпретацией, а с правильным восприятием текста» [21, с. 351]. Поэтому исправление богослужебных текстов ревнителями древлего благочестия было воспринято как искажение богооткровенной истины, как порча. Б. А. Успенский отмечает, что для Запада не было характерно подобное отношение к ошибкам письменной или устной речи, потому этот конфликт может осмысляться как частный момент противопоставления России и Запада, традиций и нововведений (отсюда раскол – семиотический конфликт двух культурных традиций).

Поэтому далеко не за один «аз» восстали против реформы ревнители традиционного православия. В то время люди посещали церковь часто и многие тексты знали наизусть, можно представить их возмущение этим «исправлением» текстов [14, с. 50]. К книжной справе были привлечены южнорусские справщики, киевские ученые монахи, находившиеся под влиянием католической схоластической образованности, и греки-униаты, получившие свое образование в Италии, а в основу образцов были положены новогреческие книги. Это великолепно доказали сами старообрядцы и постоянно указывали на кощунственную порчу текстов.

С течением времени вскрылось много подлогов, совершенных в процессе церковной реформы ее творцами и делателями. Профессор Ленинградской духовной академии Н. Д. Успенский неопровержимо доказал, что образцами для исправления служили со временные греческие богослужебные книги, изданные преимущественно в иезуитских типографиях Венеции и Парижа. Староверы гораздо раньше доказали, что исправление при Никоне велось по новым греческим книгам, напечатанным в иезуитских типографиях Италии и Франции. Книги эти были заподозрены даже самими греками как искаженные и «погрешительные» [13, с. 87]. Чтобы скрыть этот факт, правщики, фальсифицируя, писали в предисловиях некоторых книг, что исправление проводилось согласно «с древними греческими и словенскими» образцами [Цит. по 14, с. 48]. В наше время

этот факт фальсификации уже не вызывает сомнения. Русские церковные книги со временем еще больше портятся, а дореформенные тексты в сравнении с новыми выглядят более доброкачественными. Опровергается ныне и укоренившийся в прошлом взгляд на испорченность старых книг. Сами староверы говорят о том, что русский народ любил книгу и умел ее беречь как святыню. Малейшая опесь в книге, недосмотр, ошибка считались большой погрешностью, именно поэтому многочисленные сохранившиеся до нас рукописи старого времени отличаются чистотой и красотой письма, правильностью и точностью текста. В древней рукописи редко встречаются помарки и зачеркивания. За сто лет до начала церковных реформ Стоглавый собор обратил внимание на состояние богослужебных книг и указал, что в некоторых из них встречаются неисправности только в знаках препинания и некоторые опески. В старых рукописях меньше опесок, чем в современных печатных книгах опечаток.

Фундаментом старообрядческой идеологии было знание и цитирование подлинных памятников древнерусской книжности. Отцы староверия были настоящими «грамотеями-книжниками, превосходно владевшими богословской литературой; учителями, имевшими над паствой власть слова и убеждения; деятелями книжной sprawy дониконовской традиции, бережно относившимися как к догматической истине, так и к “батюшке азу”, – многие из них были “преизрядными писцами”, знавшими книгу и с этой ее стороны» [9, с. 93]. Опора на труды учителей Церкви была необходима старообрядцам в полемике с новообрядцами, поэтому старообрядческая литература обладает яркой идеологической насыщенностью и заостренностью. “Прения о вере” красной нитью проходят через всю историю староверия, что и предопределяет постановку вопроса о полемической традиции в старообрядческой культуре, ее истоках и способах трансляции» [11, с. 167]. Старообрядческая полемическая литература представляет большой источниковедческий и археографический интерес, так как содержит самые различные сведения по истории, догматике и характеру многочисленных старообрядческих толков. Сборники, составлявшиеся грамотными старообрядцами на протяжении двух с половиной веков, донесли до нас все многообразие книжных памятников, авторитетных в этой оппозиционной среде и укрепивших ее дух в поисках правды и исторической справедливости.

Старообрядческая «многотысячная армия грамотеев-начетчиков и писцов, любителей и профессионалов» не только продолжала и развивала древнерусскую книжную традицию, но и положила начало русской библиографии, археографии, палеографии, историографии и археологии.

Разворачивалась и широкая археографическая деятельность старообрядцев: староверы нередко описывали цитируемую книгу, указывая ее формат и материал, особенности переплета, тип письма, воспроизводя имевшиеся там записи и даты. Ими описаны такие древности (по исследованию О. К. Беляевой), как, например, Изборник Святослава 1073 г., открытый в 1817 г. К. Ф. Калайдовичем при обследовании Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря, а между тем еще в первой четверти XVIII в. оригинал был известен книжникам дяконовского и поморского согласий, отсюда можно заключить, что уже в 1709 г. Изборник находился в этом монастыре. Описаны также Галицкое Евангелие 1144 г., Евангелие 1358 г., Евангелие Новгородского архиепископа Моисея ок. 1359 г., Евангелие 1383 г., Новгородская Кормчая 1280 г., Требник XVI в., Служебник 1397 г. А описание и ссылки на рукописи, такие как Пергаменный Устав 1280 г., Пергаменный Служебник Дмитрия Прилуцкого, Пергаменный Сборник 1424 г. (подчеркнуто мною. – Н. Р.) являются уникальными и последними свидетельствами их существования, так как эти рукописи до сих пор не найдены и, возможно, утрачены. Значительна роль старообрядцев для русской палеографии, на этом материале можно исследовать историю книги феодальной России [3]. На древние рукописи и книги опирались старообрядцы в полемике с новообрядцами. Эта деятельность продолжалась и дальше. Старообрядцы

работали с книгами, хранившимися тогда в библиотеках Петербургской и Казанской духовных академий (в них хранились книги Соловецкого монастыря, пользовавшиеся большой популярностью и авторитетом у староверов), а также в библиотеке Румянцевского музея в Москве, работа над книгой сопровождалась при этом указанием шифров и листов книги. Ф. И. Буслаев, отрицательно относившийся к старообрядчеству и сектантству, и то отдает должное староверам: «Несмотря на все крайности в увлечениях, раскол старообрядчества в истории русской литературы, библиографии и археологии заслуживает внимание исследователя в том отношении, что старообрядцы перечитали множество рукописей и книг и пересмотрели множество икон и церковных утварей и обо всех своих наблюдениях давали письменный отчет и тем полагали начало русской библиографии и археологии...» [6, с. 337].

Библиографическая и археографическая деятельность старообрядцев становилась основой для создания авторских сочинений старообрядческих идеологов, например, таких как Дьяконовские и Поморские ответы. Работа дьяконовских и выговских книжников по выявлению и описанию памятников древнерусской книжности явилась начальным этапом в формировании их палеографических навыков, завершившимся блестящим разоблачением подделок – Соборного деяния на еретика армянина Мартына и Требника Феогноста в Дьяконовских и Поморских ответах [3, с. 12]. Дьякон Александр и его сотрудники рассмотрели выдвинутое епископом Нижегородским и Алатырским Питиримом некое «Соборное деяние на Мартина мниха», явившееся одним из главных доводов против старообрядчества. Собор этот будто бы состоялся в Киеве в 1160 году при митрополите Константине и великом князе Ростиславе Мстиславиче и предал анафеме и двуперстие, и начертание имени Господня «ІСУСЪ», и хождение посолонь, и т. д. – то есть все характерные обрядовые особенности грядущего старообрядчества, точно собор 1160 года за 500 лет предвидел его появление. В действительности же никакого собора в Киеве в это время не было, да и Мартына еретика вообще не существовало. Вот какое мнение о вопросах Питирима и старообрядческих ответах высказал один из самых известных русских специалистов по церковному праву, профессор Московского университета Н. С. Суворов: «Соблазн был не малый, когда обитатель глухих Керженских скитов некий дьякон Александр, разобрал это деяние (на Мартына) *по всем правилам науки, указал исторические анахронизмы, филологические и палеографические несообразности, и доказал* (курсив мой. – Н. Р.) с очевидностью ПОДЛОЖНОСТЬ ЭТОГО “ДЕЯНИЯ”. Соблазн был тем более велик, что заказ на изготовление какого-нибудь подложного документа, могущего служить против старообрядцев, был дан самим Петром, а исполнителем, возможно, явился местоблюститель патриаршего престола Стефан Яворский» [Цит. по 19, с. 62].

Уже с первой половины XVIII в. писатели-старообрядцы предпринимали попытки систематизировать знания об истории и обычаях русского православия, о его виднейших деятелях. В первой половине XVIII в. Семен Денисов составил «Виноград российский» – историческое исследование о св. новомучениках, по всей России пострадавших за старую веру. Вскоре Иваном Филипповым была написана «История Выговской старообрядческой пустыни» по образцу древних патериков. В первой половине XIX в. Павел Любопытный составил «Исторический словарь» виднейших беспоповских деятелей. В начале XX века старообрядцы Древлеправославной Церкви готовились издать «Старообрядческий историко-энциклопедический словарь», который был уже объявлен как приложение к журналу «Старообрядцы» за 1909 г. В начале 80-х гг. XX столетия два известных старообрядческих деятеля – протоиерей Евгений Бобков и председатель московской федосеевской общины М. И. Чуванов, каждый по-своему, начинали сбор материала для старообрядческой энциклопедии [8, с. 3]. И, наконец, в 1996 г. в издательстве «Церковь» вышел первый энциклопедический словарь по старообрядчеству, в котором

представлены история, деятели, символы старOVERия. Авторы-составители С. Г. Вургафт и И. А. Ушаков, опираясь на весь предыдущий опыт, создали оригинальный и уникальный труд, который необходим и профессиональным исследователям и любителям истории и культуры старообрядчества [8].

Все это говорит о высоком уровне книжной культуры старообрядцев. В ранний период истории старообрядчества (60-е гг. XVII в. – 20-е гг. XVIII в.) происходило накопление, соби́рание, копирование книг, складывались старообрядческие библиотеки. Книжная доминанта действовала «и как идеологический диктат, и как способ фиксации традиционных для культуры текстов» [16, с. 34]. Огромный авторитет книги в этой среде обусловлен был сохранением средневековой книжной традиции, а также экстремальными условиями существования самого старообрядчества. В научном обиходе понятие «старообрядческая книга» довольно широкое, так как включает в себя книгу: а) написанную или изданную в защиту старOVERия или на обличение никониан, б) отразившую старообрядческие догматы и установления, в) переписанную или изданную старообрядцами, г) старопечатную или рукописную «дониконовскую» книгу, бытовавшую в старообрядческой среде. Старообрядческая книга долгие годы была запретной, тайной, попадая к властям, она уничтожалась, а ее держатели жестоко наказывались. Эта «потаенная», запрещенная и гонимая культура низов, как и рукописная книга, воплощением которой она являлась, широко распространилась в народе, выйдя далеко за пределы старообрядческого движения.

Старообрядческая литература своим влиянием охватила более широкий слой крестьянско-посадского населения, чем сама старообрядческая идеология, носительницей которой эта литература являлась. Писания первых старообрядцев создавались и распространялись в народе с миссионерскими целями. «Однако даже там, где эти сочинения не достигали своей идеологической задачи – обращение крестьян и мастеровых в “старую веру”, их принимали, читали, переживали, они служили духовным и нравственным ориентиром. В определенной мере, казалось бы, узко конфессиональная литература стала выразительницей настроений русского крестьянства и в то же время продолжательницей древнерусской литературной традиции» [5, с. 6].

Что способствовало столь широкому бытованию старообрядческой книги? Прежде всего, следует помнить, что старообрядческая книга не только сохранялась, но и постоянно воспроизводилась. Многочисленные старообрядческие типографии и скриптории охватили всю страну, книга создавалась везде, где были ее ценители и почитатели – старOVERы. Книги писались и печатались в строгом соответствии с традицией создания рукописной и печатной книги. Например, многовековая традиция изготовления книжных переплетов, утраченная, как казалось, столетия назад, до сих пор сохранилась и живет у старOVERов. Современные исследователи встречают старообрядческие книги, недавно переписанные, но по внешнему виду практически не отличающиеся от изданий Московского печатного двора XVI в. – **сшив по тетрадам, деревянные корочки, обтянутые кожей, застёжки** [4]. Кстати, застёжки на книгах несли определенный смысл, считалось, что если не закрыть их, то книгой воспользуются темные силы, поэтому тем, кто после чтения не закрывал застёжки, сулилось древнее проклятие.

Удивительные экземпляры небольших по формату печатных книжечек хранятся в Отделе редкой книги и рукописей ГПНТБ СО РАН. В книжечках очень маленького формата имеются выходные данные: «Типография забайкальца Спиридона». Отпечатаны эти издания были в селе Никольском (Забайкалье, Бурятия) старообрядцем Спиридоном Константиновичем Ерофеевым. Сотрудник отдела В. Н. Алексеев назвал подвигом, сравнимым с подвигом Ивана Федорова, то, что Ерофеев сам, своими руками, создал свою типографию и печатал в ней книги высокого издательского уровня. Старообрядческие типографии занимались не только тиражированием, но и книготворчеством, что выражалось не только в «варьировании состава богослужебных книг

(Псалтирь, Часовник, Канонник, Устав о христианском житии), а порою и не богослужбных (например, Страсти Христовы), но и в составлении компилятивных сборников самими типографиями» [7, с. 120].

Распространение старообрядческой книги шло также через торговлю и коллекционирование. Но несравнимую по значению с этими путями роль играли старообрядческие библиотеки. Библиотеки старообрядцев хранили традиции старых русских библиотек. Главными организующими качествами в старообрядческих книжных собраниях были сохранение, упрочение и распространение средневековой традиционной морали, абстрагирующего и этикетного эстетического восприятия мира и упрочение всех элементов «древлецерковного благочестия», связанного с невоспроизводимой более официальным путем книгой, единственной хранительницей догматов и традиций старой веры. Это уже заведомо предопределило как миграционные процессы в книжной старообрядческой среде, так и книгоделание [10, с. 129].

Особенность старообрядческой библиотеки состояла в том, что ее границы были размыты, она была рассыпана по читателям-хранителям. Это было обусловлено двумя причинами. Во-первых, постоянная борьба за выживаемость не позволяла создавать единые, крупные библиотеки, которые привлекли бы внимание властей, а рассыпанные по читателям-общинникам они надежно были спрятаны от чужого взгляда. Другая причина заключалась в функциональном значении книги, которое она имела в том или ином старообрядческом согласии. Книга выступала одним из стержней, скрепляющих данное согласие, как «цементирующий его материал»: ею могли пользоваться все без исключения члены общины, даже если они были расселены на большой территории. «...Книга, по мнению представителей сибирского старообрядчества, не может лежать втуне, она должна постоянно читаться – ведь наставник и даже простой грамотей-старообрядец прекрасно сознают, что при помощи книги они воспитывают единомышленников. Функционирование книги для старообрядцев было важнее ее хранения “при себе”. Они достаточно легко расставались с книгой, если были убеждены в том, что отдадут ее в надежные руки. Границы библиотеки, таким образом, размывались еще больше» [10, с. 127].

Благодаря высокому статусу книги грамотность в старообрядческой среде была очень развита, более того, она была намного выше грамотности никониан, что многократно отмечали исследователи прошлого [18, 12, 15, 20]. Встречались семьи поголовно грамотные. Безусловно, в репертуар чтения старообрядца или общины входили книги строго религиозного содержания, выдержанные в требованиях того или иного согласия. Чтение светской литературы не поощрялось, а в некоторых согласиях отвергалось совершенно, вследствие чего, наряду с высокой грамотностью, образованность основной крестьянской массы была недостаточной. Обучение грамоте и воспитание веры поддерживалось учителями, которые обучали своих сообщников (и детей и взрослых) церковно-славянскому языку и чтению, как правило на основе традиционной книги Псалтири. Тем не менее со временем средневековая и православная книжная культура старообрядцев «постепенно трансформируется за счет расширения сферы чтения. Старообрядцы обильно цитируют современные им книги, отнеся их к “внешней мудрости” и критически “рассмотря”» [9, с. 112].

Старообрядческая книжная культура является книжно-учительным типом культуры, который определяется особым местом Книги в нравственном становлении человека [9, с. 92]. В связи с тем, что церковно-славянский язык был близок русскому языку, проникновение христианской культуры было облегчено. Через чтение духовной книги старовер приобщался к общехристианской культуре, и особенно к ранневизантийской. Чтение Священного писания или другой душевспасительной книги требовало внутренней работы, вживания в библейский космос, поэтому чтение превращалось в особый ритуал, с помощью которого человек мог связаться с сакральными смыслами и отношениями.

Чтение было обязательным, так как это давало душевное здоровье. Каноническая литература принадлежала не к конкретному историческому времени, а «духовному телу человечества». «Книга была святыней в своей вещности, например, напрестольное Евангелие. В данном случае она являла собой материализацию таинственных сил. Чтение книг для старообрядцев означало вхождение в живую духовную традицию» [1, с. 170]. Чтение для старообрядца не было развлечением, оно было священным. Круг чтения определяли: Евангелия, минеи, псалтыри, жития, повести, прологи, хронографы, торжественники, изборники, маргариты, златоусты, сборники и т. д.

Однако, несмотря на то что книга была предметом особого почитания во всех согласиях без исключения, тип чтения зависел от особенностей формирования того или иного согласия. Тип чтения определяется некими общими для всех согласий и одновременно специфическими для каждого из них принципами подхода к чтению и отбору книг [9, с. 95]. Серьезное исследование конфессиональной и региональной специфики репертуара чтения посвятили Е. И. Дергачева-Скоп и В. Н. Алексеев [9]. Более чем тридцатилетний опыт работы позволил авторам сделать некоторые обобщения по данной проблеме, что важно для исследователей не только старообрядческой книжности, но и других аспектов старообрядческой культуры, ибо книжная культура питала сами основы мировоззрения старообрядчества. Поэтому учет конфессиональной специфики представляется очень важным. Поповские согласия владели полным набором старопечатных книг, их заботило наличие всего «круга книг», необходимых для Богослужения, книги старопечатные довольно просто замещались новопечатными, рукописи в общинах поповцев не встречались, за исключением нескольких небольших полемических сочинений (типа писем, вопросов и ответов), духовных стихов и служебных книг нового письма. Наиболее современное отношение к книге в австрийском согласии начинает наблюдаться с начала XX века, оно утрачивает специфически старообрядческий колорит; широко издаются «церковно-общественные», «исторические и повествовательные», нравоучительные статьи, рекомендуются в качестве чтения произведения по истории раскола и старообрядчества, написанные с положительной точки зрения. Книга в беспоповских согласиях занимает едва ли не главное место – она выполняет роль духовного окормителя. В связи с этим беспоповцы уделяют особое внимание сочинениям, содержащим описание самого акта чтения, следуя в этом традициям древнерусских книжников, хорошо известных по Измарагду, Златой цепи, Маргариту, многочисленным учительным сборникам. «Это превосходные, исполненные в жанре классических аллегорий “этюды” о чтении как абсолютной ценности Бытия. Составитель поморского старообрядческого “Цветника” начала XVIII в., например, цитирует один из известных в древнерусской книжной традиции вариантов аллегории: чтение–рай» [9, с. 102]. Часто в беспоповской поздней рукописной традиции встречаются Поучения и Слова на тему «книжного почитания» со ссылками на древнерусские сборники. «Книга является старообрядцам в разных ипостасях: она – очи духовные, разумное видение, податель добродетели, услада знания, кормчий в путешествии по морю житейскому и пр. Чтение же служит одним из средств духовно-нравственного совершенствования, при помощи которых Царство Божие, как царство духовное, воздействует на мирское устройство. ...Старообрядцы-беспоповцы сознают, что книга надежно обеспечивает их «самовластью души» «заграду верой». В этом собственно сила и слабость такого культурного индивида...» [9, с. 102–103]. Огромное значение чтения и переписки книг для беспоповских согласий подчеркивалось тем, что это была почти единственная возможность сохранять единство согласия, рассеянного на большой территории, не имевшего духовной иерархии и опиравшегося на святоотеческие нормы.

Книжный характер духовного образования в старообрядчестве, особенно в беспоповских согласиях, в то же время ставил определенные проблемы, как перед читателем, так и перед духовными наставниками – руководителями общин согласий. Трудности эти

были связаны с той древней книжной традицией правильного восприятия текста, когда истина мыслилась в единстве сакральной формы и сакрального содержания, и любая интерпретация была недопустима. Ситуация, когда человек оставался один на один с сакральным текстом, таила в себе определенную опасность искажения истины вследствие неверного толкования смысла того или иного символа. Неслучайно в связи с этим очень осторожное отношение прежде всего к Библии, сплошь аллегоричной и насыщенной священными символами. В некоторых беспоповских согласиях ее чтение даже запрещалось, особенно охранялся Ветхий Завет, прочтение которого могло привести не просто к непониманию смысла, но и к искажению истины, а следовательно, и к ереси. Собственно все христианские ереси проистекали отсюда же. Наставники беспоповских согласий с тревогой отмечали многочисленные разноречия в мнениях при чтении священных книг, и не только Библии, так как любое разноречие могло произвести раскол внутри самого согласия. Простые члены разных беспоповских старообрядческих общин, особенно по какой-то причине оторванные от них, не раз делились с исследователями старообрядческой книжности своей тревогой и боязнью оставаться наедине с книгой, требующей «высокого разумения», но всегда при этом тянулись к ней. «Поэтому, наверное, в рукописной традиции беспоповцев такое внимание уделяется проблеме учительства, как способу самому действенному регламентировать чтение через “умное знание”» [9, с. 104].

Однако книжная культура немыслима без ее связи с устной культурой, эта связь глубока и изначальна. Книжная культура в отношении устной играет генерирующую функцию, так как связана с генезисом многих устных форм, здесь более всего прослеживается их взаимосвязь и взаимопроникновение. Устная культура, в свою очередь, «постоянно пропитывается своими элементами практически все жанры письменной книжной культуры. Так осуществляется адаптация книжной культуры народным представлениям» [16, с. 160]. С XVIII в. своеобразное соединение двух форм культуры – устной и письменной – продолжало жить и интенсивно развиваться в среде старообрядчества. Ярким примером служит тот факт, например, что старообрядцы на дыбе цитировали христианских писателей целыми страницами. Особую роль в адаптации книжной традиции в народном сознании играли духовные стихи, находящиеся на скрещении культур. Наблюдения ученых над устным репертуаром нескольких старообрядческих регионов с различной сохранностью книжной традиции показывают: чем сильнее письменная традиция, тем меньше контаминаций и пересказов текстов даже при явном угасании устных форм бытования. Это свидетельствует о несамостоятельности устной традиции, о том, что ход эволюции и разрушения устных текстов определяется состоянием традиции письменной. Пока еще чувствуется власть книги, вольностей по отношению к ней не допускается. Если забыт текст (при отсутствии книги под рукой), то он не пересказывается [17, с. 157]. Там, где угасла письменная традиция и оказалась потерянной связь с книгой, стихи пересказывались. Многочисленные экспедиции в традиционные старообрядческие регионы показали, что устная традиция старообрядчества в жанровом отношении богаче нестарообрядческой. Выделены следующие жанры старообрядческой устной культуры: литургика, молитвы, духовные стихи, легенды о Святых, апокрифы, рассказы о чудесах с иконами, обмирания, календарные песни (жнивные), щедровки (колядки), свадебные песни, лирические песни, баллады, жестокие романсы, «последние» песни, хороводные, плясовые, частушки, шуточные, колыбельные, былички, заговоры, тексты толкований житий, фрагменты народного театра [16].

Угасание книжной традиции приводит к упадку религиозных догматических представлений. В тех регионах со старообрядческим населением, где уровень книжной культуры невысокий, отмечается превалирование не только устных форм культуры, но и неглубокое, весьма поверхностное представление о догматических основах христианского вероучения в целом, а также о канонических положениях своего согласия и

отличиях его от других, в частности. Как правило, аргумент в защиту веры таков: как наши отцы верили, завещали нам, так и мы верим и следуем – в таком случае авторитет отеческих установлений – единственная опора уверенности в правильности своей веры. Там же, где книга продолжает выполнять свое высокое предназначение, религиозное мировоззрение староверов отличается большей глубиной и широтой, вера подкреплена знанием. Это, в свою очередь, придает им непоколебимую уверенность в своей правоте, так как подкрепляется она опорой на предания не только своих предков, но и, прежде всего, отцов Церкви.

Современным староверам, также как и представителям официальной православной Церкви, приходится в повседневной жизни сталкиваться с различными религиозными сектами и их добровольными проповедниками. Например, частые споры происходят с представителями секты Иеговы, которые наиболее рьяно проповедуют свои воззрения и считают себя весьма эрудированными в сфере знания Библии. Хорошо начитанному и подготовленному староверу не составляет большого труда в течение нескольких встреч если не переубедить (бывают случаи оставления секты и перехода в старообрядчество, причем не только этой секты), то, по крайней мере, выиграть преимущество в споре, опираясь на ту же Библию. Доказательством таких побед старовера является прекращение подобных посещений старообрядцев со стороны сектантов, ощутивших свою догматическую слабость перед мощной многовековой традицией. Так что и в наше время владение книжной культурой помогает современному староверу выстоять в идейной борьбе с другими конфессиями.

Таким образом, опираясь на древнюю идейную традицию иконической природы Слова, старообрядцы любили и ревностно защищали книгу от любого посягательства (книга и икона почитались в равной степени), благодаря чему сохранили и донесли до нас старую книгу. Старообрядцы, эти «грамотеи-книжники», выступают как учителя, проповедники, археографы, библиографы, палеографы, типографы, историографы, библиотекари-коллекционеры. Все это свидетельствует о высоком уровне развития книжной культуры старообрядчества.

Литература

1. Бахтина О. Н. Книга и слово в старообрядческой системе ценностей (о своеобразии старообрядческой литературы) // Мир старообрядчества: сб. науч. тр. – М.: РОСПЭН, 1998. – Вып. 4. – С. 166–171.
2. Бахтина О. Н. Традиции древнерусской литературы в старообрядческой книжности (проблема символического слова) // Культурное наследие средневековой Руси в традициях Урало-Сибирского старообрядчества: Материалы Всерос. науч. конф. / Новосибир. гос. консерватория им. М. И. Глинки. – Новосибирск, 1999. – С. 147–160.
3. Беляева О. К. К вопросу об использовании памятников древнерусской письменности в старообрядческих полемических сочинениях первой четверти XVIII в. // Общественное сознание, книжность, литература периода феодализма: сб. ст. / под ред. Д. С. Лихачева. – Новосибирск: Наука, 1990. – С. 9–16.
4. Бочкарев А., Бородихин А. Кто достанет книгу со дна // Алтайская правда. – 30 июля. – 1994. – С. 3.
5. Бубнов Н. Ю. Старообрядческая книга в России во второй половине XVII в. – СПб., 1995. – 435 с.
6. Буслаев Ф. И. Русские духовные стихи // О литературе: Исследования. Статьи. – М., 1990. – С. 334–346.
7. Вознесенский А. В. Типографская деятельность и книжная культура старообрядцев // Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки: сб. науч. тр. – Новосибирск: Наука, 1992. – С. 120–124.

8. Вургафт С. Г., Ушаков И. А. Старообрядчество: Лица, предметы, события и символы: Опыт энциклопедического словаря. – М.: Церковь, 1996. – 317 с.
9. Дергачева-Скоп Е. И., Алексеев В. Н. Книжная культура старообрядцев и их четья литература // Культурное наследие средневековой Руси в традициях Урало-Сибирского старообрядчества: Материалы Всерос. науч. конф. / Новосиб. гос. консерватория им. М. И. Глинки. – Новосибирск, 1999. – С. 91–120.
10. Дергачева-Скоп Е. И., Алексеев В. Н. Старообрядческие библиотеки в Сибири (проблемы реконструкции) // Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки: сб. науч. тр. – Новосибирск: Наука, 1992. – С. 125–130.
11. Дутчак Е. Е. Старообрядческое согласие странников (вторая половина XIX–XXвв.): дис... канд. истор. наук. – Томск, 1995. – 276с.
12. Костомаров Н. И. Раскол: историческое монографическое исследование. – М.; Смоленск, 1994. – 606 с.
13. Краткая история старообрядческой церкви // Старообрядческий церковный календарь. – М., 1989. – С. 86–100.
14. Кутузов Б. Церковная реформа XVII века: трагическая ошибка или диверсия? // Церковь. – 1992. – № 1. – С. 43–51.
15. Латкин Н. В. Енисейская губерния, ее прошлое и настоящее: очерк. – СПб.: Тип. Тиханова, 1892. – 467 с.
16. Никитина С. Е. Исследование устной культуры старообрядчества: итоги и перспективы // Мир старообрядчества: сб. науч. тр. – М.: РОСПЭН, 1998. – Вып. 4. – С. 30–36.
17. Никитина С. Е. О взаимоотношении устных и письменных форм в народной культуре (на материалах полевых исследований старообрядчества) // Славянский и балканский фольклор. – М.: Наука, 1989. – С. 149–161.
18. Пругавин А. С. Старообрядчество во второй половине XIX в.: Очерки из новейшей истории раскола. – М., 1904. – 281с.
19. Рябушинский В. П. Старообрядчество и русское религиозное чувство. – М.; Иерусалим: «Мосты», 1994. – 234 с.
20. Старообрядец: Старообрядцы и книга // Алтайский крестьянин. – 1914. – № 10. – С. 9.
21. Успенский Б. А. Раскол и культурный конфликт XVII в. // Успенский Б. А. Избранные труды. – М.: Гнозис, 1994. – Т. 1. Семиотика истории. Семиотика культуры. – С. 333–367.

Д. А. Филин

*кандидат философских наук, доцент
кафедры культурологии и искусствоведения*

Кемеровский государственный университет культуры и искусств

ВИЗАНТИЙСКОЕ МОНАШЕСТВО И КРИЗИС ИМПЕРИИ РУБЕЖА XII–XIII ВВ.

12 апреля 1204 года столица империи ромеев Константинополь, богатейший европейский город с полумиллионным населением стал добычей двадцатитысячного войска европейских варваров. Произошла настоящая катастрофа, неожиданная как для жителей империи, так и для других православных народов. Византия не смогла никогда от нее оправиться и вернуть себе статус великой политической державы, а Константинополь утратил свое царственное величие. Что же произошло? Каким образом славнейший и огромный город, неоднократно отражавший куда более серьезных врагов, на девятом

веке своего существования оказался захваченным отрядом западноевропейских рыцарей? Почему несколько десятков тысяч мужчин, способных носить оружие, не вышли на стены города? Современники произошедшего узрели в падении столицы внезапно обрушившуюся божественную кару [4, с. 50].

Участник событий, великий византийский историк Никита Хониат первый предложил в качестве рационального обоснования произошедшей катастрофы использовать концепцию упадка нравов, ставшую еще во времена Тита Ливия и Тацита «общим местом» римской историографии [12, с. 593]. Крупнейший основоположник отечественного византиноведения Ф. И. Успенский по сути дела продолжил линию Хониата, называя в качестве предпосылок падения Константинополя сепаратизм провинций, отделение Болгарии, этническую и религиозную некомплементарность франков и греков, а также полную распущенность беспорядочной правительственной системы и забвение государственных интересов во имя частных [22, с. 466–485]. О последних двух группах причин и пойдет речь в данной публикации. Мы считаем их необходимыми и достаточными для объяснения интересующего нас факта. Главным моментом новизны нашей публикации является предположение о том, что именно нравственный упадок монашества стал основной причиной, фундаментальной предпосылкой политического кризиса Византийской империи рубежа XII–XIII вв.

Итак, последний великий правитель Византии Мануил I Комнин умер 24 сентября 1180 года. На империю опустился мрак «как при затмении солнца». Действительно, последние Комнины не соответствовали грандиозной задаче сохранения величия Ромейской державы. Алексей II (1180–1183) проводил время в пустых удовольствиях, травлях и конских скачках, в компании дурных товарищей, развивая самые низменные склонности. Еще более его превзошел в следовании злему Андроник I (1183–1185), который «считал для себя тот день погибшим, когда он не захватил, или не ослепил какого-нибудь вельможу, или кого-нибудь не обругал, или, по крайней мере, не устрасил грозным взглядом и диким выражением гнева» [14, с. 407]. Именно при нем в 1185 году страшные норманны взяли и разграбили дочиста второй по величине город империи – Фессалонику. Но лучше ли их были следовавшие за ними Ангелы? Исаак I (1185–1195) очень ценил вино и женщин, каждый день принимал ванны и натирался благовониями. За пиршественным столом он использовал священные сосуды, кощунствовал, снимал оклады с крестов и книг и делал из них цепи и украшения для своей одежды. Исаак любил безгранично своего старшего брата Алексея, выкупил его из турецкого плена и всецело ему доверял. Последний же ответил на братскую любовь тем, что сверг его с престола, бросил в темницу и ослепил.

При самом Алексее III Ангеле (1195–1204) процесс нравственного упадка правящего меньшинства дошел до анекдотических пределов. Когда император послал эскадру ограбить греческий караван, навархи Ангела переусердствовали и обобрали все встретившиеся им корабли, в том числе и турецкие! За что иконийский султан объявил ромеям войну. Муж сестры императрицы мегадука Михаил Стрифн, по прозвищу «толстопузый», вместе с друнгарием флота Стирионе открыто торговал всем имуществом военно-морского ведомства: якорями, парусами, канатами, веслами и даже гвоздями. Так что ко времени похода крестоносцев на Константинополь не оказалось ни одного крупного военного корабля, способного выйти в море!

Начальник государственной тюрьмы Лагос, чтобы заработать побольше денег, по ночам стал выпускать самых ловких воров на промысел, утром, возвращаясь, они приносили ему добычу и он сам уступал им небольшую ее часть. Ангелы были особенно корыстолюбивы и падки до развлечений. Торговля должностями, взяточничество и коррупция достигли в их правление невиданного размаха: «Не только пролетарии, торговцы, меновщики и продавцы платья уdstаивались за деньги почетных отличий, но

и скифы и сирийцы за взятки приобретали ранги» [15, с. 140]. Доходило даже до того, что один видный сановник выносил на рынок и продавал рыбу, которую получал от благодарных просителей.

Более всего нас потряс следующий факт, аналога которого мы не припомним во времена Неронов и Калигул. Убив чуть ли не единственного талантливого полководца империи, освободителя Фессалоники, мятежника Алексея Врану, приближенные Исаака забавлялись тем, что перебрасывали друг другу дротиками его отрубленную голову с оскаленными зубами, словно мяч (1185 г.). Особо «утонченное» издевательство людей, которые ходили на воскресную литургию и слушали Евангелие Христа! [15, с. 42–44; 7; 8; 11; 22; 24]. Комментируя Хониата, Успенский подчеркивал, что «в высшем обществе угас дух патриотизма и выдохлось понятие о чести и достоинстве. Полное безразличие к общественному благу и погоня за личным счастьем, понимаемым в узком смысле личного удовольствия, отличает деятелей изучаемого периода» [22, с. 381].

По нашему мнению, тенденции, чутко уловленные Хониатом, были уже весьма заметны во 2-й половине XI столетия. Определены они «индивидуализацией» сознания. Назовем так изменения в ромейском менталитете: развитием таких черт характера как исключительное себялюбие, эгоцентризм, замкнутость на своих собственных проблемах, руководство в деятельности почти исключительно гедонистическими мотивами, и как долговременное историческое следствие в конечном итоге – предпочтение частных, своекорыстных интересов общим. В начале же «индивидуализация» сознания³ весьма способствует развитию творчества, появлению новых одаренных индивидов.

На этот процесс указывают следующие факты. В XI веке в Византии начинается массовое употребление фамилий. 28,5 % семей, зафиксированных в специальной анкете А. П. Каждана, ведут начало именно с периода 1025–1081 гг. [9, с. 225, 258]. Родовитость с середины XI века становится в общественном сознании необходимым элементом аристократизма. С эпохи Комнинов только выходцы из аристократической среды занимают византийский трон [13, с. 39]. Само государство Комнинов есть не что иное, как господство нескольких десятков фамилий, связанных между собою родственными узами. Каждан подчеркивает, что семьи комниновского клана были теснее связаны с деревней, провинциальным землевладением, нежели военная знать вне клана [9, с. 259], то есть они были менее гедонистичны, более аскетичны, чем их предшественники и конкуренты. Поэтому они то и спасли Византию во время жесточайшего внешне- и внутриполитического кризиса второй половины XI века и вернули ей международный престиж на период чуть более века. Византия XII века уже не была первой державой Европы как в раннее средневековье, но оставалась одной из ведущих европейских стран.

Идеал аскета, изначально определявший движение византийской истории, потеснили, во-первых, идеал образованного человека (византийского интеллигента), который талантлив, энергичен и добивается счастья своими знаниями и личным трудом (это и Пселл, и Иоанн Итал, и Феодор Продром, и Иоанн Цец); во-вторых, западноевропейский рыцарский идеал со всеми его характеристическими чертами (проявление верности, дружбы, воинской удали), воплощенными в личности Мануила I Комнина [9, с. 240].

Авторы XII столетия гордятся своим талантом, образованностью, проявляют повышенный интерес к собственной индивидуальности: обобщенности предпочитая наблюдательность, интерес к деталям, мелочам быта [10, с. 246]. В дальнейшем, в XII в., индивидуализация ведет к профанации творчества. Иоанн Цец, сам будучи ярчайшим примером профессионального дилетантизма, возмущается, что в его время все пишут стихи: женщины и младенцы, всякий ремесленник и даже жены варваров [10, с. 241].

³ Не путать с «индивидуализмом без свободы» А. П. Каждана, что означает отсутствие включенности византийца в ряд вертикальных и горизонтальных корпоративных связей, одиночество его перед Богом и всемогущим государством [10, с. 100–101].

Советы Кекавмена (2-я половина XI в.) больше всего касаются взаимоотношений с начальством и подчиненными, безопасности собственного положения, репутации в глазах властей. Такие понятия, как дело, долг, честь, не присутствуют на страницах его книги [21; 10, с. 206]. Симеон Новый Богослов, творчество которого по-своему индивидуалистично, утверждал, что дружбы не существует, есть только тяга к болтовне и совместной жратве [10, с. 168]. В то время как в ранневизантийские времена дружба была величайшей ценностью. Надгробное слово Григория Богослова на смерть Василия Великого – настоящий гимн бескорыстной и нерушимой дружбе [5, с. 730–795].

Процесс индивидуализации сознания ведет к расшатыванию традиционных церковных устоев в сфере семьи и положения женщины. На рубеже XI–XII вв. на адюльтер и внебрачные связи смотрят в обществе уже снисходительно, а внебрачных детей приравнивают к потомству от официальных супругов. Женщина пробивает путь к образованию и общественной жизни. Становится весьма актуальным продромов образ властной матроны, держащей под каблуком своего мужа [10, с. 57].

Наконец, интенсивно продолжается начавшийся еще в XI в. процесс смены архитектурной парадигмы – крестово-купольные храмы идут на смену базиликам более крупных размеров. Каждан отмечает, что «Юстиниан строил общественные храмы, василевсы XI–XII вв. дворцовые часовни и усыпальницы. Это стремление к интимному храму с карликовыми пропорциями архитектурных элементов отчетливо обнаруживается в константинопольском зодчестве XII в., а в провинции – еще раньше» [11, с. 226].

Как бы подводя итоги сказанному, Хониат сетует, что на Западе давно уже знали, что в Ромейской державе заняты только пьянством и что Константинополь превратился в новый изнеженный Сибарис. Язвами ромейского общества стали всеохватывающий эгоизм, себялюбие, забота исключительно о самом себе. Люди пренебрегают близкими, родными, Родиной: ими движет лишь жажда самосохранения и корыстная трусость. Моральные нормы утратили сдерживающую силу, человек стал руководствоваться исключительно обстоятельствами и масштабами своих возможностей [15, с. 51; 11, с. 294–295].

Итак, за всеми вышеперечисленными фактами стоят, на наш взгляд, одни и те же изменения в менталитете, названные нами процессом «индивидуализации» сознания. Первоначально он способствует расцвету творчества, потом его профанации, сопровождается же всегда ростом своекорыстных эгоистических интересов, жертвой которых, в конце концов, становится «общее дело». Л. Н. Гумилев назвал людей такого склада «актуалистами». Они приходят на смену «пассеистам». Для последних (первых во времени) характерна жертвенность во имя общего блага коллектива. «Пассеисты» чувствуют себя продолжателями линии предков, традиции (сюда можно отнести и подвиги Леонида в Фермопилах, Пересвета и Осляби на Куликовом поле). «Актуалисты» же стремятся жить сейчас, для себя, а не для традиции. Они совершают подвиги, но ради собственной алчности, открытия – для собственного тщеславия, ищут высокого положения, чтобы насладиться властью. Такие люди живут настоящим, часто по пословице: «Хоть день, да мой» или «После нас хоть потоп». Когда процент «актуалистов» увеличивается, то наследство, накопленное предками, быстро растрачивается, почему и создается иллюзия кратковременного расцвета, а это и есть эпоха Комнинов в истории Ромейской державы [6, с. 96–98].

Центральным тезисом нашей публикации считаем утверждение, что главную роль в кризисе рубежа XII–XIII вв. играла относительная деградация духовной элиты византийского общества – монашества, стремительное падение уровня аскетической жизни в эту эпоху. Самым надежным подтверждением данного высказывания являются статистические данные по изменению количества православных святых, на основе соответствующего списка трехтомного словаря «Христианство», а также дополнительных сведений, приводимых у И. И. Соколова [19, 23]. Автор не претендует на точность (каждая

цифра приближительна), но любой, проделавший ту же работу, получит то же соотношение. Для IX века мы насчитали около 123 человек, для X в. – около 48, для XI – около 29 и, наконец, для XII – около 14 святых. Причем деятельность двух из подвижников, которых мы отнесли к XII столетию – знаменитого Христодула Патмосского (+1111) и Климента Столпника (+1111) в основном приходится на XI век. Другие из отнесенных сюда же – афонские монахи – Иоанн Кукузел и Симеон Мироточивый были славянами из соседних стран. Деятельность Леонтия Иерусалимского, Саввы Сурожского, а также Хремеса, Николая и Сильвестра Сицилийских, Петра Калабрийского протекала на периферии византийского культурного мира – тех территориях, которые империи ромеев давно не принадлежали⁴.

Учитывая все это, нельзя не поразиться тому, какое духовное запустение произошло в Византии в XII веке! И это несмотря на сотни монастырей и храмов, существовавших здесь. За внешней оболочкой церкви угасал костер настоящего подвижничества, и, прежде всего, это касается самого Константинополя, где вместе с окраиной, по отзыву русского путешественника, было до 40 тысяч монахов и 14 тысяч монастырей (включая и мелкие – от 3 до 10 человек) [13, с. 85]. Осталась «мода» на монашество, но не само его «сердце» – освобождение от страстей и умное делание. Поэтому, совершенно закономерно, что пик критики пороков внутри самой церкви приходится на XI, в особенно – XII век. Уже Христофор Митиленский (XI в.) высмеивал тех из «почитателей святых», которые собрали в свои лари по дюжине рук Святого Прокопия и ровно четыре черепа Святого Георгия [13, с. 77].

Резким обличителем харистикарной системы был антиохийский патриарх Иоанн (XII в.). В ее распространении он считал виноватыми как православных царей, так и слабых патриархов. «Лишь только харистикарий получит в свою власть монастырь, – негодует церковный писатель, – он тотчас распускает ненасытную пазуху и кладет туда все принадлежащее монастырю, – не только дома, поместья, скот и разнообразные доходы, но и самые храмы; кафигумена и монахов он считает за своих рабов, всех и все рассматривает как свою благоприобретенную собственность; всем пользуется безбоязненно и по своему желанию, как своим наследством. Божьим храмам и монахам он уделяет какую-нибудь весьма малую часть из всего дохода, да и это давая как милостыни за свою душу и с предъявлением к монахам многих требований. Я уже не говорю о разрушении храмов, жилищ и поместий – вследствие того, что он всегда следит только за тем, чтобы были доходы, и не любит расходов. Особенно худо, если с этим душегубительным даром соединяется безответственность» [19, с. 298].

И Симеон Новый Богослов, и Пселл, и Никита Хониат говорят о лицемерии как о самом заметном и пагубном пороке монашеской жизни. Хониат горько иронизирует, что «“подвижники” только потому и монахи, что остригли себе волосы, переменили платье и отпустили себе бороду» [14, с. 268].

Особенно много изобличал пороки византийской духовной элиты Евстафий, митрополит Фессалоникийский (около 1110 – около 1194), представивший нам целую галерею лиц. Выгода – вот настоящая цель этих лицемеров. Этот род людей посредством пострижения приобретает себе право на торговлю. Ибо, не употребляя мяса и будучи довольны

⁴ В таком контексте статистическая закономерность, выведенная Х. Лопаревым, может получить дополнительное объяснение. Он отмечал, что в IV-V вв. было написано приблизительно по 50 агиографических памятников на столетие, в VI, соответственно – 20, в VII – 30, в VIII-IX – огромное множество, X – 11, XI – 18, XII – 6, XIII – 8, XIV – 9, XV – 5. С. В. Полякова объясняет числовой разрыв между X и XII столетиями вступлением агиографии на почву высокой литературы, что означало резкое падение ее «массовидности», количественных показателей [18, с. 266]. Однако возможна и другая причина – объективное падение уровня святости, о котором речь идет в данной статье (XII век вполне сопоставим здесь с XV – последним столетием существования Византии!).

скудной пищей, они получают от этого прибыль; они не страшатся и сборщиков пода-тей, которые могли бы уменьшить их барыш. Они разводят виноградники, заботятся о садах, умножают стада всякого рода животных и делают все, посредством чего можно доказать, что они принадлежат миру. Некоторые распорядители монастырских имуществ именно так улаживают своих духовных отцов и «даже приобретают воровством благословение и похвалы». Эти лицемеры хитростью привлекают в монастырь простаков и овладевают всем их имуществом. «Очистив пазуху пришельца, исполнив желание своего сердца, они отпускают его свободно гулять на волю, так как в нем не оказалось-де и следа добродетели. Если он как-нибудь вздумает ворчать, тогда сейчас же найдется много против него: и что ты за человек и какая в тебе сила, и какая от тебя польза? Они пригрозят этому человеку, что он лишится и остального, что ему было оставлено по общему соглашению при отпущении на свободу; они сошлются при этом на правило и свой почтенный устав, по которому каждый из братьев обязывается к нестяжательности, – у них, таких стяжателей» [Цит. по 19, с. 378–379].

Евстафию вторит сатирик Феодор Продром (XII в.), который уподоблял мышь игуменью, что весьма далека от благочестия, хотя так и сыпет библейскими цитатами, на уме же у нее только коровье масло, ягнячье мясо, овечье молоко да мед [13, с. 87]. Хониат пишет, что монахи больше хлопочут о мамоне, чем гедонистически настроенные миряне [14, с. 267]. Далее Евстафий бичует такие пороки современного ему монашества, как чревоугодие, пьянство, телесную изнеженность, крайнюю гордость, самоуправство, блуд,⁵ гнев, невежество и презрение к знаниям. Однажды, спросив у игумена одного из монастырей замечательный кодекс творения св. Григория Богослова, он услышал в ответ, что книга недавно продана и непонятно для чего вообще нужны монахам такие книги. После иронии Евстафия («Для чего или для кого нужны и вы достопочтенные монахи, если для вас бесполезны такие книги?») игумен резко поворотился спиной и больше уже никогда с ним не разговаривал [19, с. 380–385]. Честный и прямодушный Евстафий, желал было бороться с этими пороками, но нажил столько врагов, что вынужден был даже временно удалиться с митрополичьей кафедрой (ок. 1185 г.) [19, с. 3481].

Именно на XII столетие приходится рост религиозного безразличия, скепсиса. Когда в конце этого века афинский митрополит приехал в Фессалонику – второй по величине город империи, он поразился: во время богослужения церкви совсем пустовали. Когда провинциальные вельможи потешались над Исааком II Ангелом, то он их послал к патриарху для разрешения от церковного проклятия: одни считали это совершенно бессмысленным делом, другие иронизировали над тем, что Исаака Ангела в детстве готовили к церковной карьере и вот теперь он от них требует то, к чему привык с малолетства. Наконец, по-своему об «оскудении» монашеской жизни свидетельствует тот факт, что традиционные жанры агиографии, литургической поэзии «застывают», становятся слишком стереотипными, нетворческими [10, с. 241–243].

Итак, монашество – «соль земли» – стало в XII веке стремительно терять силу, последнее отметили еще протестантские историки позапрошлого века (Неандер, Куртц и др.), а за ними и Ф. И. Успенский. Однако, полбеда, если бы перед нами было общество с другими ценностями, более светски ориентированное, но главная беда, по нашему разумению, в том, что монашество занимало исключительное положение в Византии. Оно было духовной элитой этого общества. Господствующей идеологией на протяжении всего тысячелетнего существования Ромейской империи оставалось христианство, идеалом общества всегда был идеал аскета – святого (см. [1]). Именно христианские ценности

⁵ Вальсамон повествует, что он во времена патриарха Кир-Луки (1156–1169) видел одного монаха Леонтия Музака, который даже на собор явился с женщиной, не желая с ней расставаться ни на один миг! [19, с. 383].

соединяли общество. Им посвящено все необъятное море святоотеческой литературы. Возьмем, например, широко известную гомилию на первый псалом Василия Великого. Святитель перечисляет те качества, которые должны соответствовать христианской жизни: благоразумие, безгневие, дружба, любовь, целомудрие, мужество, справедливость, покаяние, безмерное терпение. Псалом, по Василию Кесарийскому, – «союз дружбы, единение разобщенных, враждующих примирение» [16, с. 50–51]. Это определение можно считать своего рода краткой формулой христианской общественной жизни, соборности. Вышеперечисленные качества, которые призваны направлять жизнь в христианском обществе, во многом уже отсутствовали в византийской жизни XII столетия, особенно в правящем меньшинстве. Грекам не хватало ни мужества, ни единения, ни терпения, ни способности к сверхусилию в роковую весну 1203 года. Эти качества были у представителей правящего меньшинства и в 626 г. при осаде Константинополя аварами и в 717–718 гг. – арабами, и в 860 г. – руссами: как раз в века византийской духовности, «монашеского пира» (метафора И. И. Соколова). Только для одного IX столетия мы насчитали канонизированных святых около 123 человек. Именно они всей душой защищали нравственные устои общества, путем мимезиса распространяя данный тип поведения (см., например, примеры высоконравственной жизни монахов того времени в Афонском Патерике – [3]). «В житии почти каждого византийского подвижника можно прочесть о том, какое благотворное влияние имел на окружающую среду пример высоконравственной его жизни, как под действием его добродетели изменилась нравственность лиц, имевших сношения с ним, как последние воспламенялись желанием вести иноческую жизнь и т. п.» [19, с. 392]. Так, например, поучения и советы монаха Евфимия для императора Льва Философа имели безусловное значение. Никифор II Фока высоко ценил руководство и духовную дружбу Афанасия Афонского. К этому же святому отовсюду собиралось множество народа – одни принять благословение, другие – спросить о предметах сомнительных или малоизвестных. Никто от него не уходил без душевной пользы. Евфимий Новый многих граждан Фессалоники обратил к добродетели, нравственной жизни. Вере и нравственности учили Симеон Новый Богослов и Никон Черногорец.

Не стоит забывать, что в Византии почти каждый монах был грамотен, а многие и учительствовали (пример славянских первоучителей Кирилла и Мефодия всем известен). Наконец, эти люди, порвавшие с миром и поэтому ничего не боявшиеся, были решительными обличителями пороков и заблуждений общества. К примеру, Василий Новый, приглашенный во дворец, публично изобличил Романа Старшего в сребролюбии и распутстве и вызвал у императора настоящее раскаяние. Евфимий был горячим преследователем Стилиана Заутца, будущего тестя Льва VI, так что царь в конце концов признал себя главным виновником злодеяний Заутца и обещал Евфимию обуздать его. Голос Павла Латрского имел такую силу, что начальник корабля по одной его просьбе освободил десять провинившихся морских солдат, заключенных в оковы [19, с. 392–395]. Примеров, подобных данным, можно привести множество. Все они свидетельствуют о том, что самой нравственной, самой созидательной силой византийского общества было именно монашество, иначе и быть не могло, ведь это общество родилось в результате «аскетического сжатия» IV–V вв.

По ходу наших рассуждений, интересно отметить такую закономерность, еще требующую своего настоящего исследования. Подавляющее большинство канонизированных святых было не бедного, а знатного происхождения. Из аристократических семей происходили не только величайшие подвижники IV в. Антоний Великий, Афанасий Александрийский, каппадокийцы, Иоанн Златоуст, но и Илия Новый, Илия Пещерник, Михаил Малейн, Никон Метаноите, Нил Россанский, Афанасий Афонский, Феодор Студит, Симеон Метафраст, Симеон Новый Богослов и многие, многие другие известные подвижники того времени. Легче и быстрее перечислить выходцев из бедных семей в монашест-

ве IX–XI вв. – это Лука Элладский, Мелетий Новый, Христодул. Они – известные святые второй половины XI века. Чем объяснить такое положение вещей? У нас нет настоящего ответа. Высокий уровень образованности характерен далеко не для всех – тот же основатель монашества Антоний Великий не захотел учиться грамоте (другой перевод – «не стал учиться грамоте, не желая общаться с другими отроками»), единственным его стремлением было по-простому жить в доме своем [16, с. 40–41; 2, с. 179]. Афанасий Александрийский добавляет интересную подробность, что «воспитывался Антоний в умеренном достатке, не досаждал родителям просьбами разных дорогих яств и не искал в них улады; он довольствовался тем, что у него было, и ни к чему большему не стремился». По смерти же родителей он ушел в пустыню [16, с. 40; 2, с. 180]. Думается, мы приблизимся к ответу, если вспомним, что люди со значительным материальным достатком, принадлежавшие к привилегированному слою, и в других типах общества так же становились на путь аскезы (таковы Рылеев, Перовская, Лев Толстой – в русской истории, Сиддхартха Гаутама – в истории индийской). Они очень часто отличались особым рвением на этом пути и поэтому попадали на страницы истории. Не влияла ли на «тонкость душевной организации» и сама атмосфера в семьях, необязательно аристократическое воспитание? Мы не находим прямого ответа на этот вопрос.

Стоит, пожалуй, также подчеркнуть, что в Византии той эпохи монашеская жизнь была весьма разнообразна. Здесь существовали и столпники, и странники, и затворники, босоногие (спавшие на голой земле), нагие, босые, грязные, пещерники, молчальники, носившие железные вериги, и даже икеты (просящие). Последние собирались вместе с монахинями для прославления Бога путем пения гимнов, песен и плясок по примеру Моисея и Мариам, переходивших Чермное море [19, с. 287]. В общем, эта свобода подвижничества компенсировала строгость монашеской жизни, делала ее более привлекательной. Так что в византийском обществе IX–XII вв. даже существовала своеобразная мода на монашество. «Постройка новых монастырей сделалась своего рода манией. Всякий, кто только имел возможность, считал ее чуть ли ни главной своей обязанностью. Бедняки в случае экономической несостоятельности строили их *in cogroge*». Доходило до того, что любовники возводили монастыри для своих любовниц [19, с. 107]. Все монахи и даже частные лица хранили у себя фрагменты мощей святых. В Афонской Лавре Святого Афанасия существовал календарь, состоявший из 12 ящичков – «месяцев», в каждом отделение по числу дней месяца, в отделении частица мощей святого, память которого отмечается в данный день [18, с. 270]. Как нам кажется, эти факты свидетельствуют о постепенной профанации монашеской жизни⁶, связанной с общим падением духовного уровня и «индивидуализацией» сознания, которые и стали предметом рассмотрения нашей статьи.

Подводя итоги, следует еще раз подчеркнуть, что проанализированные нами факты свидетельствуют о вполне закономерном падении Константинополя в 1204 году. Оно стало, по-видимому, конечным следствием того широкого процесса «индивидуализации» сознания, который охватил византийцев в XI–XII вв. и определяющим фактором которого является постепенное угасание православной святости, понижение нравственного уровня монашеской жизни, достигшее критической отметки именно в это время. Главный удар, главная точка приложения внешней силы был направлен в то место, где «гедонистическое расширение» и упадок нравов достигли наибольшего выражения – это столица империи. Ее сокрушили варвары с Запада, а жизнеспособные окраины продолжили свое существование в виде отдельных греческих государств.

⁶ Они не характерны для IV–VI вв. – подлинного «золотого века» монашества, поэтому для IX – начала XI в. более приличествует в этом смысле название «серебряного века», а не «золотого», как считал И. И. Соколов.

Литература

1. Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы. – М., 1977. – 325 с.
2. Афанасий Александрийский. Творения: в 4 т. – М., 1994. – Т. III. – 524 с. – С. 178–250.
3. Афонский патерик. – М., 1994. – 558 с.
4. Георгий Акрополит. История / пер., вступит. ст., комм. и прил. П. И. Жаворонкова. – СПб., 2005. – 415 с.
5. Григорий Богослов. Собрание творений. – Минск; М., 2000. – Т. 1. – 832 с. – С. 730–795.
6. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. – М., 1993. – 503 с.
7. Дашков С. Б. Императоры Византии. – М., 1997. – 368 с.
8. История Византии: в 3 т. / под ред. А. П. Каждана. – М., 1967. – 371 с.
9. Каждан А. П. Социальный состав господствующего класса Византии XI–XII вв. – М., 1974. – 273 с.
10. Каждан А. П. Византийская культура (X–XII вв.). – СПб., 1997. – 280 с.
11. Каждан А. П. Два дня из жизни Константинополя. – СПб., 2002. – 320 с.
12. Кнабе Г. С. Рим Тита Ливия – образ, миф и история / Тит Ливий. История Рима от основания города. – М., 1993. – Т. III. – 766 с. – С. 590–655.
13. Литаврин Г. Г. Как жили византийцы. – М., 1974. – 200 с.
14. Никита Хониат. История, начинающаяся с царствования Иоанна Комнина / пер. под ред. В. И. Долоцкого. – СПб., 1860. – Т. 1. – 446 с.
15. Никита Хониат. История, начинающаяся с царствования Иоанна Комнина / пер. под ред. Н. В. Чельцова. – СПб., 1862. – Т. 2. – 464 с.
16. Памятники византийской литературы IV–IX веков / отв. ред. Л. А. Фрейнберг. – М., 1968. – 355 с.
17. Памятники византийской литературы IX–XIV веков / отв. ред. Л. А. Фрейнберг. – М., 1969. – 463 с.
18. Полякова С. В. Византийские легенды как литературное явление // Византийские легенды / под ред. Д. С. Лихачева. – М., 1972. – С. 245–273.
19. Соколов И. И. Состояние монашества в Византийской церкви с середины IX до начала XIII века (842–1204): Опыт церковно-исторического исследования / вступ. ст. Г. Е. Лебедевой. – СПб., 2003. – 464 с.
20. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество / общ. ред., сост. и пред. А. Ю. Согомонова. – М., 1992. – 543 с. – С. 427–504.
21. Советы и рассказы Кекавмена: Сочинения византийского полководца XI в. / пер., ком. Г. Г. Литаврина. – М., 1972. – 302 с.
22. Успенский Ф. И. История Византийской империи. – М., 2002. – Т. 4. – 496 с.
23. Христианство: энциклопедический словарь: в 3 т. / гл. ред. С. С. Аверинцев. – М., 1995. – 783 с.
24. Юревич О. Андроник I Комнин. – СПб., 2004. – 256 с.

В. В. Казаневская

доктор философских наук, профессор

г. Томск

КАТЕГОРИЯ «ДЕТЕРМИНАЦИЯ» В ПСИХОЛОГИИ ЛИЧНОСТИ

Исследование категории «детерминация» в общенаучном и философском аспекте (как причинной связи), концепция механического детерминизма Лапласа в социальном аспекте (выделение причинных целей) преследовало основную цель – выделение из кажущегося хаоса исторических событий причинно-следственных цепей. В современной западной социологии одно из ведущих мест занимают концепции «технологического детерминизма», представляющие прогресс человечества результатом бурного развития науки и техники.

Недостаточность подобных обобщенных и потому упрощенных представлений о детерминации в ходе научных исследований обнаружилась довольно рано. Философ-позитивист Д. С. Милль (1806–1873) высказал мысль о многофакторном характере детерминации.

Минуя многие опосредования в развитии этой мысли, можно сразу перейти к предположению о том, что в процессе исследования детерминации первоначальные представления о причинно-следственной связи были представлениями о линейной причинно-следственной связи; и лишь по мере развития этих исследований возникла мысль о возможности структурированных связей, о структурном характере этих связей. Собственно говоря, такой ход мысли присущ любому исследованию, когда от представления о линейных связях переходят к изучению более сложно организованных связей, то есть к изучению структурированных связей.

Значительное место в развитии представлений о структурированных связях занимают так называемые системные представления. Системные представления, как правило, основываются на определенной системе понятий, предполагающей определенные связи. Системные представления на начальном этапе развития назывались системным подходом, суть которого состоит в том, что изучаемый объект рассматривается как система. Очевидно при этом, что дело сводится к тому, что понимается под системой, и это – совсем не простой вопрос. Дело в том, что системный подход по мере своего развития в различных отраслях знания превратился в обширную сферу с десятками отдельных теорий, отдельных фундаментальных принципов, проявленных в самых разных отраслях знания, отдельных весьма популярных понятий, «вхожих» в различные отрасли знания и т. д. Поэтому в настоящее время под системным подходом могут пониматься любые из существующих системных понятий, или принципов, или теорий, а их выбор окажет детерминирующее влияние на исследуемый объект.

В данной статье в качестве ее системной основы будет применена не категориальная общая теория систем [1], а психологическая теория, в понятиях которой обсуждается проблема психической детерминации – это интегральная теоретическая психология личности [2].

Если несколько продолжить логику развития представлений о структурности связей внешнего мира, то мы приходим к предположению о том, что разным объектам присущи

и разные структуры связей и разные элементы, которые соединяют эти связи. Очевидно, что здесь и начинается детерминация объектов, то есть общие контуры детерминации объекта зависят от выбора теории для его описания, если теория есть, или от разработки соответствующей теории, если теория еще не разработана. В качестве такой общей психологической теории, как сказано выше, в данной статье принята интегральная теоретическая психология личности.

Таким образом, детерминация любого объекта может быть рассмотрена на его различных уровнях и в более или менее обобщенном виде. Под детерминацией объекта может подразумеваться причинность как таковая, или общие методологические принципы, или, наконец, та или иная теория. Как известно, детерминация личностной проблемы в условиях избытия психологических теорий личности может опираться на любую из них, и тогда в каждом случае будет получена своя картина.

В данной статье речь идет о внутриспсихической детерминации личности, представления о которой развиваются в составе интегральной психологии личности.

Согласно положений интегральной психологии личности, психика человека может быть представлена двумя составляющими – объективной и субъективной. Обе составляющие имеют детерминирующую функцию, но в них различно выглядят процессы детерминации. В данной статье обсуждается проблема психической детерминации в ее субъективном аспекте. Понятие детерминации имеет важное значение для психологии индивидуальности, для дифференциальной психологии, для психологии субъекта. Общее утверждение, которое мы выдвигаем с самого начала обсуждения: различие людей состоит, прежде всего, в их различной детерминации. Теоретическая идея данной статьи в том, что принцип детерминизма должен занять свое место в изучении психологии личности. В статье обсуждается вопрос о том, в чем заключается эта роль, в каких понятиях она выражается, в решении каких задач она найдет свое конструктивное применение и т. д.

Понятие детерминации можно встретить в различных областях знания. Не претендуя на полное освещение данного вопроса, остановимся на сфере социологии, так как наиболее близкими к теме данной статьи являются разработки данного понятия в области социологических наук. Следует заметить, что в социологии это понятие играет гораздо большую роль, чем в психологии. Поэтому опыт разработки понятия детерминации в сфере социологии, возможно, применим и в сфере психологии.

Нельзя сказать, что понятие детерминации не применяется в современной психологии. Детерминация как принцип причинности, детерминация как утверждения теоретического плана и т. д. Однако это понятие применяется в современной психологии в самом общем смысле.

Само по себе понятие детерминации имеет обширный масштаб и в каждом конкретном случае в зависимости от уровня его расположения – собственное отдельное содержание. Можно сказать, что это понятие может употребляться в различных его статусах, от более общих до строго конкретных. Поэтому говорить о детерминации приходится не только в его общем смысле, но и в конкретном значении. В данной статье речь идет не о детерминации вообще, как о принципе, но о конкретной детерминации – детерминации на уровне внутренней психики, и эта детерминация имеет ряд конкретных выражений, конкретных знаний. Мы здесь говорим о психической детерминации, о детерминации психики. В монографии [2] эта проблема, в составе других теоретических проблем психологии личности, обсуждается и обосновывается в целом, на основе принципа природообусловленного. Данная статья посвящена именно понятию детерминации, содержанию личностной психической детерминации. Основные положения личностной психической детерминации заключаются в следующем:

- личностный уровень психики имеет собственное внутриспсихическое функционирование; это значит, что личность не только реагирует на стимулы и обрабатывает

потребности, но она также имеет собственно психические функциональные потребности, реализация которых в функциональной форме и составляет внутреннюю психическую жизнь; это – эмоциональное функционирование, ментальное функционирование, волевое функционирование; подобным же образом, то есть функционально, проявляются и личностные свойства категориального состава личности, которые составляют важнейшую личностную детерминацию;

- структурная личностная детерминация осуществляется через механизмы формирования ассоциативных образований и является важнейшей причиной субъективности строения личности;

- константная детерминация вполне субъективна и индивидуальна.

Таким образом, понятие детерминация является в интегральной психологии основным выразителем индивидуальности каждой личности, отличия каждой конкретной личности от всех других. Далее эти основные положения личностной психической детерминации рассматривают несколько подробнее.

О терминах «психический» и «психологический» следует заметить, что их различие, возможно, играет большую роль в определенном контексте, но в данной статье термин «психологический» будет применяться лишь в том случае, когда речь будет идти о психологии, а не о психике. В случаях, когда говорится о психике, то и термин будет употребляться «психический». Поэтому детерминация свойств, состояний и функций психики будет называться психической детерминацией, роль и значение этих понятий для психологии будет называться психологической.

Основой для интерпретации всех понятий и всего содержания статьи, как уже указано выше, служит интегральная теоретическая психология личности [2]. У этой теории есть свои отличительные особенности, некоторые из них будут упомянуты в данной статье. Одна из них – представление о психическом *функционировании*, которое можно назвать внутренним и которое принадлежит личностному уровню. Это психическое функционирование составляет *психическую детерминацию* личности. Детерминирующая роль психического функционирования, согласно положениям интегральной психологии, состоит в том, что сам факт функционирования и основной состав психических функционирующих процессов является общим, свойственным «личности вообще», но что касается конкретного содержания и констант этих общих функционирований, то они индивидуальны, *персональны*, как, возможно, сказал бы персоналог; они личностны, субъективно личностны, как сказал бы категориальный психолог, опирающийся на понятия интегральной категориальной психологии личности.

Как раз свойства *личностной детерминации*, индивидуальной детерминации отдельной личности дают возможность интегральной психологии говорить не о психике вообще и не о человеке вообще, а о данном, конкретном человеке, данной конкретной личности, позволяют «вычислить» личность. Заметим, что эта проблема и ее формулировка составляют не только не решенную, но и не сформулированную задачу психологии личности. Заметим также, что термин «детерминация» совершенно необходим для формулировки этой проблемы, что он прямо отвечает этой проблеме и дает возможность ее обсуждения и решения.

В качестве личностных детерминант далее выступают основные формы функционирования – функционирование воли-активности (деятельности), функционирование эмоционального и функционирование интеллектуального. Все виды функциональной детерминации конкретизированы для конкретной личности. Важнейшей задачей является введение в функциональную детерминацию представлений о формах функционирования, о формах психического движения. Основная из них – форма движения «различие-тождество» или колебательного движения.

Важнейшей детерминантой является также константная детерминация. Перечисленные личностные детерминанты лежат в основе целостной индивидуальной детерми-

нации конкретной личности, которая вполне объясняет различия между личностями – как объективные и неизбежные [2].

Но и это еще не все. В числе психических механизмов, обеспечивающих индивидуальность личности, мы видим механизм ассоциации. Именно этот механизм не только строит ассоциативные связи, которые являются структурными связями психики, но и строит их абсолютно индивидуально. Структурная связь переживается – пишет Дильтей. Это значит, что переживания человека лежат в основе структурирования психики, индивидуальность которой тем самым и обеспечивается. Таким образом, психические структуры является еще одной индивидуальной личностной детерминантой.

Как видим, в области терминологии процессов индивидуального структурирования психики может быть поставлена проблема правильного или неправильного формирования личностной сферы, в том числе эмоциональной, ментальной, волевой и собственно личностной.

Удивительно, что при обсуждении феномена ассоциативности внимание обычно обращено на проявление ассоциативности, на проявление предыдущего опыта; при этом сущность образования ассоциативной связи остается в тени. Многоаспектность категориальных понятий психологии приводит к тому, что от одного категориального понятия можно, и вполне обоснованно, перейти к десятку различных, связанных с ним, понятий. Так, явление ассоциации поддерживало в школе Вундта представление о замкнутом круге психических явлений. Между тем, внимание к логике образования ассоциации может поставить это явление на должное место и придать ему собственные психологические роль и значение.

Рассматривая механизм образования ассоциативных связей как способ фиксирования связей внешнего мира, мы неизбежно приходим к вопросу о том, как личность отличает связи объективного мира от связей, выражающих ее личный опыт, связей субъективных, объективно субъективных. Можно предположить, что сначала личность воспринимает все связи как субъективные, выделение же объективных связей происходит на основе специальных исследований.

Психологическое значение механизма ассоциаций состоит в том, что процессы формирования ассоциативных образований, включая и элементы, лежат в основе формирования личностных структур и в основе полной субъективности, индивидуальности этих структур; от них же зависит и в целом субъективность, индивидуальность личности.

Субъективность, индивидуальность структур личности лежит в основе индивидуальных различий, различия между отдельными личностями. Именно личностные структуры ответственны за состав функциональных сфер и за способ реагирования личности.

В связи с вопросом о взаимном влиянии внутриспсихической и социальной детерминации остановимся лишь на том, что нового вносит в него понятие внутриспсихической детерминации.

Важным вопросом социальной детерминации личности является философский вопрос о свободе воли. Как существо общественное, человек реализует свою деятельность не изолированно, а в процессе взаимодействия не только с другими людьми, но и с обществом в целом. Именно общество в целом, его социальные институты оказывают конкретизирующее влияние на деятельность и на жизнь человека, на форму его жизни, начиная от формирования чувств и кончая семейными и производственными отношениями. Общество служит теми рамками, которые оказывают конкретизирующее влияние на все проявления человека. Как же влияет на эту сферу внутриспсихическая детерминация? Прежде всего – на его целеполагание. Как известно, в своем сотрудничестве с обществом человек ставит сознательно цели своей жизни и деятельности. Но цели человека, способ их реализации и стремления человека тесным и обязательно осознаваемым образом связаны с его внутриспсихической детерминацией. Неосознанность внутриспсихической детерминации может быть причиной общего личностного неблагополучия. Например, вы-

бор профессии, не отвечающей по своим эмоциональным характеристикам собственной эмоциональности человека, может привести его к состоянию постоянного эмоционального дефицита и к тяжелым последствиям. Еще ярче проявляется такая ситуация, когда внутриспсихическая детерминирующая характеристика заставляет человека выбирать не только форму поведения или деятельности, но и цели.

Таким образом, внутриспсихическая детерминация оказывает опосредующее, но весьма серьезное влияние на социальную детерминацию и на социальное поведение. Но главное состоит в том, что внутриспсихическая детерминация оказывает обширное влияние на все проявления личности, в том числе и на социальные проявления личности и на нее самое, то есть на ее состав, структуры, функции, цели, поведение и т. д. Как и понятие внутриспсихической детерминации, эти влияния пока не исследованы и можно ожидать, что их изучение значительно углубят представления о социальных и социально-психических механизмах.

Значение понятия детерминации для практической психологической работы должно быть рассмотрено не само по себе, а в составе интегральной категориальной психологии личности, особенности которой, как показано выше, раскрывают индивидуальную детерминированность личности и позволяют работать с отдельным конкретным человеком. В то же время эта теория имеет средства и для исследования психологических свойств групп людей. Само построение интегральной категориальной психологии личности ориентировано на отдельную личность, ее описание и исследование. Для этого необходимо описание функциональных сфер личности – волевой – активностной, эмоциональной и интеллектуальной – по составу оснований функционирования и по параметрам самой функции; то есть упомянутый состав трех функциональных сфер по определению индивидуален; надо иметь в виду, что не только состав оснований функционирования индивидуален, но и структуры, связывающие данный состав, также индивидуальны; это относится как к отдельным структурным связям, так и к крупным структурным образованиям – концепциям личности. Кроме того, индивидуальны свойства психической системы «личность», а также многие другие понятия интегральной психологии личности [1].

Литература

1. Казаневская В. В. Системы и системные законы: Категориальная теория систем. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1992. – 272 с.
2. Казаневская В. В. Интегральная теоретическая психология личности. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. – 526 с.

Л. В. Мирошниченко

*кандидат педагогических наук, доцент,
зав. кафедрой педагогики и психологии*

Кемеровский государственный университет культуры и искусств

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СТУДЕНТА И ПЕДАГОГА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ: НОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ

Формирование профессионала высокого класса, обладающего системой качеств, требуемых современным обществом и конкретизируемых Государственными образовательными стандартами высшего профессионального образования, возможно лишь при условии оптимального взаимодействия главных субъектов педагогического процесса в вузе – студента и преподавателя.

По своей сути эта задача не нова, она ставится и решается в сотнях, если не в тысячах научных исследованиях, ей посвящено множество кандидатских и докторских диссертаций.

И все же проблема остается актуальной, и этому есть много причин. Любое образовательное учреждение существует в неразрывной связи с обществом, реагирует на изменения, происходящие в нем, выполняет его заказы и, в свою очередь, само влияет на это общество. Анализировать все изменения, произошедшие в вузах в связи с изменением социально-экономической ситуации в нашей стране, в данной статье мы не будем. Обратимся лишь к некоторым актуальным на сегодня фактам, отмечаемым вузовскими педагогами.

Факт – «студенты стали другими» – отмечается практически всеми педагогами и дополняется конкретными характеристиками. На некоторые из них мы укажем.

Так, снизился уровень интеллектуальной подготовки абитуриентов. Многие студенты первого курса не способны конспектировать лекции, лишь механически записывают дословно речь педагога. Попытки преподавателя активизировать мыслительный процесс студента, заставить его излагать лекцию своими словами, как правило, успеха не имеют. Студент требует диктовки, а если не получает желаемого, то или отказывается от конспектирования, или использует диктофон, или делает записи, содержащие фактологические и научные ошибки. Так, в качестве иллюстрации к последнему можно привести следующий пример: в лекции по психологии давалась историческая справка, содержащая информацию о Блуме Вульфовне Зейгарник как выдающемся специалисте в области патопсихологии. При проверке конспекта студента изумленный доцент прочитал: «Б. В. Зейгарник – отец русской парапсихологии».

О снижении уровня интеллектуальной подготовки можно судить и по снижению общекультурного уровня студентов. Часто затруднения при восприятии новой информации вызывают даже не термины, а общеупотребительные понятия, такие как: тождество, классификация, адаптация, синоним, антология, детерминация, догма и др.

Следующей особенностью современного студента является полная свобода в общении с педагогами (что можно было бы приветствовать при соблюдении хотя бы минимальной дистанции), но при этом многие студенты-первокурсники не хотят субъект-субъектных отношений, так как партнерство требует от них больших личностных затрат. Гораздо проще занять позицию капризного ребенка. Отсюда понятно, почему появляются случаи, когда студент просит преподавателя обращаться к нему на «ты», а не на «Вы». В то же время студент требует от преподавателя права на собственное мнение, на чем бы оно ни основывалось. Так, студент (будущий режиссер любительского театра) заявляет на семинарском занятии о своей нелюбви к Станиславскому, но обосновывает это не анализом работ выдающегося актера и режиссера, а тем, что «он ему надоел». На вопрос педагога о том, что студент конкретно знает о Станиславском, что читал из его работ, он ответил: «Ничего, так как мне он не нравится».

Отсутствие потребности в изучении теоретических основ выбранной профессии, к сожалению, характерно для достаточно большого числа современных студентов. «Научите, как делать» – лейтмотив требований студентов, обучающихся даже таким специальностям, как режиссер, актер, балетмейстер. Приходится отметить излишний когнитивный практицизм, который выражается в избирательном отношении к учебным дисциплинам: все, что не относится, по их мнению, к профессии, отвергается. В ненужные зачисляются, как правило, общенаучные дисциплины, которые ориентированы на развитие эрудированности студента, формирование личности, воспитание интеллигента.

Как писал Д. С. Лихачев: «...для интеллигентности человека огромное значение имеет именно образованность. Чем интеллигентней человек, тем больше его тяга к образованности... чем больше знаний у человека, тем легче ему приобретать новые... Способность к приобретению знаний – это тоже интеллигентность» [3, с. 645]. На вопрос: «Считаете ли Вы себя интеллигентами?» более половины опрошенных студентов ответили утвердительно. К сожалению, исследования учебной мотивации, проведенные на

кафедре педагогики и психологии, показали, что особой потребности к приобретению теоретических знаний студенты младших курсов не испытывают. Отсутствие интеллектуального любопытства свидетельствует о недостаточной сформированности учебной мотивации. Поэтому наивно было бы полагать, что формирование личности молодого человека не является задачей педагога вуза. Данный факт надо признать и переходить от позиции лектора к позиции педагога – наставника-воспитателя.

Кроме изменений в интеллектуальной сфере необходимо отметить возросший уровень агрессии и низкий уровень эмпатии студентов.

Причин этого достаточно в нашем обществе и их негативное влияние на формирующуюся личность хорошо известно ученым-психологам. Выдающийся философ и психолог XX столетия Э. Фромм писал о причинах агрессии как продукте некрофилии, порождающейся определенными явлениями общества. К ним он относил несправедливость в обществе, например, деление людей на богатых и бедных. Наблюдение современного молодого человека за надрывающимися на работе родителями, получающими унижающую человеческое достоинство зарплату, и, в то же время, знание о людях, живущих не по заслугам шикарной жизнью, что приводит к формированию у молодых людей агрессии. «Больше всего бросается в глаза, что мы находимся в ситуации, в которой резко противостоят друг другу избыток и недостаток, как в экономической, так и в психологической области. Пока люди будут затрачивать основную энергию на то, чтобы защитить свою жизнь от посягательств, и на то, чтобы не умереть с голоду, любовь к жизни должна чахнуть, а некрофилия процветать» [4, с. 40].

В приведенной цитате указано и влияние страха на формирование некрофильной личности, а значит, и на развитие агрессии. Страх у современных молодых людей порождается неуверенностью в завтрашнем дне, негативной информацией, непрерывным потоком льющейся с экрана телевизора: похищение людей, пожары, наводнения, теракты и т. д., холодностью родителей, формальностью обучения в массовых школах. Нельзя не согласиться с Лихачевым, который призывал к необходимости «большей мягкости, гибкости, человечности, иногда терпимости, размышлений, а не решений, разнообразия в педагогике... в науке вообще... Личность должна больше цениться» [3, с. 548], причем личность как студента, так и педагога. Поэтому, на наш взгляд, весьма актуальным становится исследование взаимодействия главных участников образовательного процесса: студента и педагога.

Необходим психолого-педагогический анализ причин, порождающих такие, например, занятия, на которых одна первокурсница выполняет этюд под названием «задвигка в мужском туалете», а другая придумывает оформление сцены, состоящее из огромной кучи мусора (студентка с удовольствием перечисляла составляющие этой кучи: грязные вещи, ржавые банки, изъеденные крысами объедки, пожухлые червивые листья, и из середины кучи появляется синяя рука, и все это освещается красно-коричневым светом). Это было бы смешно, если бы именно у этой студентки не был диагностирован зашкаливающий уровень агрессивности и враждебности.

Наше исследование показало, что подавляющее большинство студентов имеет те или иные виды агрессии высокого уровня, причем подобные результаты нами были получены в исследовании студентов независимо от их специальностей. Так, составляя психологические портреты будущих социальных педагогов уже на протяжении одиннадцати лет, мы отмечаем все возрастающий уровень агрессии, особенно по таким видам, как: физическая агрессия (независимо от пола), предполагающая возможность использования физической силы против другого лица; раздражение, т. е. готовность к проявлению негативных чувств при малейшем возбуждении, которые проявляются во вспыльчивости и грубости. Более выраженной стала не только агрессия, но и враждебность, например, обида, перерастающая в зависть и ненависть к окружающим⁷.

⁷ В дальнейших выпусках «Вестника КемГУКИ» мы планируем опубликовать статью, посвященную исследованию агрессии студентов.

Указанные особенности личности студента проецируются как на отношения внутри студенческой группы, так и на взаимоотношения с преподавателями. Отсюда – швыряние ручек и демонстративный отказ от записывания лекций, грубые замечания друг другу. Последнее является следствием высокого уровня вербальной агрессии, но, правда, подобного рода агрессия, к величайшему сожалению, общая болезнь нашего общества. На это чрезвычайно негативное явление указывал в своей работе «Раздумья о России» Д. С. Лихачев: «... у нас появилась мода на неприличные выражения. Это не добавление новых слов, как думают некоторые, это уничтожение десятков других слов» [3, с. 648].

К особенностям характеристики современного студента относится и недостаточно высокий уровень эмпатии, что можно квалифицировать как негативное явление, когда речь идет о подготовке специалистов в сферах «человек-человек» и «человек-художественный образ». Наши исследования эмпатии показали, что если в 1998 году 38,8 % студентов – будущих социальных педагогов – имели высокий уровень эмпатии, то в 2006 году – только 13,2 % . Т. е. количество студентов, обладающих данным профессионально значимым качеством для социального педагога, уменьшилось почти втрое.

При интерпретации этих и других результатов исследования возникает мысль – а может быть, это беда всего общества или, по крайней мере, всего студенчества? По-видимому, верно и то и другое. Наверное, именно поэтому мы все вдруг так озабочены проблемой воспитания в вузе. Например, в Кемеровском государственном университете культуры и искусств появились структуры для осуществления воспитательной работы, назначены кураторы студенческих групп, проводятся семинары, «круглые столы» и конференции по вопросам воспитания, отдельные проблемы обсуждаются на заседаниях ректората, ученого и учебно-методического советов и др.

В планах КемГУКИ – повышение психолого-педагогической квалификации кураторов. Обучение кураторов является важной составляющей реализации планов воспитательной работы в вузе. Кто такой куратор? Готов ли он к решению поставленных перед ним задач? По-видимому, не совсем. Практически никто из них не изучал вузовские психологию и педагогику. В силу необходимости куратор немного знает дидактику, но не теоретические и методические основы воспитания студентов. Самостоятельное изучение педагогики и психологии высшей школы, на наш взгляд, весьма затруднительно. Здесь много причин и одна из них – это неустойчивость понятийного аппарата. У каждого более или менее крупного ученого (и не крупного тоже) свой понятийный аппарат, свои классификации и т. д. Для осознанного управления процессом воспитания студентов надо договориться о едином научном языке хотя бы на уровне одного вуза. В настоящий момент разработана программа повышения психолого-педагогической квалификации кураторов студенческих групп.

Каждый участник воспитательно-образовательного процесса должен четко представлять себе цель воспитания студентов. Возможно, цель может быть сформулирована следующим образом: «разностороннее развитие личности будущего профессионала с опорой на ее индивидуальность», возможно, по-другому. Но в любом случае, второй важнейшей задачей вслед за необходимостью обучения кураторов, стоит задача развертывания научно-исследовательской работы по всем направлениям воспитательной работы в вузе. Прежде всего это касается изучения личности студента. Какой он – студент КемГУКИ? Без решения этой проблемы все программы воспитания обречены на провал. Как показало исследование жизненных ценностей студентов нашего вуза, преподаватели не знают приоритетных ценностей своих студентов. В данном исследовании приняли участие студенты и преподаватели всех факультетов КемГУКИ. Студентам было предложено проранжировать определенное количество жизненных ценностей, а преподавателям – определить, какие из этих ценностей студенты выберут в числе приоритетных. Гипотеза о недостаточности знания преподавателями студентов подтвердилась. Так, студенты на первое, второе и третье место поставили благополучие семьи, здоровье, любовь, а преподаватели считали, что этот порядок будет следующим: финансовое благополучие,

любовь, возможность заниматься творчеством. Особенно поразила разница в отношении к семье. Педагоги посчитали, что семья не является слишком значимой для современного молодого человека и отвели ей шестое место, а студенты – первое. Может быть, именно поэтому так внимательны студенты на лекциях и семинарских занятиях по педагогике, когда речь заходит о семейном воспитании...

В КемГУКИ на многих кафедрах проводятся подобные исследования, но, к сожалению, эта работа осуществляется на инициативной основе и не имеет единого планирования, поэтому исследования дублируются, иногда пересекаются, а другие проблемы остаются «в тени». На наш взгляд, необходимо четкое планирование исследования проблем воспитания на уровне вуза.

Еще одна важная задача – это превращение вуза в целостную воспитательную систему. Воспитание осуществляется эволюционно, революционно и ситуационно. Это означает, что в воспитании нет мелочей. Воспитывает все: от эрудиции, речи, внешнего вида педагога до оформления вестибюля и аудиторий. Последнее предполагает не только современное оснащение учебного процесса, но и внешний вид помещения, содержание оформления и др. В последнее время в КемГУКИ появилась профессорская галерея, правда, хотелось бы, чтобы и другие педагоги, оставившие заметный след в подготовке специалистов, были не забыты. Для повышения у студентов статуса вуза полезной была бы информация о выпускниках, достигших профессиональных высот. Опосредствованное воспитательное воздействие всегда оказывает более качественное влияние на личность.

В этом году в КемГУКИ выпущена «Книжка первокурсника», которая предназначена для решения задачи адаптации студентов к условиям обучения в вузе. Идею ее создания подсказали студенты. В процессе изучения трудностей адаптационного периода студентов выяснилось, что первокурсники испытывают большие нервные перегрузки от таких легко разрешаемых проблем, как незнание структуры вуза, структуры управления вузом, своих прав и обязанностей, вузовского словаря и т. п. Осуществление данной работы еще раз доказало, что процессы обучения и воспитания должны строиться только на субъект-субъектной основе.

Литература

1. Кашуба Э., Галян С., Губанов Н. О системе воспитания в вузе // Высшее образование в России. – 2004. – № 6. – С. 12–17.
2. Лихачев Д. С. Заметки и наблюдения: Из записных книжек разных лет. – Л.: Советский писатель, 1989. – 608 с.
3. Лихачев Д. С. Раздумья о России. – СПб.: Logos, 1999. – 672 с.
4. Фромм Э. Душа человека: М.: Изд-во «Республика», 1992. – 430 с.

Н. А. Ильина

*преподаватель кафедры педагогики и психологии
Кемеровский государственный университет культуры и искусств*

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ НАУКА: НА ПУТИ К ЦЕЛОСТНОМУ ОБРАЗУ ЧЕЛОВЕКА

К началу XXI века появились суждения об очередном кризисе в психологии. Об острых теоретических и методологических трудностях и противоречиях, возникших в различных сферах исследований психологической науки на рубеже XX–XXI веков, писали А. С. Арсеньев, Б. С. Братусь, А. В. Брушлинский, В. П. Зинченко, В. И. Слободчиков и многие другие исследователи.

По словам В. А. Мазилова, нынешний кризис в психологии «глобален, объемен, интернационален и многопланов. Его проявления можно усмотреть в самых разных плоскостях» [12, с. 25]. К числу основных симптомов этого кризиса относят: 1) отсутствие единого подхода, обилие альтернативных моделей понимания и изучения психического; 2) углубляющийся раскол между исследовательской и практической психологией, их противопоставление [12; 24].

В отношении первого можно отметить, что отсутствие единой парадигмы психологической науки породило своего рода конкуренцию между различными ее направлениями. В настоящий момент эта конкуренция наиболее ярко выражается в противостоянии естественнонаучного и герменевтического (гуманистического) подходов. Что касается противопоставления академической (исследовательской) и практической психологии (психотехники), здесь разрыв между теорией и практикой, о котором еще в 1927 году писал Л. С. Выготский, в настоящее время превратился в глубокую пропасть.

Размышляя о выходе из сложившейся ситуации, современные авторы все чаще обращаются к вопросу о человеке, считая, «что возвращение в науку человека во всей целостности природы – духовной, душевной и телесной – способно решить не только методологические, но и практические задачи психологии» [5, с. 127]. Это, в свою очередь, свидетельствует о том, что вообще одним из главных симптомов кризиса психологического познания является «исчезновение» из этого познания **человека**.

Цель настоящей статьи: рассмотреть перспективы развития представлений о человеке в психологической науке в контексте новой антропологической парадигмы современной философии и науки. При этом наше внимание будет сосредоточено на изучении проблематики отечественной психологии.

Прежде всего проанализируем ситуацию, которая привела психологию к необходимости пересмотра своих позиций в отношении познания человека.

По словам Н. И. Непомнящей, для традиционной естественнонаучной психологии характерно частичное, фрагментарное изучение психических функций, деятельностей и т. д. «Основания “человеческой психологии” недостаточно реализуются в целостной психологической системе, как и в *разносторонней* эмпирической проработке». Это находит свое выражение, в частности, в том, что «теоретические представления о личности и тем более о ее целостности в большинстве случаев не воплощаются в соответствующих данным представлениям эмпирических исследованиях. Последние нередко сводятся к набору различных отдельных свойств психики, личности...» [14, с. 117].

Такой «частичный», нецелостный подход к человеку обусловлен, главным образом, тем, что психология, долгое время развиваясь внутри философии, в конце XIX века оформилась как экспериментальная наука, восприняв методы, а главное – методологию естественных наук. Как полагает А. С. Арсеньев, психология, пытавшаяся освоить эти методы, тем самым загнала себя в тупик, «так как эти методы являются методами познания вещей... вещной стороны, вещной проекции мира и человека, но человек – не вещь...» [1, с. 269]. В результате проблема этического сознания, «расположенности» его на бесконечную и конечную стороны, осталась практически незатронутой. И когда речь заходит о смысложизненных вопросах, касающихся сущности человека, понимания им самого себя, психология чаще всего оказывается не в силах дать ответ.

Как известно, в 70–80-е годы XX столетия, когда в центре внимания отечественной психологической науки оказалась проблема личности, в основу изучения этой проблемы был положен принцип «личность есть совокупность общественных отношений». Это несколько модифицированное выражение К. Маркса из 6-го тезиса о Фейербахе, где, по замечанию В. П. Зинченко, говорилось не о личности, а о сущности человека. Согласно точке зрения этого исследователя, с начала XX века психология проделала большой путь: «...она рационализировала чудо личности, выделила в ней большое число свойств,

ранжировала последние, научилась их измерять, тестировать, отнеслась к личности, как к вещи, притом не “чувственно-сверхчувственной” (как у Маркса), а как к вполне обычной» [7, с. 113]. В результате личность была редуцирована лишь к одному из своих уровней, к сумме тех или иных составляющих моментов. Недаром С. С. Хоружий назвал это время периодом «антиперсоналистических и антиантропологических тенденций» [21, с. 14].

Таким образом, одной из основных причин «исчезновения» *человека* из психологии является неадекватность методологии, принципы которой положены в основу познания, главному предмету этого познания – человеку.

Обратимся здесь к позиции В. И. Слободчикова, современного исследователя, занимающегося в отечественной науке разработкой психологической антропологии. По словам этого автора, в классической психологии почти все **о психике** человека и очень мало – **о самом человеке**. С его точки зрения, классическая естественнонаучная психология – это учение о психике как свойстве высокоорганизованной телесности, в частности – мозга. Все другие характеристики психики человека (личностные, духовные, нравственные и другие), по словам этого исследователя, «**не выводимы** из ее отражательных и адаптивных функций. Относительно этих функций перечисленные характеристики человека имеют **сверхъестественный** статус. Психика не имеет личности и сама себя не развивает... если стать на точку зрения классической психологии, что психика – это свойство биосоциальной структуры человека, то по самой логике рассуждения, чтобы понять это свойство, необходимо иметь хотя бы минимальное представление о сущности того, свойством чего психика является. И здесь выбор жесткий: **либо психика – свойство высокоорганизованной материи, либо свойство человека**» [17, с. 12].

Как полагает В. И. Слободчиков, речь должна идти о принципиальном различении (но не о замещении) «*психологии человека*» – как психологическом учении о становлении и развитии человека в интервале его индивидуальной жизни и «*психологии психики*» – как специальной науки о психических явлениях в живой природе, в том числе и у человека [Там же].

Далее следует отметить, что в настоящее время в философии и в гуманитарных науках в целом все более нарастает потребность в таком знании о человеке, которое было бы способно «удержать» всю полноту человеческой реальности.

С конца 80-х годов XX века, проблема человека как целостной открытой системы стала центром внимания философии. Это ознаменовало новый этап осмысления философско-методологических основ комплексного исследования человека. Можно назвать имена ученых (среди которых немало психологов), многолетние исследования которых приобрели большое значение для понимания человека как социального существа, связанного с обществом через систему социальных отношений и форм деятельности, формирующегося и изменяющегося под влиянием социальных условий. Это прежде всего Б. Г. Ананьев, К. А. Абульханова-Славская, В. С. Барулин, Б. Т. Григорьян, П. С. Гуревич, И. С. Кон, А. Н. Леонтьев, Б. В. Марков, В. С. Степин, И. Т. Фролов. Впоследствии были предложены объемные программы развития философской антропологии как особой сферы философствования. В начале 90-х годов появились работы П. С. Гуревича, Ю. Г. Волкова, В. С. Поликарпова и других исследователей, в которых была поставлена задача рассмотреть человека как интегральную проблему.

В настоящее время исследователи говорят не только об «антропологическом повороте», но и об «антропологической революции» в философии и гуманитарных науках, а по отношению к самой реальности употребляют понятие «антропологическая катастрофа» [3, с. 10]. Речь идет о том, что человек рассматривается сегодня как глубокий, порождающий пласт кризиса, связанного с разрушением форм культурной, исторической, духовной идентификации человека, размыванием мировоззренческих основ

его самоопределения. С другой стороны, именно личность видится как источник, средство и результат динамики осмысления и развития культуры в обществе, находящемся в состоянии общецивилизационной трансформации. Именно поэтому в современных исследованиях акценты начинают сдвигаться «с анализа функционирования обезличенных, деперсонифицированных социальных, политических и экономических структур **на существование человека**» [13, с. 17].

Происходит своеобразный взрыв, бум антропологизации общественных наук. Кроме философской антропологии появились еще социальная, культурная, политическая, психологическая антропологии. Современные исследователи задаются вопросом о природе человеческой способности к трансценденции – постижению другого, иного, расширению сознания, сферы осмысленного, понятого.

В работах Е. А. Спирина, Ю. Г. Волкова, И. А. Александрова и других исследователей содержатся идеи целостного познания человека как существа космопланетарного.

Так Е. А. Спирин рассматривает феномен человека как единую совокупность антропокосмических измерений-векторов. По словам исследователя, «система антропокосмических измерений призвана отобразить неразрывные связи фундаментальных проявлений биосферно-ноосферной социально-преобразующей активности феномена человека с многообразием биокосмических и космопланетарных процессов действительности как целого или универсума» [19, с. 157].

В. П. Барышков представил новое направление исследований – аксиологию личностного бытия. Автором предпринята попытка выхода за рамки социально-философской интерпретации сферы личностного к пониманию ее как «метафизически определяющей содержание подлинно человеческого бытия» [2, с. 14].

В работе В. И. Филатова предпринята попытка создания уровневой концепции целостного человека, в основу которой положены фундаментальные принципы постиндустриальной картины мира. Это, прежде всего, принципы онтологической субъективности, бесконечности, целостности, принцип дополнительности и принцип онтологической относительности. Человек определяется «через единство объективной, субъективной и трансцендентной реальностей» [20, с. 285].

Особенно актуальным становится сегодня вопрос о конкретных путях и формах интеграции всего современного, чрезвычайно разветвленного и гетерогенного материала о человеке в рамках некоторой обобщенной научной концепции целостного человека. В качестве одного из возможных путей такой интеграции рассматривается концепция человеческого потенциала. По данным В. Г. Борзенкова и Б. Г. Юдина, «многие исследователи все чаще стали обращаться к идее динамической, процессуальной природы человека, т. е. пониманию человека как непрерывно развивающейся, динамической целостности, стремящейся к реализации всех своих глубинных потенциалов» [3, с. 29–30]. Человеческий потенциал понимается как интегральная характеристика физических, психических, интеллектуальных, духовных и т. д. способностей человека.

Таким образом, в философии и в гуманитарном знании в целом все более укореняется антропологическая парадигма, причем не только в качестве нового объяснительного принципа феномена человека. По словам В. И. Слободчикова, антропологический подход – «это в первую очередь ориентация на человеческую реальность во всей ее полноте, во всех ее духовно-душевно-телесных устройствах; это поиск средств и условий становления... человека как **субъекта** собственной жизни, как **личности** во встрече с Другим, как **индивидуальности** перед лицом Абсолютного бытия» [17, с. 10].

Психологическая наука, безусловно, не может оставаться в стороне от происходящих изменений. Здесь, возможно, наиболее остро ощущается необходимость в системном пересмотре положений, принципов, постулатов с точки зрения их антропологической модальности, в выработке подлинно **человеко-ориентированного подхода** [17; 18].

Если обратиться к истории развития психологии, то с позиции современности можно оценить, насколько расширились границы этого познания. Долгое время психологическая наука пыталась изучать психическое как таковое, замкнутое в самом себе, как особый объект, имеющий вполне определенное и неизменное строение. Как отмечают В. И. Слободчиков и Е. И. Исаев, в разных научных школах при изучении психического делался акцент либо на его качество, либо на функции, либо на структуру, либо на предметное содержание. Но всегда психическое рассматривалось как таковое, в своих достаточно жестких границах.

Постепенно область поиска и исследований природы психического все более расширялась. Появились новые науки и целые отрасли психологии. Можно обозначить, в частности, такие науки, как психофизика, психофизиология, нейропсихология. Таким образом, на определенном этапе развития психологической науки «произошел **прорыв** за пределы замкнутого, феноменального мира психического как такового» [18, с. 332].

Однако следует заметить, что другой полюс человеческой реальности – его духовное бытие – и по сей день остается той сферой, к которой психология подходит с некоторой осторожностью. Можно вспомнить то время, когда в отечественной психологии, исходя из определенных идеологических соображений, вообще был наложен запрет на исследования духовности как особого способа бытия человека.

Здесь нам необходимо остановиться на одном важном явлении, относящемся в равной степени ко всем основным сферам познания мира и человека, прежде всего, философии, религии и науке. Речь идет о все более возрастающей за последнее время тенденции сближения этих сфер. Потребность в диалоге, взаимодействии испытывает как сфера гуманитарного познания, так и «точные» науки, основанные на рациональном познании. Это обусловлено прежде всего тем, что не только гуманитарные, но и естественные науки, в частности генетика, биология, физика, в XX веке «пересеклись» с некоторыми мировоззренческими проблемами, что потребовало от исследователей этих научных областей обращения к религиозным и философским учениям и в целом – к философско-религиозному видению действительности. Сама жизнь оказалась в высшей степени иррациональна и бесконечно сложнее, «чем те рациональные ориентиры, которые могла предложить наука» [11, с. 3]. Что касается понимания человека и, прежде всего, человека как личности, то современные исследователи в области психологии также приходят к выводу, что далеко не все в личности рационализируемо. По словам В. П. Зинченко, «в психологии есть слишком многое, что сопротивляется измерению, концептуализации, а в особенности, конечным определениям» [7, с. 114].

Во многом благодаря развитию диалога между наукой и религией сегодня мы можем наблюдать, как в российскую психологию возвращаются философские и этические категории, что позволяет современным ученым поставить вопрос об основаниях нравственного закона, корнящихся в вере человека и его мировоззрении. Тем самым определяется линия развития таких направлений, как психологическая антропология, философская психология, христианская психология, призванные продолжить традиции святоотеческой и русской религиозно-философской психологии. Психология человека начинает интенсивно осваивать наследие религиозной философии, духовного опыта исповедников веры, подвижников духа; расширять опыт работы с субъективным миром человека, его сознанием, а главное – строить новый взгляд, «стереоскопическое или голографическое» видение человеческой реальности в ее субъективной проекции. Здесь можно назвать имена отечественных исследователей Б. С. Братуся, В. И. Слободчикова, Е. И. Исаева, Л. Ф. Шеховцовой, Ф. Е. Василюка, В. П. Зинченко, М. Я. Дворецкой. В работах этих авторов предпринимаются попытки заложить основы подлинно духовной психологии как особой формы рационального знания о становлении субъективного духа человека в пределах его индивидуальной жизни.

Так, В. И. Слободчиков и Е. И. Исаев свою психологическую концепцию рассматривают как выход на полноту и целостность психологической (субъективной) реальности человека. По словам авторов, «именно религиозная точка зрения на человека по преимуществу демонстрирует и настаивает на необходимости и способности целостного видения человеческой природы – в единстве его телесной, душевной и духовной форм жизни» [18, с. 332–333]. В таком контексте содержательно переосмысливаются традиционные для психологии категории «личность», «индивидуальность», «субъект», «человек». Личность понимается, прежде всего, как «образ бытия», «субъект поступания» [Там же, с. 346].

Один из главных пунктов, которые В. И. Слободчиков и Е. И. Исаев выносят на широкое обсуждение, касается вопроса об универсальности человеческого бытия, об эквивалентности Человека и Мира. До сих пор этот вопрос оставался для психологии закрытым, и большое значение для выхода на него имела работа С. Л. Рубинштейна «Человек и мир». В данной работе С. Л. Рубинштейн впервые представил онтологическую концепцию бытия, включив в нее субъекта, который получает не гносеологическое (связанное с противопоставлением субъекта и объекта), сводящее его к познанию и сознанию, а онтологическое объяснение [16].

По мнению В. И. Слободчикова и Е. И. Исаева, современная психологическая наука нуждается в развитии именно такого строя мышления, где на первое место выходят не гносеологические (и соответственно не технологические), а онтологические и аксиологические (т. е. бытийные и ценностные) категории.

Особо следует отметить те работы, в которых предпринимается попытка проанализировать особенности научного психологического и богословского (православного) взглядов на феномен человека в их сопоставлении.

М. Я. Дворецкая провела текстологическое исследование библейских текстов с целью реконструкции «ветхозаветной» и «новозаветной» моделей психологической организации человека, интегрированных в целостное святоотеческое учение. Обращение к истории психологической мысли позволило автору обнаружить «малоизвестное науке восточно-христианское учение, реализовавшее на практике междисциплинарный подход, осуществившее синтез психологии, философии и богословия с целью создания целостного психологического учения о человеке» [5, с. 127].

В работах Л. Ф. Шеховцовой проводится глубокий сравнительный анализ взглядов на человека, содержащихся в академической психологической науке и православной антропологии [22; 23]. Автор также подчеркивает недостаточность позитивного мировоззрения для разработки целостного, синтетического учения о человеке – человекознания, построения которого до настоящего времени не осуществилось. Главной теоретической задачей в данных работах является соотнесение терминологии и понятий в научном и религиозном подходах к человеку.

В целом можно сказать, что ориентация современной психологической науки на христианское мировоззрение рассматривается как наиболее плодотворный путь, ведущий к воссозданию целостного образа человека.

Дело в том, что само обращение к православной антропологии позволило исследователям сделать вывод о том, что наличие тенденции к интегрированному изучению человека является уникальной особенностью русской психологии. Так М. Я. Дворецкая подчеркивает, что стремление к целостности вообще было особенностью богословского мировосприятия. По словам автора, это стремление «нашло свое выражение и в учениях, которыми была наполнена не только богословская, но и философская мысль в России» [5, с. 152]. Преемственность в стремлении к изучению целостного человека в русской психологии наглядно подтверждается трудами выдающихся русских мыслителей второй половины XIX – начала XX веков В. В. Зеньковского, П. А. Флоренского, С. Л. Франка,

Г. И. Челпанова и других философов. В этом же ряду можно назвать также труды крупнейших отечественных психологов и физиологов XX века Л. С. Выготского, С. Л. Рубинштейна, А. А. Ухтомского, Б. Г. Ананьева.

Дореволюционная русская религиозно-философская психология, к идеям которой в настоящее время происходит возвращение, как известно, представляла собой совокупность богословских, философских и психологических знаний. По словам М. Я. Дворецкой, это указывало на многоаспектность, междисциплинарность ее подхода [5, с. 6]. Именно трансформация психологического знания, осуществлявшаяся в противостоянии идеалистической и материалистической тенденций в изучении человека, в начале XX века привела к содержательному изменению этих связей: богословское и философское направления были заменены естественнонаучным подходом. В результате в качестве предмета изучения психология получила человека, утратившего не только онтологические, но и этические характеристики, трудно поддающиеся конечным определениям. Таким образом, произошла утрата целостности предмета психологического исследования.

Потому для выработки по-настоящему целостного видения человека так важно возвращение психологической науки к своим научным и культурным истокам. Изучение исторического пути формирования психологии рассматривается современными исследователями как важнейшая предпосылка анализа ее современных проблем и прогнозирования тенденций ее дальнейшего развития.

В этом отношении целесообразно обратиться к личности выдающегося гуманитария нашей эпохи Дмитрия Сергеевича Лихачева. Как известно, ему принадлежит заслуга глубокого изучения древнерусской литературы. В одной из своих работ «Человек в литературе Древней Руси» (1958–1970) Д. С. Лихачев предпринял попытку рассмотреть художественное видение человека в древнерусской литературе и художественные методы его изображения, проанализировать путь, пройденный древнерусской литературой до осознания ценности человеческой личности [10]. По словам Ф. Лесур, «открывая для читателя древнерусскую литературу, Д. С. Лихачев борется против опасности культурного обеднения, которую несет в себе утрата важного культурного “кода”; одновременно он восстанавливает истину об истоках современной русской литературы и тем самым дает ей новую возможность утвердиться в собственном самосознании» [8, с. 5].

Если применить идею, которая проводится в этом высказывании, к рассматриваемой в нашей работе теме, то можно констатировать назревшую уже необходимость обращения психологической науки к своим культурным истокам, восстановления своего «культурного кода». Это может дать ей новую возможность утвердиться в собственном самосознании, способствовать переосмыслению своих позиций в подходе к *человеку*.

Здесь нельзя не учитывать тот факт, что именно психология является важнейшим связующим звеном между основными тремя группами наук: общественно-гуманитарными, естественными и техническими, что неоднократно подчеркивалось Б. Г. Ананьевым, Б. М. Кедровым, Ж. Пиаже и другими учеными. Как отмечает Б. С. Братусь, «психология – наука *университетская*, т. е. она настолько контекстуальна, что выделить ее в некоем чистом, дистиллированном виде попросту невозможно» [15, с. 181]. Нахождение ее внутри условного «треугольника наук» (по Б. М. Кедрову) позволяет ей претендовать на статус некоего скрепляющего основания, «тела наук», посредника между науками [Там же]. В этом смысле на психологической науке лежит особая ответственность в том, какой подход к человеку она изберет в качестве основы его понимания. К этому можно добавить мысль А. В. Брушлинского, согласно которой «психология человека относится к числу тех наук, которые создают прочный фундамент для гуманизма» [4, с. 47].

Такое понимание имеет особое значение, когда речь заходит об области образования. По словам В. И. Слободчикова, одним из безусловных вызовов нашего времени является требование прямого и профессионально обеспеченного решения проблемы производства

и воспроизводства человечности и человеческого. Автор особо подчеркивает, что именно образование пытается решать эту проблему не утилитарно, а по существу. «В подавляющем большинстве современных концепций и программ развития образования появляется принципиально новое измерение – гуманитарно-антропологическое. Фактически речь идет о постановке беспрецедентной задачи для образования: оно должно стать универсальной формой становления и развития базовых, родовых способностей человека, позволяющих ему быть и отстаивать свою человечность; быть не только материалом и ресурсом социального производства, но, прежде всего – подлинным субъектом культуры и исторического действия» [17, с. 9–10].

Здесь мы сталкиваемся не просто с новыми идеями, парадигмами, формирующимися в настоящее время в философии и гуманитарных науках, но с запросами и потребностями самой реальности. В соответствии с этими потребностями психологическая наука как одна из главных наук о человеке нуждается в особой оценке тех оснований, на которых она строится. Речь идет прежде всего об аксиологической (ценностной) рефлексии психологии, что во многом связано с ориентацией не столько на то, **что есть**, сколько на то, **как должно быть**, т. е. **на ценности и смысл самого бытия человека** [17, с. 12–13]. С другой стороны, такой подход может помочь психологической науке более эффективно «синтезировать живое вещество» – живой образ человека, приближаясь тем самым к решению важнейшей для нее задачи, которую В. П. Зинченко обозначил как задачу «исследования и демонстрации всего пространства выбора путей развития человека и его мира» [6, с. 326–327].

Литература

1. Арсеньев А. С. Философские основания понимания личности: цикл популярных лекций-очерков с приложениями: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Академия, 2001. – 592 с.
2. Барышков В. П. Аксиология личностного бытия: парадигма постсубстанциального миропонимания: дис... д-ра филос. наук. – Саратов: Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского, 2002. – 314 с.
3. Борзенков В. Г., Юдин Б. Г. Человек как объект комплексного и междисциплинарного исследования: методологические аспекты // Личность. Культура. Общество, 2002. – Т. IV. – Вып. 3–4 (13–14). – С. 10–36.
4. Брушлинский А. В. Психология субъекта. – М.: Институт психологии РАН; СПб.: Алетейя, 2003. – 272 с.
5. Дворецкая М. Я. Концепция человека в религиозно-философском учении Восточно-христианской церкви эпохи Средневековья: Психологический аспект. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2004. – 250 с.
6. Зинченко В. П. Посох Осипа Мандельштама и Трубка Мамардашвили: К началам органической психологии. – М.: Новая школа, 1997. – 336 с.
7. Зинченко В. П. Преходящие и вечные проблемы психологии // Труды Ярославского методологического семинара (методология психологии). – Ярославль: МАПН, 2003. – Т. 1. – С. 98 – 134.
8. Лесур Ф. Дмитрий Лихачев, историк и теоретик литературы // Лихачев Д. С. Историческая поэтика русской литературы. – СПб.: Алетейя, 1999. – С. I – LXXIII.
9. Лихачев Д. С. Историческая поэтика русской литературы. – СПб.: Алетейя, 1999. – 508 с.
10. Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси // Лихачев Д. С. Избр. работы: в 3 т. – Л.: Художественная литература, 1987. – Т. 3. – С. 3–164.
11. Наука – философия – религия: в поисках общего знаменателя. – М.: ИФ РАН, 2003. – 284 с.
12. Мазилев В. А. Методологические проблемы психологии в начале XXI века // Психологический журнал. – 2006. – Том 27. – № 1. – С. 23–34.

13. Минюшев Ф. И. Социальная антропология: выбор пути (размышления) // Социальная антропология на пороге XXI века: Тезисы и материалы конференции. Москва, 20–21 ноября 1997 г. – М.: Изд-во МГСУ «Союз», 1998. – С. 17–22.
14. Непомнящая Н. И. Целостно-личностный подход к изучению человека // Вопросы психологии. – 2005. – № 1. – С. 116–125.
15. Психология и философия: Возвращение души / отв. ред. Б. С. Братусь. – М., 2003. – 198 с.
16. Рубинштейн С. Л. Человек и мир // Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание: Человек и мир. – СПб.: Питер, 2003. – С. 281–426.
17. Слободчиков В. И. Христианская психология – ее возможность и действительность // Шеховцова Л. Ф., Зенько Ю. М. Элементы православной психологии. – СПб., 2005. – С. 6–15.
18. Слободчиков В. И., Исаев Е. И. Основы психологической антропологии. Психология человека: Введение в психологию субъективности: учеб. пособие для вузов. – М.: Школа-Пресс, 1995. – 384 с.

Н. Д. Фирер

кандидат философских наук, доцент

Лесосибирский филиал Красноярского университета

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ВУЗОВ

Современный учитель – это специалист, овладевший высоким уровнем профессиональной деятельности, сознательно развивающийся в процессе труда, вносящий свой индивидуальный творческий вклад в педагогическую профессию, стимулирующий в обществе интерес к результатам своей работы [3, 161].

По мнению М. В. Маштаковой, учителем-профессионалом считается педагог, который успешно решает проблемы обучения и воспитания детей, готовит для общества нужный социальный продукт – выпускника с желаемыми личностными качествами; лично расположен к профессии, мотивирован к педагогическому труду и удовлетворен им; использует приемлемые в демократическом обществе технологии обучения и воспитания детей; осваивает нормы, эталоны педагогической профессии, достигает мастерства в ней; стремится индивидуализировать свой педагогический труд, а также сознательно развивает свою индивидуальность средствами профессии; достигает необходимого уровня развития профессиональных знаний и умений, личностных качеств; имеет и осознает перспективу, зону своего ближайшего профессионального развития, делает все для ее реализации; открыт для постоянного профессионального обучения, накопления опыта; обогащает свой профессиональный опыт за счет личного вклада и творчества; социально активен в обществе, ищет резервы решения проблем внутри профессии, не боится попадать в условия конкуренции образовательных услуг; предан педагогической профессии, стремится поддерживать даже в сложных условиях ее честь и достоинство; предрасположен к качественной и количественной эволюции оценки своей профессиональной деятельности, умеет сам это делать, готов к дифференцированной оценке своего труда в баллах, категориях, спокойно относится к участию в профессиональных испытаниях [там же].

Учителю XXI века, находящемуся в состоянии непрерывного самосовершенствования, предстоит овладевать прогрессивными технологиями обучения и воспитания, новыми достижениями отечественного и зарубежного опыта, адаптированного к своей предметной деятельности, индивидуальным особенностям и способностям.

В этой связи курс «Сибирское краеведение» в профессиональной подготовке будущего учителя определяет высокие требования к преподаванию истории, эстетики, истории мировой культуры, культурологии, истории религии.

Цели данного курса:

- овладеть навыками научных исследований в краеведении и практически их закрепить;
- научиться узнавать и формулировать проблемы в контексте региональной тематики;
- научиться находить пути решения проблем региона и осознанно излагать их.

Задачи курса:

- воспитание обучаемого как достойного гражданина, патриота, творца культурных ценностей и традиций региона и их потребителя;
- социализация молодого поколения по месту рождения и проживания;
- возрождение национального самосознания как важнейшего фактора формирования духовных и нравственных основ личности;
- расширение, углубление и конкретизация знаний учебных дисциплин, предусмотренных федеральными учебными программами;
- закрепление навыков проектной и научно-исследовательской деятельности, оформления собственных изысканий;
- выработка умения работать с документальными источниками, таблицами, схемами, картами;
- овладение коммуникативными компетенциями, что предполагает: этническую, профессиональную, культурную терпимость;
- формирование умения свободно участвовать в дискуссиях, ясно выражать свою позицию, согласовывать свое мнение с мнением окружающих.

В течение ряда лет в Лесосибирском педагогическом институте проводится музейная практика на базе старейшего Енисейского краеведческого музея, основанного в 1883 году. Квалифицированные работники музея проводят теоретический лекционный курс со студентами филологического факультета. Затем уже в залах самого музея г. Енисейска проходят практические занятия. Это и работа с экспозициями, работа в хранилищах музея, работа с документами, развитие навыков и умений составления запросов в архивы страны.

На научно-практической конференции по итогам музейной практики студенты отчитываются о проделанной работе, так как каждый имел индивидуальное задание и отдельную тему исследования (например, «Первопроходцы земли Енисейской», «Жизнь и быт народов Севера», «Становление золотых приисков в Енисейском районе», «Протопоп Аввакум в Енисейске», «Слово о вечном. Старец Даниил Ачинский в Енисейске», «Христианство и его отражение в фондах музея», «Знаменитые династии города Енисейска», «Традиции меценатства в Енисейской губернии», «История меценатства в сибирской провинции», «История создания Енисейского краеведческого музея», «Декабристы в енисейской ссылке (Ф. П. Шаховской, Н. С. Бобрищев-Пушкин)», «История народных промыслов в фондах музея», «Исследователь Арктики – Никифор Бегичев», «Деревянное зодчество Енисейска в фондах музея», «Творчество самодельных художников в фондах Енисейского краеведческого музея», «Профессиональные художники в фондах музея», «Люди и события (история Енисейско-Маклаковского восстания)», «Герой Советского Союза Е. С. Белинский», «Герой Советского Союза П. И. Дударев» и др.).

Курс «Сибирское краеведение» дает знания об основах хозяйствования, общественных отношений, о взаимоотношениях старожилов и переселенцев, о быте и культуре сибиряков. Рассматривается процесс адаптации российского переселенца к жизни в общине, процесс экономического, социального, психологического «вживания» в новый социум. На обширном материале студенты знакомятся с мировоззрением, традициями, обрядами и верованиями старожильческого населения края, с фольклором и говором русских сибиряков.

Примерная тематика курса:

- Формирование восточно-сибирского субэтноса.
- Сибирский характер.
- Сибирская крестьянская община.
- Старожилы и переселенцы Восточной Сибири.
- Социальный состав и социальные отношения сибирской общины.
- Семья и родственники.
- Жилище русских старожилов в Восточной Сибири.
- Орудия труда и хозяйственный инвентарь.
- Роль труда в жизни енисейского сибиряка.
- Практикум: мир сибирской деревни на Енисее.
- Календарь сибирских народных примет.
- Мастера своего дела.
- Сибиряк: ценности и традиции.
- Сибирская духовность.
- Досуг и праздники енисейских сибиряков.
- Традиционная система воспитания детей в Восточной Сибири.
- Народная медицина енисейских сибиряков.
- Одежда русских старожилов в Восточной Сибири.

Изучение истории Приенисейского края с древнейших времен до наших дней позволяет получить систематические знания об уникальных цивилизациях древности и раннего Средневековья на берегах Енисея, о жизни местного населения до прихода в Сибирь русских, об освоении края в течение трех с половиной столетий. История Енисейской губернии рассказывает о пребывании в наших краях декабристов и их роли в развитии культуры и просвещения. Немаловажную роль в данных процессах играли представители всех течений политической ссылки XIX – начала XX веков.

Вместе с тем, знаний по истории (в традиционном понимании истории политической, социальной, экономической) не совсем достаточно для полноценной социализации молодых людей в социокультурном пространстве своего края, «малой родины». В основе социализации лежит приобщение к «духу» малого социума, в частности сибирской земли.

Курс помогает глубже осознать свои корни на сибирской земле, принадлежность к «народу сибирскому» и постичь особенности местного сибирского патриотизма.

Патриотические чувства и взгляды формируются под влиянием множества факторов. К ним относятся природно обусловленные, или «естественные», связи и отношения между людьми, все многообразие социально-культурных связей и отношений, а также идеальные, духовные связи и отношения [2, с. 68]. По мере взросления и социализации мы «осознаем», как оригинально проявляются и индивидуально выражаются в нашей личности родовое и народное начала, этнические особенности и черты национального характера, – и только на основе этого сознания происходит самоидентификация с «родным» этносом, а впоследствии вырабатывается самосознание «человека вообще», представителя «человечества» или «земной планетарной цивилизации» [2, с. 69]. По мнению А. Н. Малинкина, «в этом смысле все, кто любит родину, националисты, поскольку полноценная любовь к своей родине предполагает любовь к своему народу» [2]. Исходя из рассуждений автора применительно к сибирскому студенчеству, мы сталкиваемся с удивительным явлением – сибиряки исконно интернациональны, и патриотизм, любовь к своей малой родине им присущи изначально. Здесь нет противоречия между утверждениями автора и нашим мнением. Это специфика сибирской культуры – интернациональный патриотизм. Именно такие гражданские качества развивает у студентов курс «Сибирское краеведение».

Значимым компонентом курса является дискуссивно-диалоговый.

Для обсуждения предлагаются следующие вопросы.

Какие качества необходимы человеку в Восточной Сибири для выживания? Какие из изученных факторов за последнее столетие изменились, какие сохраняются? Назовите иные воздействующие на сибиряков факторы. Определите «секреты» межнационального мира и согласия в приенисейском крае. Что объединяет здесь людей разных вероисповеданий и национальностей? Объясните смысл выражения: «Уметь принимать человека таким, каков он есть». Каковы основные черты характера русского сибиряка? Какое место занимают в жизни сибиряков традиции предков? Какими чертами характера, образа жизни, по-вашему, отличаются ныне сибиряки от жителей европейской России? Как от неравенства в отношениях мужчины и женщины Сибирь пришла к современной семье? Как родственные связи помогали успешному ведению хозяйства? Приведите примеры существования родственных традиций в наше время. В чем выражаются особенности строительного искусства в Западной Европе, Европейской России, в Восточной Сибири? Чем, по-вашему, определяется тип жилища? Какие постройки и элементы подворья характерны для вашего региона? Опишите интерьер крестьянского дома «российского» крестьянина и сибиряка. Чем отличается сибирская изба? Какие промыслы были развиты в вашей местности в прошлом, какие сохранились до сих пор? Выясните, какие лечебные растения произрастают в вашей местности, какие из них традиционно используются в народной медицине? Какие суеверия бытуют в народной культуре? Какова степень достоверности в этих верованиях? Каковы особенности различных типов одежды, головных уборов, обуви вашей местности? Отличалась ли одежда старожилов и переселенцев? Объясните принцип работы сибирского ткацкого станка – кросен.

Совместное обсуждение наиболее интересных вопросов по отдельным темам курса поможет выявить свои мнения и суждения, свои взгляды. Знания о предках, об истории своего рода, семьи на сибирской земле очень важны. В диалоге частные факты из событий прошлого предстают в контексте общеисторических явлений и процессов. Диалог позволяет осознать важность своей жизненной позиции, своего «Я»; поможет сформировать активную роль в жизни края, определить свое место в современной Сибири.

Выделяется в качестве ведущей задача формирования исследовательских компетентностей будущих учителей, что позволяет систематизировать совместную работу преподавателей, студентов, музейных работников, краеведов. На данном уровне происходит сбор и научная обработка материалов – источников для изучения прошлого края: письменных и вещественных. Собираются предметы быта, орудия труда, одежда, изделия прикладного искусства, письменные документы, фотографии, книги и т. д. Записываются воспоминания старожилов, перенимаются секреты мастерства местных умельцев, изучаются традиционные верования предков, обряды и ритуалы, бытовавшие в прошлом и сохранившиеся ныне. Исследования включают также запись местных праздников, увеселений, игр, форм совместного времяпрепровождения, песен, частушек, быличек, преданий. Особенно важна работа по составлению летописей региона, города, деревни, поселка, улицы.

На основе индивидуальной и коллективной работы по направлениям исследований, сбора вещественных и письменных памятников, фотографий и личных документов студенты получают навыки создания школьных краеведческих музеев, что в дальнейшей педагогической деятельности им, несомненно, пригодится. Ведь школьный краеведческий музей – это не только компонент учебного краеведения, итог работы преподавателя и учащихся, но и учебно-познавательный центр. Музей не должен застыть в своем развитии: хороший музей ежедневно пополняется экспонатами, постоянно реконструируется. Музеем нельзя назвать хранилище пожелтевших документов и запыленных экспонатов – он должен стать центром коллективной памяти династий, родов и отдельных семей, возвеличивания созидательной деятельности на сибирской земле.

Как в ходе исследовательской работы, так и при создании музея, студентам – будущим учителям – необходимо постоянно сотрудничать с местными архивами, тщательно работать и перепроверять факты по нескольким источникам. Это позволит корректировать субъективные воспоминания старожилов, находить нити для дальнейшего поиска.

Таким образом, курс «Сибирское краеведение» позволяет связать воедино знания о Восточной Сибири в целом, об истории своего края, региона, района, своего города, села с историей семьи, рода, с историей дедов и родителей на земле сибирской. Только осознание внутреннего родства и единения с «малой родиной», познание духа и традиций старожильского населения приводит к истинному патриотизму, внутреннему чувству, что ты – сибиряк.

Русский философ И. Ильин, говоря об истинном патриотизме, подчеркивал, «что истинный патриот любит в своем народе то, что должны любить и будут любить, когда узнают все другие народы, правда, он любит у своего народа и то, что другие народы не полюбят; однако и он не призван любить у других народов все, но лишь то, что составляет истинный источник величия и славы» [1, с. 356]. Курс «Сибирское краеведение» добавляет еще одну черту к истинному патриотизму – «черту уважения к своему Отечеству» по меткому утверждению К. Д. Ушинского [4, с. 209].

Следует отметить, данный курс повышает профессионализм, улучшает творческую активность студентов – будущих учителей, способствует росту методического уровня и педагогического мастерства, на что в конечном счете нацелено вузовское образование.

Литература

1. Ильин И. А. Сочинения: в 10 т. – М.: Просвещение, 1993. – Т. 1.
2. Малинкин А. Н. Социальные общности и идея патриотизма // Социологический журнал. – 1999. – № 3/4. – С. 69–89.
3. Маштакова М. В. Зона ближайшего развития учителя как средство повышения профессиональной квалификации педагогов школы-комплекса: программа // Интеграция методической (научно-методической) работы и системы повышения квалификации кадров: Материалы V Всероссийской научно-практической конференции: в 4 ч. – Челябинск: Образование, 2004. – Ч. 4. – 318 с.
4. Ушинский К. Д. Три элемента школы // Педагогические сочинения: в 6 т. – М.: Педагогика, 1988 – Т. 1.

Н. В. Леонова

*кандидат искусствоведения, профессор
Новосибирская государственная консерватория*

ЧАСТУШКА В КОНТЕКСТЕ ВОЗВЫШЕННОГО И ЗЕМНОГО

Жанр частушки в течение длительного времени не привлекал меня ни как собирателя, ни как исследователя. Экспедиционная практика нередко сталкивала с народными исполнителями, знавшими и певшими частушки. Но серьезная запись произведений данного жанра, как правило, всегда оставлялась «на потом», на конец экспедиции, когда больше уже нечего будет записывать. Но поскольку временные и финансовые возможности экспедиции всегда были достаточно скромными, постольку до сколь-либо систематической записи частушек дело не доходило.

Пересмотру моего, прямо скажем, снобистского отношения к частушке способствовали два обстоятельства. Во-первых, случайно услышанная радиопередача, в которой поэт Виктор Боков с восторгом признавался в любви к этому неиссякаемому источнику народного оптимизма и творческой фантазии. Во-вторых, также случайно обнаруженный факт глубокого интереса к частушке со стороны Павла Александровича Флоренского. Показалось крайне неожиданным, что П. А. Флоренский, ученый, религиозный философ, профессор Московской духовной академии, внес значительный вклад в развитие отечественной фольклористики как собиратель именно частушек, опубликовав одну из самых ранних [1] и крупных (968 единиц) коллекций, собранную в пределах локально ограниченного района [2].

Позже к частушкам из собрания Флоренского привелось обратиться при подготовке сообщения «Военная тема в частушках» для выступления в мае 2005 г. на научной конференции. Настоящая статья частично воспроизводит и в некоторой степени развивает материал сообщения.

* * *

В коллективном народном сознании, как и в представлениях отдельных носителей фольклора, присутствует оценочная дифференциация жанров и связанных с ними содержательных сфер. В разных ситуациях основная оппозиция данной дифференциации выражается парами определений (важные и пустяковые, *жизненные* и *смеха ради*, правильные и греховные и т. п.), за которыми стоит глубинное подразделение оцениваемых явлений на высокие, обладающие безусловной коллективной ценностью, и низкие, образующие культурную периферию. Отнесение фольклорных явлений/произведений к группе высоких или низких жанров определяет особенности их функционирования. Сама же оценка учитывает наличие в славянской народной культуре двух мировоззренческих систем – дохристианской и христианизированной.

С позиций дохристианских (или внеправославных?) представлений наиболее ценную часть традиционного творчества представляют обрядовые и эпические жанры, концентрирующие коллективную волю и знание. Они связаны с поддержанием жизненных норм и канонов, способствуют решению проблем, связанных с нарушением гармонии мирового порядка. Другой полюс образован необрядовыми жанрами песенно-танцевального и лирического характера. Христианизированное мировоззрение преобразовало данную

оппозицию, оставив в высокой сфере идеологически, нравоучительно насыщенный репертуар, способствующий воспитанию ума и нравственности. Именно эти жанры – старины, баллады и, особенно, духовные стихи – составили основу постового репертуара, отвлекающего человека от греховного начала, очищающего его душу. Обрядовые песни, как явления языческой культуры, дополнили группу низких жанров, способствующих реализации чувственных устремлений.

Частушка – жанр малой формы, сформировавшийся не ранее второй половины XIX века на основе обобщения творческих импульсов фольклорного и профессионального (литературного), крестьянского и городского происхождения, связанных, главным образом, с лирической образностью и песенно-танцевальной сферой бытования. Чрезвычайно популярные и любимые этнофорами *коротушки, прибаски, припевки, собираушки, таратайки* в настоящее время все еще находятся на продуктивной стадии своего развития, откликаясь задорным словом на любые мало-мальски заметные явления современной действительности. Но даже самые мастеровитые и азартные народные исполнители частушек, тем не менее, в кругу исполняемых ими песен отводят частушке очень скромное в оценочном отношении место.

Среди причин, определяющих низкую оценку жанра, песенницы чаще называют несерьезность содержания и, как им представляется, относительную легкость складывания и исполнения частушек. Первый «недостаток» коррелируется с оценкой той возрастной группы социума, которая внесла наибольший вклад в формирование тематического стержня и персонажного круга частых песен. Речь идет о молодежи, которая, с точки зрения старших, еще ни работать, ни думать, ни петь толком не умеет. За вторым «недостатком» стоит представление о том, что хорошая песня должна быть обязательно «старинной» песней, которую пели родители, деды, а то и прадеды. Хорошая песня уходит своими корнями в прошлое, она к тому же определяется как *долгая*, нередко *тяжелая* в исполнении и *правильная, складная*. Понятно, что наиболее распространенные виды лирических и озорных частушек этим требованиям не отвечают – и не долгие, и не старинные, и далеко не всегда складные [3]:

*Хорошо было сидеть
С милым на завалинке.
Каково было глядеть
Маминьке в окошечко! (298)*

*Што ты, милой, не пришел,
Коли я велела?
Я всю ночь не спала,
Ланпочка горела. (169)*

А уж про содержание и говорить не приходится: что смеха ради, а что всерьез – не сразу и разберешь.

*Попритихла балалайка,
Стихли гусли звончатые.
Жил один петух в деревне –
И того прикончили. (с. 47)*

*Вы не бейте, не стреляйте
В огороде питушка.
Убейте, застрелите
Лучшеилова друшка. (663)*

О легкости сочинения (складывания) частушек тоже как будто можно говорить утвердительно. И напев помогает – один на десяток, а то и сотню припевок, и слова-то можно из разных песен заимствовать и затем разворачивать по смыслу в нужном направлении (и настроении) используемые песенные фрагменты. А дальше – как получится, у кого-то лучше, а у кого-то так себе.

*Што не ветер ветку клонит,
Не дубравушка шумит:
Мальчик девку-чернобровку
В лес за ягодам манит. (185)*

*Пропадай, моя телега,
Все четыре колеса.
Догорай, моя лучина,
Догорю с тобой и я. (373)*

О роли вычленения и трансформации отдельных мотивов традиционных песен в процессе складывания текстов частушек писал С. Лазутин [4]. Однако справедливости ради стоит отметить, что частушек, которые содержат в себе прямые заимствования из песен, в современном репертуаре сохранилось немного. Возможно, этот процесс был более заметным и активным на начальной стадии формирования жанра [5]. Но в целом связи частушек с песенным фондом иного порядка. Не заимствование, а отбор и преобразование наиболее подходящих по характеру содержательных и структурных элементов, создание устойчивых поэтических форм и формул нового жанра. Н. Колпакова по поводу связи частушки и лирической песни замечает: частушка пересказывает образы лирической песни «живее, экспрессивнее, индивидуализируя оттенки эмоций и языковые средства» [6]. Старые темы и образы, заимствованные из песенных текстов, преобразуются в новом для них жанровом поле до неузнаваемости. «Частушки... стремятся... в миниатюрной форме монострофы при предельной экономии слов нести сильное и яркое содержание», – писал И. Зырянов [7]. В таком случае, действительно ли частушка – легкий жанр для сочинения, или экспромтное рождение нового гладко скроенного и выразительного текста – сродни творческому озарению поэта?

Многие исследователи в качестве тематических, образных, эмоциональных и поэтических источников частушечного жанра чаще всего называются танцевальные песни и припевки, крестьянские и городские лирические песни. Однако трудно не согласиться с С. Лазутиным, который, размышляя о жанровых свойствах частушки, отмечает, что «в отличие от других песенных жанров фольклора, содержание которых всегда в той или иной мере ограничено определенным кругом тем и образов, тематический диапазон частушек поистине безграничен» [8]. Попробуем найти этому подтверждение и посмотрим внимательнее на частушки, тематика которых выходит за пределы типичного, наиболее характерного сюжетно-образного круга.

В собрании Флоренского, с которого началась поисковая и аналитическая работа автора данной статьи, количественно преобладают любовные частушки, которые собиратель группирует «гнездами» и располагает таким образом, чтобы рассказать терпеливому читателю «историю развития любви» от зарождения и расцвета через сердечные терзания к угасанию [9]. Наряду с любовно-лирическими и «насмешливыми» частушками Флоренский помещает несколько десятков мужских рекрутских (№ 720-783), в порядке следования которых также есть сюжетная логика.

*Что-то в поле шевелится.
Меленка ворочатся.
Меня осенью – в солдаты.
Батюшки, не хочется! (721)*

*Ты играй, играй, двухряточка,
Наигрывай-ко-са.
Ты гуляй, гуляй, головушка,
Нагуливай-ко-са. (730)*

*Нам недолго погулять
Со девчонкам-вольницам:
Скоро, скоро забрячит
Устра бритва с ножницам. (737)*

*Каркнул ворон на березе,
Свистнул воин на коне.
Поминай меня, милая,
В чужой-дальной стороне. (761)*

Дальнейшее развитие сюжета рассказывается уже женскими голосами (эти частушки рассредоточены среди лирических и *страданий*).

*Мово милова забрили –
При печале дом стоит,
Два открытые окошка –
Ни в которо не глядит. (426)*

*Увидала из окошка
На горе высокой сад.
Неужели не дождуся
Я милова из солдат? (428)*

*Не кокуй, кокушка, в лесе
На осине проклятой.
Сядь на белую березу,
Кокуй горькой сиротой. (456)*

*Из-за лесу, лесу темного,
Везут милого застреленного. (230)*

*Светит месяц над могилой,
А в могиле лежит милый. (120)*

Женские голоса доводят сюжетную линию до драматической (или элегической) развязки. Переключка мужского и женского голосов продолжится в военных частушках XX века, что нашло отражение на страницах более поздних по сравнению со сборником Флоренского изданий.

Из сборника В. Бахтина (с предисловием В. Бокова) [10]:

*Каркнул ворон на березе,
Свистнул воин на коне:
– Пропадай, моя головка,
На германской стороне!*

*Как вчера-то вечерочком
Телеграмму принесли,
Будто милого убитого
В Германии нашли...*

В дальневосточном альманахе женский голос одиноко воспроизводит в не вполне совершенных строфах горестные мотивы военного сюжета, актуализированного, увы, современными событиями [11]:

*Берут брата во солдаты,
А милого на войну.
Я по брату плакать буду –
По милом с ума сойду.*

*Братец пишет письмецо:
«Ох, милая сестреночка,
При моих глазах убили
Твоего миленочка»*

*Хоть как Кавказски горы
Я, девчонка, перешла.
Задуманного братишечку
Убитого нашла.*

Сравнивая частушечные тексты с лирическими строфами Гейне, Флоренский замечает, что «в глубине частушки порою нетрудно разглядеть слезы и боль разбитого сердца; однако как у Поэта, так и у народа эти слезы и эта боль показаны более легкими, нежели они суть на деле» [12]. Действительно, в этих строках нет причетного надрыва, но нет и привычной для частушечного жанра шутовщины, «задорной прелести».

О горьком и страшном рассказывается, как и должно, – просто и серьезно. Оказывается, такие образы и такие состояния не исключаются из содержательного «поля» данного вида народного творчества.

В своих размышлениях об эволюции фольклора и месте частушки в этом процессе Флоренский приходит к не вполне ясному заключению о том, что частушка «есть крайний предел того спектра народной песни, начальным пределом которого является былина, историческая песня и духовный стих» [13]. Нетрудно заметить, что все названные Флоренским жанры относятся к числу высоких, что первые из них, былина и историческая песня, связаны, преимущественно, с мужской традицией. В связи с этим обстоятельством именно военная тема, тема борьбы с врагами получила в них наиболее последовательное, хотя и разное по характеру и форме, воплощение. Разработка темы продолжилась в балладах, рекрутских, солдатских и казачьих песнях, в военных песнях ушедшего века и, как видно из приведенных ранее образцов, в частушках.

Но вряд ли чуткий и внимательный собиратель, эволюционно связывая былинку и частушку, имел в виду отдельное тематическое звено связующей их цепи. Попробуем определить и другие объединяющие свойства. Прежде всего, обратим внимание на то, что названные Флоренским жанры обладают ярко выраженной *познавательной* ценностью и *направленностью на слушателя*, для полноценного исполнения былинки или духовного стиха необходимо внимание, сопереживание, реакция публики. Далее отметим значительный *идеологический* (воспитательный) потенциал жанров, в связи с чем, параллельно с образцами стихийного творчества в процессе развития каждого жанра возникали произведения тенденциозного характера, воплощающие идеологию определенных общественных сил. Исполнение и создание образцов данных жанров способствовало развитию процесса *профессионализации* (будь то профессионализм в рамках устной традиции или профессионализм нового типа в условиях письменной культуры). Добавим к этому *видовую и стилевую неоднородность* каждого жанра (фактически, жанрового комплекса), наличие феномена музыкально-поэтической актуализации в условиях изменяющейся, обновляющейся фольклорной среды, а также некоторую *автономизацию* (самостоятельность) музыкального и поэтического компонентов, распространение политекстовых и типовых напевов.

Представляется, что все отмеченные выше качества в более или менее явной и своеобразной форме присущи и жанру частушки. Частушка – это и поющая «газета» и дискуссия на злободневные темы с обязательными оценочными выводами. С многочисленными самодельными и профессиональными образцами жанра, призванными воспитывать необходимые для строителя нового общества качества, можно познакомиться на страницах изданных в советский период сборников, многие из этих частушек бытуют в живой исполнительской практике. А реальное бытовое многообразие жанра таково, что можно заключить, что частушка воспроизводит образно-тематические и стилевые параметры (элементы) не отдельных песенных сфер, а современной для нее *народной песенной системы в целом*.

Подобно песням в частушечном репертуаре можно выделить образцы всеобщего распространения и социально дифференцированные (крестьянские, рабочие, солдатские, колхозные и пр.). Тематический диапазон жанра не содержит ограничений, в нем легко уживаются традиционные образы с новациями, элементы устной и письменной культуры. Долгие (протяжные) и скорые частушки вошли в различные формы бытовой и праздничной жизни социума. Мелодическое же богатство локальных вариантов частушечных напевов, о котором можно судить хотя бы по давно изданному сборнику Н. Котиковой [14], к сожалению, в исследовательском отношении до сих пор до конца не освоено.

Жанр частушки представляет значительный интерес для исследователя не только и, скорее, не столько сам по себе (хотя и в этом отношении он достоин внимания), как

жизнеспособная и продуктивная форма современного фольклора. Частушка – уникальный для науки материал в связи с тем, что вся ее жизнь, или значительная ее часть, прошла на глазах у пишущего человека. Письменные материалы и живая певческая практика дают возможность проследить процесс становления и динамику развития жанра, выявить круг его связей и тем самым сделать шаг вперед в понимании сущности исторического движения фольклора в целом.

Литература

1. Флоренский П. А. Собрание частушек Костромской губернии. – Кострома, 1909.
2. Флоренский записывал частушки в 1904–1909 гг. в селе Толпыгино Нерехтского уезда Костромской губернии, в опубликованное собрание вошли частушки 1908 года записи.
3. Основная часть частушечных текстов, приводимых в статье, взята из современного переиздания материалов П. А. Флоренского: Частушки из собрания П. А. Флоренского // Православные священники – собиратели русского фольклора. – М., 2004. – С. 237–412. В скобках указан номер частушки в данной публикации. Ряд образцов заимствован из другого издания: Слово. Фольклорно-диалектологический альманах. – Вып. 1. – Благовещенск, 2003 (в скобках указывается номер страницы).
4. «Многие частушки представляют собой не что иное, как вычленившиеся из традиционных песен отдельные мотивы, получившие затем самостоятельность бытования» (Лазутин С. Русская частушка. – Воронеж, 1960. – С. 48).
5. На общность особого рода песни и частушки обращали внимание первые собиратели и исследователи нового жанра – Е. Елеонская, Д. Зеленин. «Тесная связь частушки со старинными народными песнями вне сомнения: многие частушки – просто отрывки или видоизменения старинных песен» (Зеленин Д. Новые веянья в народной поэзии, с. 7).
6. Колпакова Н. Типы народной частушки // Русский фольклор: Специфика фольклорных жанров. – М.; Л., 1966. – Т. X. – С. 268.
7. Зырянов И. Вариантность частушки как признак ее коллективности // Русский фольклор: Специфика фольклорных жанров. – М.; Л., 1966. – Т. X. – С. 295.
8. Лазутин С. Поэтика русского фольклора. – М., 1981. – С. 76.
9. Кулагина А., Флоренский П. А. // Православные священники – собиратели русского фольклора. – М., 2004. – С. 217–218.
10. Бахтин В. Частушка. – М.; Л., 1966.
11. Слово. Фольклорно-диалектологический альманах. – Благовещенск, 2003. – Вып. 1. – С. 47.
12. Кулагина А. П. А. Флоренский // Православные священники – собиратели русского фольклора. – М., 2004. – С. 218–219.
13. Там же. – С. 219.
14. Русские частушки / сост. Н. Котикова. – [Л.], 1956.

Е. В. Панкина

кандидат искусствоведения, доцент

Новосибирская государственная консерватория (академия) имени М. И. Глинки

ЖАНРОВАЯ СПЕЦИФИКА ФРОТТОЛЫ

В панораме итальянских песенных жанров второй половины XV – первой трети XVI веков один занимает исключительное положение, по всем параметрам отличаясь от остальных. Речь идет о фроттоле – самом, казалось бы, изученном и, в то же время, самом загадочном жанре, проблема которого до сих пор остается открытой.

Сложность определения сущности фроттолы обусловлена, прежде всего, отсутствием каких-либо ясных и недвусмысленных ее характеристик в самой итальянской музыкально-поэтической традиции. И действительно, название «Frottola» присутствует только в заглавиях певческих книг, но не конкретных произведений. Отсутствуют также и стихотворные фроттолы, что дало бы возможность составить точное представление хотя бы о типичном для данного вида произведений строении вербального текста. Но большинство песенных собраний начала XVI столетия, например, десять из одиннадцати книг, изданных Оттавиано Петруччи (1504–1511), четыре книги Андреа Антико (1520), некоторые лютневые табулатуры (А. Антико, 1517; Ф. Боссинензис, 1509) выпущены под единым заголовком «Frottole», за которым скрывается обилие пьес с различным содержательным и структурным наполнением. Несколько реже данное понятие в заглавиях сборников применяется наряду с другими жанровыми обозначениями, например, *Canzoni Sonetti Strambotti et Frottole* (П. Самбонеттус, 1515), *Strambotti ode frottole Sonetti et modo de cantar versi latini et capituli* (О. Петруччи, IV книга, 1505), *Canzoni, Frottole et Capitoli* (Дж. Пасотус и В. Дорих, 1526), *Canzoni Frottole et Capitoli* (В. Дорих, 1531) и др. Таким двойственным использованием термина при отсутствии каких-либо пояснений обусловлены столь же двойственные и неоднозначные характеристики фроттолы практически во всех трудах, затрагивающих данный вопрос.

Проблема выявления сути фроттолы впервые была поставлена Р. Швартцем [9] в связи с его критикой недостаточно продуманных и аргументированных высказываний итальянских и немецких литературоведов. Р. Швартц считает фроттолой композицию с регулярной ритмикой стиха – восьмисложный трохей, с расположением, длиной и функцией строф, соответствующих структуре барцеллетты⁸ (без употребления этого термина). Другие стихотворно-музыкальные формы ученый, по-видимому, отделяет от фроттолы, описывая их под собственными названиями – страмботто, сонет, ода. Однако подобное размежевание, призванное, казалось бы, все прояснить и упорядочить, тут же подвергается сомнению. Во-первых, сам исследователь неоднократно [9, с. 435, 445] допускает возможность иных поэтических конструкций фроттолы, в частности, других, помимо восьмисложного трохея, типов ритмики, а также существование конструкций с нерегулярными длиной и количеством строф. Во-вторых, Р. Швартц делает парадоксальное заявление о превращении формы сонета во фроттолу путем замены одиннадцатисложников на восьмисложники [9, с. 442]. В таком случае возникает вопрос: если изменения коснулись только длины строк, но не длины, количества и рифмовки строф, то есть общие очертания сонета сохранены, то как это согласуется с типичной для фроттолы барцеллеттой, и в чем же заключается специфика фроттолы? Итак, выстроенная исследователем теория разрушается его же собственными рассуждениями, а однозначное сведение фроттолы к барцеллетте с однотипной ритмикой стиха им самим осознается как весьма натянутое и несоответствующее действительности.

Авторы более поздних работ, стремясь разрешить проблему, поставленную Р. Швартцем, придерживаются, как правило, очень простой позиции, согласно которой фроттола предстает в двух ипостасях. В узком смысле она является жанром того же порядка, что и прочие, с приоритетным структурным параметром (различные виды барцеллетты). Об этом говорят, в частности, В. Остхофф: «фроттола как преобладающий тип флорентийских песен сводится к баллате»⁹ [6, т. 1. с. 124, 125, 134]; М. Букофцер: «Фроттола – популярная рефренная форма»* [4, с.154]; Э. Суриан под собственно фроттолой подразумевает поэтическую схему, «которая в учебной литературе называется “барцеллетта”»* [10, с.179]; аналогично понимают фроттолу В. Рубземен [7, с. 54], Т. Ливанова [2, с.127], Т. Дубравская [1, с. 968–969].

⁸ Музыкально-поэтическая рефренно-ритурнельная форма, состоящая из 6–8-строчной строфы (*mutazione*) и 3–4-строчного рефрена (*girresa*) с его усеченным проведением после строфы (*volta*).

⁹ Тексты, помеченные знаком *, приводятся в переводе автора данной работы.

В широком смысле данное понятие обозначает итальянскую городскую песню вообще. Г. Бесселер объединяет итальянские песенные виды XV века «под общим наименованием фроттолы»* [3, с. 219], Дж. Хаар рассуждает о фроттольном репертуаре как совокупности всех песенных жанров [5, с.33], В. Рубземен считает слово «фроттола» обобщающим термином [7, с. 54] и т. д. При этом нередко в частных замечаниях с фроттолой отождествляются другие жанровые и структурные понятия. Так, например, В. Рубземен называет песню *Ite, suspiri, la dove amore*, по форме представляющую собой страмботную октаву, фроттолой [7, с. 57], а далее сообщает о типичности структуры барцеллетты для карнавальных песен Лоренцо Медичи [7, с. 61]. Исходя из данных заявлений ученого, напрашивается вывод об идентичности фроттолы и карнавальной песни.

В. Остхофф неоднократно говорит о карнавальной фроттоле, фроттоле-Trionfo [6, т. 1, с. 128–129], а анализируя некую канцону, сравнивает ее музыкальный язык «с другими фроттолами»* [6 т. 1, с. 146]. Автор допускает также весьма странный пассаж, в котором смешение песенных жанров доведено до абсурда: песню Ф. Виоланте *Forza d'amor dallo superno Clime*, написанную в значительно модифицированной балладной форме, он относит к «нефроттольной музыке» [6, т. 1, с. 153], в то же время, считая ее близкой другой пьесе – фроттоле – «по жанру и фактуре»* [6, т. 1, с. 153]. Остается непонятным, что же в таком случае вкладывается в понятие песенного жанра.

В некоторых работах проблема соотношения фроттолы с другими жанрами вообще вуалируется, скрываясь за описаниями отдельных структур, образной и бытийной сторон светской песенности в целом. Так, например, Т. Ливанова, указывая на широту тематики и назначения фроттолы, называет ряд характерных для нее типов строения, как-то: барцеллетта, ода, страмботто, сонет, после чего отмечает: «наиболее популярные фроттолисты специализировались именно на песне, создавая также канцоны и лауды» [2, с.127]. Из приведенного высказывания можно сделать вывод об отождествлении автором фроттолы и песни вообще, однако остается неясным, на каком основании из всего жанрового многообразия песенного массива выделены именно канцона и лауда (духовная песня), а не, например, капитоло.

В статье Т. Дубравской [1], как и в ряде других работ, под фроттолой понимается произведение и в форме барцеллетты, и в иных структурах. При этом исследователь обходит вопрос о соотношении фроттолы как жанра с другими видовыми обозначениями, интерпретируя данные наименования то как жанровые, то как формально-композиционные.

Нередко, особенно в трудах обобщающего характера, понятие фроттолы используется без каких-либо комментариев относительно ее жанровой природы. С ней связываются лишь отдельные музыкально-стилистические признаки, свойственные песенной культуре данного периода в целом.

Обилие нелогичных заключений и противоречий при обращении к проблеме жанровой природы фроттолы, на наш взгляд, обусловлено не только изложенными выше объективными причинами, а именно неоднозначным применением понятия в песенных собраниях и эпистолярном наследии. Специфика и сущность данного жанра могут быть выявлены лишь при некоторой корректировке традиционного подхода к нему. Фроттола должна рассматриваться не как некий изолированный феномен, а как органичная часть общего жанрового контекста, с определением ее индивидуальности путем сопоставления с другими видами по всем параметрам.

Прежде всего, фроттола существенно отличается от других песенных разновидностей в историко-генетическом плане. По-видимому, это единственный абсолютно новый жанр своей эпохи. Практически все современные ей виды имели долгую историю развития в рамках как фольклорной, так и профессионально-авторской культур. Истоки канцоны, баллаты уходят в средневековье. Первые упоминания о сицилиане, респетто, страм-

ботто относятся к XIV веку. Стихотворная композиция капитоло откристаллизовалась в творчестве Данте. О фроттоле же нет сведений до второй половины XV века, что дает основание предполагать формирование жанра в этот период¹⁰.

Точное время и место ее возникновения сейчас, разумеется, определить невозможно. Практически все исследователи указывают на Северную Италию конца XV века, точнее – на музыкальную жизнь мантуанского двора. Действительно, на 80–90-е годы приходится деятельность в Мантуе крупных фроттолистов – Маркетто Кары, Бартоломео Тромбончино, Джан-Пьетро Мантовано. В это же время в других итальянских городах работают такие мастера, как Жоскен Дебре (вторая половина 70-х – Милан, с середины 80-х до середины 90-х – Рим), Якопо Фольяно и Лудовико Фольяно (Модена), Перегринус Чезена (Падуя). Но фроттолы встречаются и в творчестве более ранних авторов. Речь идет, прежде всего, о флорентийских музыкантах и поэтах из окружения Лоренцо Медичи – Анджело Полициано, Хенрике Изааке, Александре Коппинусе, Пинфелло, Арнольфо Шарде – и, главное, о самом Лоренцо, скончавшемся в 1492 году. В пользу предположения о том, что именно флорентийская карнавальная песенная традиция, значительной частью представленная произведениями названных мастеров, стала почвой для формирования фроттолы, свидетельствуют также черты музыкальной стилистики карнавальных песен в сочинениях, опубликованных под заголовком «Frottole» [см. об этом: 6, т. 1].

Термин «фроттола» также весьма необычен в этимологическом отношении в качестве определения песенного жанра. Как правило, наименования итальянских песенных видов отражают тематику или характер образности (серената, маттината, дипартита, риторната, страмботто, респетто), либо это «нейтральные» понятия (канцона, капитоло, баллата, ода). Название *frottola* трактуется двояко:

1) *frottola*, будучи производным от *frotta* – «гурьба, толпа, ватага, стая, группа», интерпретируется как песня толпы, народа;

2) буквальное значение слова – «выдумка, вздор, болтовня», откуда следует трактовка фроттолы как легкой песенки с примитивным содержанием. Данное предположение, хотя и базирующееся на точном переводе, не представляется верным, поскольку во фроттольных книгах содержится немало произведений, никак не соответствующих данному характеру.

Если же исходить из определения фроттолы как песни народа, то неизбежно напрашивается вывод о неспонтанном, возможно, даже искусственном происхождении жанрового обозначения. В самом деле, в названиях других песенных видов отражена направленность текста, а не социальная ориентация. Зато вполне вероятно, что в среде профессионалов и образованных дилетантов, с целью создания произведений в «народной манере», было выработано понятие, в которое вмещалось представление о народной песне вообще. Итак, по условиям становления фроттола коренным образом отличается от других жанров.

Выявление специфики фроттолы с точки зрения сюжетно-ситуативного параметра просто не представляется возможным, поскольку фроттольные собрания содержат весь спектр тем и образов городского песенного творчества, а область их распространения совпадает с бытованием всей итальянской светской вокальной музыки.

¹⁰ А. Шеринг [8, с. 30] произвольно называет некоторые композиции из собрания Л. Джустиниани фроттолами. Но другие исследователи, за исключением Т. Ливановой, более корректны, используя термин *Justiniane* – «джустинианы», которым и обозначались эти сочинения в период выхода сборника. В. Рубзмен [7, с. 54] полагает, что истоки фроттолы можно искать в средневековой латинской *frosta*, не ссылаясь, однако, на конкретные примеры. А поскольку исследователь отождествляет фроттолу с барцеллеттой, то, естественно, обнаруживает образцы с близким строением в вокальной музыке Треченто и раннего Кватроченто. Однако композиционные разновидности данного типа в те эпохи соответствовали жанру баллаты, и проведение прямой аналогии с фроттолой здесь вряд ли уместно.

Намного более сложен вопрос ее специфики в плане формообразования. Как уже говорилось, в исследовательской литературе сплошь и рядом констатируется отождествление фроттолы с барцеллеттой, вплоть до взаимозаменяемости данных понятий. Однако ни в одном труде не приводятся веские для того основания. Это положение выдвигается a priori, аксиоматично, без аргументации и критики переходя из работы в работу. А между тем, существуют некоторые факты, свидетельствующие не в пользу столь простого решения. Факты эти немногочисленны, но эпоха и не оставила обилия пространных высказываний относительно данной области творчества.

Так, в 1519 году Дж. А. де Кането выпустил в Неаполе издание под заголовком *Fioretti de Frottole Barzelette Capitoli Strambotti e Sonetti*. Собрание из пяти книг с таким же названием опубликовано Римартини в Болонье¹¹. В 1521 году вышло в свет собрание Б. Тромбончино *Canzoni madrigali soneti Capitoli et stramboti Versi latine et ode latini et vulgar barzelete frottole et dialogi*. А. Ф. Грацини (Ласка) в предисловии к своему знаменитому собранию *Tutti i Trionfi, Carri, Mascherate o Canti Carnascialeschi* (1559), описывая музыкальную сторону карнавалов эпохи Лоренцо Медичи, замечает: «в карнаваль-ных шествиях пели <...> разного рода канцоны, баллаты, мадригалы и барцеллетты»* [9, с. 464]. Высказывание такого видного автора особенно важно, поскольку барцеллетта здесь перечисляется в одном ряду с крупнейшими вокальными жанрами XV–XVI веков как отличное от них и равнозначное явление. Показательно, что в приведенном фрагменте не фигурирует понятие фроттолы.

Наконец, сохранилось письмо известного поэта и драматурга конца XV – начала XVI веков Г. дель Карретто к его покровительнице маркизе Мантуанской Изабелле д'Эсте, в котором он называет созданные совместно с Б. Тромбончино произведения *le belzerete*¹² [6, т. 1, с. 450]. Следует отметить, что речь идет не о структурах, а о целостных музыкально-поэтических композициях.

Итак, приведенные свидетельства демонстрируют применение понятия «барцеллетта» в качестве и структурного, и жанрового, по аналогии с такими терминами, как, например, «капитоло», «ода», «страмботто», «канцонетта».

Осмысление еще одного обстоятельства влечет за собой пересмотр традиционного представления о барцеллетте. Имеется в виду этимология термина в контексте других жанровых понятий песенной культуры.

Barzulletta буквально означает «анекдот, шутка, острота», то есть имеет ярко выраженную содержательную окраску. Для сугубо структурных терминов это обычно нехарактерно: «терцина», «катрен», «секстина», «октава» отражают количественную характеристику строфы, но не несут никакой эмоционально-смысловой нагрузки. Однако именно жанровые обозначения в подавляющем большинстве очень выразительны, а практически все жанрово-структурные понятия (сицилиана, страмботто, баллата, ода и др.) изначально сформировались как жанровые и лишь с течением времени были экстраполированы на типичные для данных видов композиционные схемы.

На основании изложенного вполне логичным представляется следующее предположение: создателями и аудиторией итальянских городских песенных сочинений второй половины XV – первой трети XVI веков барцеллетта осознавалась как жанр, равноправный с прочими, обладающий спецификой в области формообразования и с весьма разноплановым содержанием. Барцеллетта может быть определена как неситуативный вид, характерный, прежде всего, для бытовой лирики. При этом барцеллетта в узком смысле – как тип строения – проникает и в иные жанровые сферы (например, карнаваль-ные песни). В данном отношении она подобна, например, капитоло, канцонетте или сицилиане.

¹¹ Оба издания ныне хранятся во флорентийской библиотеке Magucelliana.

¹² Совершенно очевидно, что это искаженное *barzulletta*. Подобная нестабильность и вариантность слов – характерное явление для периода формирования норм итальянского литературного языка, при сильном воздействии архаизмов, диалектизмов и иноязычных заимствований.

Таким образом, аксиоматическое представление о барцеллетте как форме, присущей исключительно фроттоле и являющейся ее неотъемлемым жанровым признаком, оказывается несостоятельным. И в содержательно-ситуативном, и в структурном плане фроттола не имеет собственной специфики. Более того, фроттола явно не может интерпретироваться в соответствии с традиционными жанровыми критериями, поскольку в данном случае они не действуют. Фроттола – явление принципиально иного уровня. В общей системе песенных разновидностей ее функция может быть определена только как макрожанр, сверхжанр. В этом качестве она вбирает в себя всю современную ей песенную культуру. По существу, любое жанровое обозначение может быть замещено данным термином. А ее параметры представляют собой комплекс жанровых признаков всей совокупности итальянских городских песенных видов.

В вокальной культуре итальянского Возрождения обнаруживается лишь одна параллель фроттоле. Имеется в виду канцона в широком смысле – как песня вообще. Неслучайно заголовки «*Canzoni*» были столь же широко распространены в песенных изданиях, например, *Canzoni nove con alcune scelte de varie libri di canto* (А. Антико, 1510), *Fior de Motetti e Canzoni novi* (составитель неизвестен, 1523), *Motetti e Canzoni* и *Messa motetti Canzonni Novamente* (оба сборника Н. да Джудичи, s. a. и 1526). Структурные и содержательные характеристики композиций, содержащихся в подобных книгах, разумеется, весьма разнообразны. Однако понятие «канцона», несмотря на его несомненную универсальность, не приобрело такого всеобъемлющего значения, как понятие «фроттола». Именно фроттоле в современной ей вокальной культуре и в сознании последующих поколений музыкантов выпала роль репрезентанта всей итальянской песенной традиции Высокого Ренессанса.

Ключевое место в выявлении индивидуального облика данного пласта вокальной музыки занимает комплекс стилистических признаков, обобщенно выраженный в понятии «фроттольность»¹³, по сути, тождественном понятию песенности, которое служит для национально-исторической локализации соответствующих явлений. Именно через данную категорию выражается специфика городской песенной культуры исследуемого периода в сопоставлении с иными во временном и пространственном отношении феноменами, также принадлежащими к области музыкально-поэтического творчества. А следы фроттольной стилистики в пластах вокальной музыки, относящихся к другим эпохам и национальным культурам, выявляют подлинную историческую значимость итальянской песни эпохи Ренессанса.

Литература

1. Дубравская Т. Фроттола // Музыкальная энциклопедия. – М., 1981. – Т. 5. – Кол. 968–972.
2. Ливанова Т. История западно-европейской музыки до 1789 года. – М., 1986. – Т. 1. – 462 с.
3. Bessler H. Die Musik des Mittelalters und der Renaissance. – Potsdam, 1937. – 337 p.
4. Bukofzer M. Studies in medieval and renaissance music. – New York, 1954. – 324 p.
5. Haar J. Essays on Italian Poetry and Music in The Renaissance, 1350–1600. – Los Angeles; London, 1986. – 245 p.
6. Osthoff W. Theatergesang und darstellende Musik in der italienischen Renaissance: 15. und 16. Jh. – Tutzing, 1969. – V. I-II. – 376 p., 249 p.
7. Rubsamen W. H. From frottola to madrigal: the changing pattern of secular Italian vocal music // Chanson and madrigal, 1480–1530. – Cambridge, 1964. – P. 51-87.
8. Schering A. Geschichte der Musik in Beispielen. – Leipzig, 1954. – 481 p.
9. Schwartz R. Die Frottole in 15. Jahrhundert // Vf. Mw. – 1886. – № 2. – P. 427–466.
10. Surian E. Manuale di storia della musica. – Milano, 1992. – V. I. – 270 p.

¹³ Г. Бесселер, рассматривая проявления песенной музыкальной стилистики в мадригальной культуре XVI века, оперирует термином *Kanzonettenstil* – «канцонеттный стиль» [3, с. 309], хотя ранее [3, с. 219] подчеркивает обобщающее значение именно фроттолы.

О. В. Гусева
*кандидат культурологии, доцент,
декан факультета музыкального искусства
Кемеровский государственный университет культуры и искусств*

ИНСТРУМЕНТАЛЬНОЕ ТВОРЧЕСТВО КОМПОЗИТОРОВ КУЗБАССА: ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЦЕННОСТЬ И СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ ЗНАЧИМОСТЬ

Современное музыкознание на протяжении последних десятилетий все более интенсивно раздвигает свои границы. В сферу его познания наряду с профессиональной (академической и популярной музыкой), архаичным и современным фольклором, музыкой, принадлежащей неевропейским культурам, включаются произведения, созданные композиторами-любителями, творчество которых разворачивается в отдаленных от культурных центров регионах, то есть в провинции.

Избрав в качестве объекта нашего исследования творчество композиторов-любителей Кузбасса, выскажем предположение о том, что по художественным достоинствам их произведения не всегда могут соперничать с апробированными временем и общественным вкусом творениями классиков или сочинениями современных, признанных в музыкальном сообществе авторов. Исходя из сказанного, зададимся вопросом: необходимо ли изучение, анализ такого рода произведений, которые заведомо не являются шедеврами мирового искусства? Ответ будет, несомненно, положительным, эти произведения нуждаются в оценке, поскольку, доказав свою жизнеспособность, звучат в эфире и на сцене, вошли в музыкальный быт региона, являются частью его музыкальной культуры, выполняют определенные социально-культурные функции.

Признав факт необходимости изучения региональной музыки, как составляющей музыкальной культуры, зададимся еще одним вопросом: должно ли изучение произведений региональных композиторов-любителей опираться на традиционную музыковедческую методологию? Напомним, в основе традиционного музыковедческого анализа (интерпретации произведения с позиций музыкознания) лежат характерные для этого научного направления герменевтические подходы, включающие характеристику композиции, драматургии, элементов музыкального языка, доказывающие содержательную и художественно-эстетическую ценность произведения как такового, как правило, – вне его коммуникативных связей. Опора на такие подходы дает результаты в анализе выдающихся творений музыкального искусства, но представляется малопродуктивной при изучении музыки региональных композиторов-любителей. На наш взгляд, изучение произведения, созданного композитором-любителем, должно учитывать не только логический спектр анализа музыкального творчества, но его содержание в «контексте культуры», совмещать художественно-эстетические и социально-культурные аспекты его анализа. Исследование должно быть направлено на все аспекты бытия произведения, на изучение его многообразных связей: социально-культурной ситуации, музыкальных и немusicalных стимулов создания, интерпретации исполнительской и интерпретации слушательской (слушатель подключается к режиму интерпретации, его сознание воспроизводит определенные этапы истории и культуры) и т. д. Все перечисленное характеризует культурологический тип анализа музыкального произведения, наиболее соответствующий задачам изучения творчества композиторов-любителей, поскольку, подчеркнем еще раз, предполагает не только выявление содержащейся в нем художественной информации, но и учитывает их социально-культурную значимость в музыкальной жизни региона.

Когда-то выдающийся искусствовед и музыковед Б. Асафьев сформулировал закон триединства, определяющий феномен музыкального произведения: «композитор – исполнитель – слушатель». Только при его наличии созданный автором продукт становится

ся музыкальным произведением. Обратимся к высказыванию еще одного авторитетного отечественного музыковеда Е. Назайкинского, который считает, что конечной целью исследования музыкального сочинения является «субъективный образ произведения, живая запись музыки, ее бытие в деятельности воспринимающего» [2, с. 40]. Автор высказывания подчеркивает, что направленность анализа должна быть ориентирована не только на текст произведения, но и на слушателя, на жизнь (бытие) произведения в социуме, что определяет ход процесса познания произведения во всех его связях.

Не претендуя на выявление всех возможных коммуникативных связей музыкального произведения, в том числе на целостный музыковедческий анализ, мы рассмотрим несколько сочинений, созданных кузбасскими композиторами для оркестра русских народных инструментов (далее ОРНИ), попытаемся выявить некоторые из их художественных и внемузыкальных особенностей, определить стимулы их создания. Выбор этих сочинений композиторов Кузбасса обусловлен тем, что они поднялись на уровень полноценных музыкальных произведений, прочно вошли в концертную практику Сибирского региона, интерпретируются дирижерами и исполнителями, профессионалами и любителями, воспринимаются разными аудиториями, вызывают эстетическое удовлетворение у всех поколений слушателей, включая их в процесс культурного сотворчества.

Обратимся к творчеству известного в Кузбассе преподавателя, музыканта Г. И. Голицына, в течение многих лет работающего художественным руководителем и дирижером ряда любительских оркестров и ансамблей народных инструментов¹⁴.

Композиторское творчество не является основной сферой профессиональной деятельности Г. Голицына, он – композитор-любитель. Тем более интересно: что движет им при сочинении музыкальных произведений – внутренняя творческая потребность, вдохновение или иные, лежащие вне музыкального творчества, стимулы. Изучая эту проблему, мы пришли к следующему выводу: обладающий многолетним опытом руководитель и дирижер оркестра Голицын ощущает насколько мало создано произведений для коллективов такого рода, осознает ограниченность репертуара народных оркестров и необходимость его обновления. Это осознание становится стимулом композиторской деятельности. Поначалу автором будущих сочинений движет прагматическая задача расширения репертуара коллектива, с которым он работает. Но затем, в ходе творческого процесса появляются увлеченность, вдохновение, порождающие произведения, обладающие определенными художественными достоинствами, что, в свою очередь, позволяет им (произведениям) включаться в репертуар учебных и профессиональных музыкальных коллективов, исполняться не только в Кузбассе, но и в Сибирском регионе, становиться частью его локальной культуры.

¹⁴ Г. И. Голицын – профессор КемГУКИ, заслуженный работник культуры РФ. Родился в г. Анжеро-Судженск Кемеровской области. Обучался в музыкальной школе, Кемеровском музыкальном училище, Новосибирской государственной консерватории им. Глинки. По окончании консерватории присвоены квалификации: концертный исполнитель, дирижер оркестра, преподаватель специальных дисциплин. Большая часть профессиональной деятельности Голицына Г. И. связана с КемГУКИ, где он работал в качестве заведующего кафедрой народных инструментов, декана факультета культурно-просветительной работы. На протяжении всех лет преподавательской деятельности Голицын совмещал ее с руководством любительскими оркестрами народных инструментов: ОРНИ музыкального училища (1965–70 г.), лауреат Всесоюзного фестиваля, оркестр тембровых гармоник, оркестр КГИК, с 1998 г. – главный дирижер муниципального ОРНИ ДК им. Ленина г. Междуреченска, куратор муниципального оркестра г. Киселевска. Склонность к композиции проявилась в юношеские годы, нашла продолжение в годы обучения в консерватории, ею он занимается в настоящее время. Преобладающим жанром творчества являются песни, обработки для оркестра народных инструментов, концертная пьеса для баяна с оркестром. Значительным этапом в композиторской деятельности Голицына стало участие в творческих лабораториях, проводимых Центром народного творчества Красноярского края в 1990-е годы. Являясь руководителем оркестровой секции, Голицын в эти годы создал несколько крупных произведений для ОРНИ, в том числе: сюита-фантазия «Сказание о Красноярском крае», фантазия на темы красноярского композитора А. Злобина «Краснояры сердцем яры».

Одним из исполняемых и пользующихся неизменным успехом у слушателей произведений Г. Голицына стала фантазия «Краснояры сердцем яры» для оркестра русских народных инструментов на темы песен А. Злобина. А. Злобин – член Союза композиторов Красноярского края, автор известных в регионе песен патриотического, гражданственного, лирического содержания. Поводом к созданию фантазии послужил заказ А. Злобина на создание данного произведения к юбилею автора. Согласие Г. Голицына на выполнение заказа обусловлено, по его собственному признанию, несколькими причинами: желанием воплотить патриотическую тему любви к Сибири и ее людям – основную тему его творчества; богатством и разнообразием мелодического материала, заложенного в песнях Злобина; возможностью создания произведения, благоприятная исполнительская судьба которого predeterminedена его включением в репертуар нескольких сибирских оркестров, поскольку создание фантазии происходило во время работы межрегиональной творческой лаборатории. Впервые это произведение было исполнено ОРНИ ДК им. 1 мая г. Красноярска; на всесибирском конкурсе народных оркестров и ансамблей им. Б. Феоктистова оно прозвучало в исполнении муниципального ОРНИ г. Междуреченска; в авторском переложении для 4-х баянов фантазия неоднократно исполнялась в г. Красноярске.

Название – «Краснояры сердцем яры» – заимствовано А. Злобиным, а затем Г. Голицыным из афористичного высказывания, принадлежащего художнику В. И. Сурикову, искренне восхищавшемуся этим краем и его людьми. Обращение Голицына к жанру фантазии не случайно. Жанр фантазии начинает широко распространяться в русской музыке с начала XIX века. Особую склонность к нему имели композиторы «Могучей кучки», которые в фантазиях, основанных на фольклорном материале, выполняли не только эстетическую, но и просветительскую функцию, сохраняли народные мелодии, вводили широкого массового слушателя в их мир. Те же подходы к созданию произведений, основанных на обработке народных песен, были заложены в XIX веке основоположником ОРНИ В. Андреевым. Как правило, в основе таких произведений лежат несколько мелодий подлинных народных песен или авторские музыкальные темы, обработанные в соответствии с их жанровой принадлежностью. Этой устойчивой отечественной музыкальной традиции следует Г. Голицын.

Для фантазии Г. Голицыным отобраны песни А. Злобина, посвященные строителям Саяно-Шушенской ГЭС, песни, по выражению их автора, «рожденные временем» и конкретным событием индустриальной жизни региона. Однако содержание песен выходит за пределы данного события, оно прославляет типичную для 1970–80-х годов романтику трудовых подвигов, любовь к Родине, воплощает типичные для времени чувства и переживания простых людей.

В основе небольшого по объему произведения Г. Голицына лежат четыре песни Злобина: патриотическая «Краснояры сердцем яры», лирическая «Мое колечко», «Парень с Енисея» – песня А. Злобина о себе, и гражданственно-приподнятая «Так работай на нас, Енисей».

Фантазия открывается призывной фанфарой группы баянов, которая в последующем развитии выполняет функцию лейтмотива, связанного с основной, патриотической идеей произведения. Мелодия песни «Краснояры сердцем яры» излагается в варианте автора (А. Злобина). Голицын Г. придает развитию мелодии динамичность и насыщенность, основанную на все более уплотняющейся фактуре (к группе баянов присоединяются домры и деревянные духовые инструменты), усложнении, по сравнению с авторской, гармонии, опоре на пульсирующий, моторный ритм, создающий ощущение активного движения, вызывающий впечатление безостановочного, целеустремленного массового действия. Два следующих фрагмента («Мое колечко», «Парень с Енисея») – лирического характера, обращают слушателя к внутреннему, индивидуальному миру современников, контрастируют с первым разделом фантазии не только по мелодике, но и по фактуре, которая становится прозрачной, наполняется полифоническими подголосками, обвивающими мело-

дический остов. Заключительный раздел – «Так работай на нас, Енисей», открывающийся знакомой уже фанфарой, подготовленной импульсивным синкопированным ритмом – мощное, жизнеутверждающее завершение фантазии. Придавая композиции фантазии аrochenность, в музыкальную ткань заключения вплетаются интонационные реминисценции и моторная ритмика из первого раздела фантазии, фактура вновь становится плотной, еще более полифонически многослойной. Все приемы развития, использованные Г. Голицыным в фантазии, соединяющие разнообразный музыкальный материал в единое целое, являются классическими, отработанными многими поколениями композиторов. Опираясь на них, автор создает стройную композицию, напоминающую по структуре рапсодию, характеризующуюся свободой изложения и, в то же время, строгой организацией музыкального материала. Рапсодичность предполагает свободу интерпретации, поэтому каждое исполнение фантазии – это новая трактовка, привносящая в произведение элементы свежего прочтения его содержания, не обязательно связанные с содержанием песен А. Злобина. Но какой бы оригинальной ни была трактовка, инвариантом остается лирико-эпическое повествование о родном сибирском крае, о разнообразных сторонах его жизни и своеобразии характера сибиряка. Название фантазии, почерпнутое из высказывания В. Сурикова, картинность музыки вызывают ассоциации с монументальными полотнами этого художника, отличающимися широтой и полифоничностью, яркостью и насыщенностью колорита, полотнами, в которых главный герой (как и в фантазии) – народная масса, объединенная единым порывом, но при этом значительное место отводится глубоко чувствующей личности.

Поводом к появлению еще одного произведения, написанного Г. Голицыным в юношеские годы, явилось желание создать произведение для любимого инструмента, баяна. Обладающий исполнительской одаренностью Г. Голицын реализовал имеющуюся у него «виртуозную жилку» как композитор, сочинив в 1974–75 г., в период обучения в Новосибирской консерватории, Концертную пьесу для баяна. Название сочинения – Концертная пьеса, свидетельствует о том, что при его создании автором двигало желание создать блестящее, технически сложное произведение, в котором исполнитель имел бы возможность продемонстрировать уровень своего профессионального мастерства. Основная часть пьесы – воплощение типичного для произведений концертного плана принципа соревновательности между солистом и оркестром, корни этого принципа восходят к далекой эпохе барокко.

Пьеса открывается торжественно-призывными возгласами оркестрового *tutti*, сопровождающимися виртуозными пассажами солиста. Это совместное броское, яркое звучание словно открывает занавес перед началом действия. В дальнейшем изложении виртуозная, наполненная задором и некоторым оттенком бесшабашной удалы партия баяна слегка поддерживается синкопированными репликами оркестра, который, «проявляя самостоятельность», запекает лирическую распевную мелодию. Затем лирическая, русская по складу мелодия переходит в партию баяна, сменяя удаль и задор на проявление личных, душевных чувств. Заключительный раздел – резкая смена настроения: после краткого лирического эпизода музыка звучит еще более динамично, виртуозно, еще более приподнято и жизнерадостно. На смену соревновательности, противопоставления оркестра и солиста приходит их полное единение. Энергия, ритмическая динамичность захватывает и не отпускает слушателя на протяжении всего произведения. Несомненным достоинством этой пьесы является тщательно отточенная, элегантная оркестровка. Исполнение требует и от баяниста и от оркестра большого напряжения, это вызвано и сложностью виртуозных пассажей, и необходимостью за виртуозностью не потерять и донести до слушателя главное: энергию жизни, светлое мироощущение. И. Брамс когда-то воскликнул: «Да сохранится у нас радостное отношение к жизни!» – пожалуй, именно это юношеское, радостное ощущение жизни воплощено в Концертной пьесе для баяна с ОРНИ Г. Голицына.

Блестящее, виртуозное, яркое произведение Г. Голицына доказало свою жизнеспособность, оно исполнялось профессиональным коллективом – муниципальным оркестром русских народных инструментов г. Кемерово на одном из его юбилейных концертов, не раз звучало в концертах учебного оркестра кафедры народных инструментов КемГУКИ. В качестве солистов выступали и преподаватели и студенты. Пьеса стала частью учебного репертуара, включается в программы государственных экзаменов баянистов, привлекая исполнителей не только техничностью, но и художественными достоинствами. Высокую оценку пьесе, ее эстетическому и профессиональному уровню дал народный артист РФ, профессор, главный дирижер оркестра народных инструментов им. Осипова Н. Калинин.

Далее рассмотрим произведение, созданное кузбасским композитором-любителем А. Феденёвым. Особенностью его творчества является то, что он, как ищущий автор, пробует себя в разных жанрах. В его творческом портфеле музыка прикладного характера (к хореографическим композициям), вокальные сочинения, оркестровые и ансамблевые пьесы. Количественно, несомненно, преобладает музыка для оркестра и ансамбля народных инструментов¹⁵. Большая часть оркестровых и инструментальных произведений этого автора обладает счастливой судьбой, они исполняются, звучат в концертной и учебной практике. Одним из самых известных произведений, привлекающих внимание самых разных слушательских аудиторий, является сюита «Ой ты, Русь моя».

Сюита «Ой ты, Русь моя» была создана в 1998 году, вторая редакция произведения сделана в 2000 году. Замысел сюиты родился во время поездки по историческим местам Новгородской земли, каждая пядь которой вызывает у русского человека ассоциации с легендами (о знаменитом гусяре Садко) и с историческими событиями (битва Александра Невского со шведами и тевтонскими рыцарями). Впечатления от природы, от знакомства с памятниками старины дали толчок фантазии композитора. Ильмень-озеро, Юрьев монастырь под Новгородом, предания о событиях, происходивших в этих местах, явились источниками сюжетных мотивов программной сюиты А. Феденева, получившей певучее былинное название «Ой ты, Русь моя», в которой название и содержание каждой из трех частей связано с конкретным образом, привлечшим внимание композитора в его путешествии.

Жанр произведения – сюита – предполагает наличие нескольких самостоятельных частей. Однако по замыслу А. Феденева части его произведения – единое целое.

¹⁵ После окончания Усть-Каменогорского училища (класс баяна) поступает в Кемеровский государственный институт культуры (1975 г.), заканчивает обучение в 1979 г. С тех пор его деятельность связана с институтом (в дальнейшем академией, университетом). Концертмейстер, музыкальный руководитель оркестра народных инструментов хореографического ансамбля «Молодой Кузбасс». Композитор-любитель. Свежесть, искренность, непосредственность музыки привлекает к ней внимание многих ОРНИ за пределами Кузбасса. Его произведение «Ритм трудового Кузбасса» звучало в Москве в Кремлевском Дворце съездов на 2-м фестивале народного творчества РФ (1987 г.), в исполнении Государственного оркестра русских народных инструментов им. Осипова под руководством народного артиста РФ Н. Калинина. Произведения Феденёва звучали во время гастролей хореографического ансамбля «Кузбасс» в Москве, во Владимире, Новгороде, а также в ряде зарубежных стран: Канаде, Франции, Испании, Кипре, Южной Корее. Четыре произведения Феденёва вошли в диск-гигант «Мелодии земли Кузнецкой», выпущенный фирмой «Мелодия» (1986 г.). В 1998 г. создан сборник пьес «Щегловские игрища» – музыкальные рассказы сибиряка. Музыка предназначена для хореографических композиций, но ее зрелищность, картинность позволяют ей звучать в качестве самостоятельных оркестровых произведений.

Инструментальные произведения: одно из первых сочинений – увертюра «Ритм трудового Кузбасса» (1984 г.), она создавалась как музыка к танцу, но обрела самостоятельность и теперь нередко звучит как музыкальная эмблема региона. Фантазия для баяна с оркестром на тему русской народной песни «То не ветер ветку клонит» (1993 г. – дирижер А. М. Таюкин, 1999 г. – дирижер В. Ф. Лангенштейн), пьесы «Вдохновение» (1995 г.) и Ноктюрн (1998 г.), сюита «Ой ты, Русь моя» (1998 г.) для ОРНИ, сюита в старинном стиле (1999 г.). Является лауреатом областного фестиваля-конкурса самодеятельных композиторов (2003 г.) «Кузбасс – моя необходимость», награжден почетным знаком РФ «За достижения в культуре».

И это не столько формальное исполнение частей *attacca*, сколько глубокая содержательная цельность, опирающаяся на общий тематический материал, сходную интонационную, фактурную и гармоническую основу, объединяющую части в единое эпическое повествование.

В первых частях сюиты главенствуют возвышенно-лирические и эпические образы.

«Юрьев монастырь» (1-я часть) открывается сдержанно и строго звучащим минорным аккордом, подготавливающим к восприятию музыкального рассказа, насыщенного серьезными событиями, вводящим слушателя в сосредоточенное, вдумчивое состояние. Охват аккордом максимально широкого регистра (звучат все группы оркестра, кроме ударных инструментов) вызывает ощущение объемного пространства, рождает в воображении картину бескрайнего, звенящего простора. Глубоким, сосредоточенным настроением проникнута 1-я часть. Крайние разделы ее трехчастной композиции построены на мелодии, напоминающей по складу русские протяжные песни, включающей натурально-ладовые обороты, типичный для песенных мелодий вариантный тип развития. Основная тема пронизана речевыми интонациями – это повествование, но одновременно это и лирический монолог автора, его отклик на рассказ. Все органично сливающиеся элементы музыкального языка – фактура, с типичными для русской музыки полифоническими подголосками, гармоническая основа (опора на тонику, которая звучит на протяжении всей части как органнй пункт, лишь иногда сдвигаясь на VII натуральную ступень), мерный ритм – придают звучанию архаичный колорит. В кратком среднем разделе в нижнем голосе (балалайка-бас), стирая грани, придавая развитию непрерывность, проходит в увеличении вариант основной мелодии из первого раздела. Серединный раздел отличается картинностью – это характеристика места действия, монастырь, всплывающий из туманной глубины веков под мерцающие легкие перезвоны колоколов, на фоне мерно колышущихся волн озера, которые изображаются «струящимися» фигурациями домр и деревянных духовых. В музыке царит атмосфера созерцательности, умиротворенности, покоя, кажется, что время остановилось, и это преодоление временной природы музыки побуждает к неспешным размышлениям о прошлом России, воскрешает легендарный образ Родины. Сочетание повествовательности и картинности, вхождение в мир отдаленного веками прошлого, которое оказывается близким, родным и знакомым, позволяет слушателю воспринять образ, созданный автором не только как воспроизведение архаичного памятника, но и как символ вечности и величия русской культуры.

2-я часть «Песнь Бояна» связана с 1-й вторгающимся кадансом: натуральная доминанта ля минора, завершающая 1-ю часть, разрешается в тонику, совпадающую с началом 2-й части. Этот традиционный гармонический прием переводит воображение слушателя от архаической, застывшей во времени картины монастырского пейзажа, к эпическому повествованию «о старине глубокой». Основная тема открывается типичным для русской песни квинтовым зачином плавной, величественно звучащей мелодии (группа домр и баян баритон). Оркестровый тембр обогащается включением поющих (без текста) инструментальную тему оркестрантов. Этот тембровый прием производит яркое эмоциональное впечатление, создавая ощущение доносящихся из прошлого голосов. Воскрешается в памяти знакомый по былинам облик гуслияра, ведущего неспешный рассказ о чем-то давно прошедшем. Повествование сопровождается переборами гуслей, мягкими перезвонами колоколов. В основе крайних разделов части лежит гармония, основанная на остинатном движении нисходящего тетрахорда натурального минора (группа балалаек). Многократное повторение этого гармонического оборота в сочетании с ровными ритмическим фоном (движением четвертями), включение интонационных оборотов из темы 1-й части, созерцательность и покой, царящие в музыке, позволяют воспринимать «Песнь Бояна» как логичное продолжение «Юрьева монастыря» и по образному строю и по музыкальному языку.

3-я часть – «Праздник» – традиционный для циклических произведений русской музыки XIX–XX веков финал – жанровая картина народного быта. Музыкальный язык финала имеет обобщающее значение, синтезирует ряд интонационных и стилистических приемов первых двух частей. Повествовательная, пронизанная речевыми интонациями тема «песни Бояна» трансформируется в плясовый напев, наполняется «притопывающими» ритмами, ликующими возгласами оркестрантов. Мелодия переходит от одних групп инструментов к другим, имитируя перепляс, то звучит в оркестровом *tutti*, создавая картину безудержного, ликующего массового праздника.

Суммируя сказанное приходим к заключению о том, что в целом для сюиты А. Феденёва характерна опора на ряд устойчивых компонентов музыкального языка: обращение автора к тематизму, близкому к русской народной песенности: квинтовые восходящие ходы с последующим нисходящим заполнением, натуральные ладовые обороты в мелодии и в басу, плагальность гармонии, полифоническая подголосочность фактуры, певучесть голосов оркестра. Обращая внимание на единую интонационную и гармоническую основу всех частей сюиты, подчеркнем, что это единство способствует восприятию произведения как целостного эпического повествования, свидетельствует о симфоничности развития музыки, а также позволяет сделать вывод о наличии авторского стиля.

Стиль музыки – зеркало индивидуальности композитора. В этом произведении, пожалуй, с наибольшей полнотой, глубоко раскрылась творческая индивидуальность А. Феденева. Неторопливость, тщательность в работе, серьезность, сосредоточенность, обезоруживающая скромность – таковы личностные качества А. Феденёва. Эти качества, несомненно, нашли отражение в музыке сюиты.

Завершая краткий анализ сюиты А. Феденёва, отметим как одну из явно просматриваемых примет этого произведения – простоту музыкального языка, что можно понимать как осознанный ориентир автора на демократичного слушателя. Добавим, что в современной социально-культурной ситуации, которая характеризуется тем, что «массовая культура влияет на сознание “типического” человека, получившего определенное образование и, безусловно, имеющего представление о “должном” в культуре, однако являющегося носителем сформировавшегося “масскультового мировоззрения”» [1, с. 122], музыка, подобная сюите Феденёва, – один из «островков надежды», позволяющий современному «типическому» человеку вернуться из мира масскультуры к отечественной истории и традициям, хотя бы на краткое время.

Сюита «Ой ты, Русь моя» прочно вошла в музыкальную жизнь Кузбасса и окружающих регионов. В Кузбассе она исполнялась муниципальным оркестром народных инструментов г. Кемерово (2001, 2003, 2004 гг. – дир. Г. Голицын, в 2005, 2006 гг. – дир. С. Юдина), звучала в юбилейных концертах Усть-Каменогорского музыкального училища, включена в репертуар ОРНИ Томского колледжа культуры. Каждая интерпретация, каждое прослушивание произведения открывают новые грани красоты и смысла этого самобытного произведения.

В начале нашей статьи, определяя методологические подходы анализа произведений кузбасских композиторов для ОРНИ, мы высказывали предположение о том, что социально-культурная значимость этих произведений более важна, чем возможное наличие в них художественно-эстетической ценности. Завершая анализ, констатируем, независимо от того, что произведения созданы композиторами-любителями, что цель их создания не всегда определяется творческим посылом, а по большей части – прагматической задачей, все они (нами рассмотрены три произведения) обладают музыкально-эстетическими достоинствами, подтверждающими творческую одаренность авторов, все они способны производить на слушателя сильное эмоциональное впечатление и увлекать его.

Вместе с тем, как подчеркивалось нами выше, изучаемые произведения стали неотъемлемой частью музыкальной жизни Кузбасса и Сибирского региона, в которой выполняют определенные социально-культурные функции. Сегодня мы видим, как самые

негативные явления массовой культуры заняли определяющие позиции в современной жизни и какое отрицательное воздействие они оказывают на восприятие мира современным человеком. В этой ситуации вхождение в музыкальную жизнь региона произведений, содержание которых обращено к истории и современной жизни России (к событиям, которым предстоит обрести историческую значимость), произведений, воплощающих здоровое светлое восприятие жизни, способно помочь личности хотя бы отчасти уйти от давления мощно навязываемых СМИ примитивных форм массового музыкального искусства. Сегодня, когда много говорится и пишется об утрате россиянами национальных культурных ценностей, национальной идентичности, звучание музыки, воплощающей ценности отечественного искусства, является одним из условий позитивных изменений в региональной культуре, утверждения и закрепления в ней локальных традиций.

Литература

1. Жукова О. О незащищенности сознания личности перед доминирующими формами современной массовой культуры // Ученые записки НИИ прикладной культурологии / Кемеровский государственный университет культуры и искусств. – Кемерово, 2006. – С. 119–124.
2. Назайкинский Е. Логика музыкальной композиции. – М., 1982. – С. 40.
3. Феденев А. «Ой ты, Русь моя...»: сб. партитур для оркестра рус. народ. инструментов. – Кемерово: КемГУКИ, 2004. – 135 с.

Ж. А. Рябчевская

*старший преподаватель кафедры «Эстрадный оркестр и ансамбль»
Кемеровский государственный университет культуры и искусств*

МУЗЫКАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА В УСЛОВИЯХ БИНАРНОГО И ТЕРНАРНОГО ТИПА СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ДИНАМИКИ

Музыкальная культура, являясь частью культурно-исторического процесса, отражает многообразие социальной истории, но при этом сохраняет свои собственные имманентные законы развития, которые не сводимы к социальным факторам. Музыкальная культура подобна своеобразным узорам на полотне истории. «Определить реальное историческое место этого своеобразия можно, лишь осмыслив его как особенное проявление общего, лишь в сопоставлении с общим ... с единством истории» [7, с. 269].

Сегодня многие ученые-искусствоведы отрицают недавнюю аксиому о том, что любое художественное произведение представляет собой отражение реальной действительности, что именно из реальной действительности почерпнуто содержание художественного текста, что именно ею, действительностью, определяется и идеологическая, и эстетическая направленность произведения.

Придерживаясь данной точки зрения, ученые оперируют противоречием между ценностью и историей. Ведь любой художественный шедевр является ценностью, а ценность в пределе – это «вечная» ценность, то есть такая, которая «не подвержена» историческим превращениям и изменениям, история же в пределе – «фурия исчезновения», «стихия относительности», «изменчивость» по определению.

Казалось бы, социокультурные факты являются «внешними» по отношению к процессу музицирования, тем не менее, социальные и идейные детерминанты являются определяющими в музыкально-историческом развитии. Они «... детерминируют музыку опосредованно в том смысле, что находят себе «отзвук» в процессах перестройки музицирования, совершающихся как бы в силу внутренней логики» [7, с. 119]. Возникает цепочка: от социального к музыкальному через человеческое положение в мире, человеческое сознание, мышление, деятельность.

Возвращаясь к вопросу о ценности художественного произведения как внешнеисторического факта, хотелось бы подчеркнуть, что ценность и история все же являются двумя сторонами одного процесса – процесса человеческой деятельности. Осознать неразрывность музыкальной культуры с общеисторическим процессом поможет культурологический взгляд на данную проблему.

Сегодня в научном мире существует множество концепций культурного развития. Как правило, существующие теории созданы на методологической основе одной какой-либо науки: истории, этнографии, социологии и т. д. Поскольку культурология – интегративная область знаний, возникшая на стыке различных наук, как их горизонтальный срез, то актуальным для данной науки стало возникновение универсальной формулы культурного развития, через призму которой возможно было бы проследить развитие любого аспекта общественного сознания: искусства, религии, морали и т. д.

С точки зрения универсальности, актуален инверсионный тип культурной динамики, природу которой в своей концепции модифицированного инверсионного цикла раскрыл Александр Ахиезер. Адаптируя модифицированный инверсионный цикл к музыкальной культуре, можно на каждом этапе развития выделить дуальные оппозиции и рассмотреть взаимоотношения между полюсами. В результате адаптации предполагается, что музыка, как и весь историко-культурный процесс, развивается на основе собственных противоречий, осуществляя перевоплощения инверсии в медиацию и наоборот.

В центре концепции находится человек – субъект, носитель определенной культуры и социальных отношений. Социокультурные противоречия проявляются в конфликте между исторически сложившимися программами и инновациями, что ведет к изменению воспроизводственной деятельности человека, которая должна содействовать преодолению социокультурных противоречий.

Анализ механизма культуры начинается с выделения дуальных оппозиций, а также с анализа отношений между полюсами. Конструктивная напряженность между полюсами дуальной оппозиции является движущей силой воспроизводственной деятельности. Эта напряженность дает мощный импульс инверсии, то есть осмыслению одного полюса через противоположный.

Инверсия в процессе исторического развития культуры перерастает в медиацию. Медиация является процессом формирования ранее неизвестных, не существовавших в данной культуре альтернатив. Логика инверсии является крайним случаем медиации, а также одновременно является ее исходной точкой, то есть инверсионная точка есть окончание и начало медиации одновременно, так как логика инверсии не знает времени и ориентирована на моментальное оборотничество.

Взглянув на развитие русской музыкальной культуры в макроисторическом масштабе (от принятия христианства до современных дней) и соотнеся музыкально-исторический процесс с модифицированным инверсионным циклом, можно выявить инверсионный тип динамики, где движущей силой конструктивной напряженности является идейная детерминанта.

Основополагающим значением для развития русской музыкальной культуры имело обращение русского народа к христианскому учению. С принятием христианства на Руси музыка начинает развиваться не только в фольклорном направлении, но и в сфере православных традиций. Обособление двух основных направлений можно определить как дуальную оппозицию:

- а) православная музыкальная культура, опирающаяся на византийские традиции;
- б) народная музыкальная культура.

Главной причиной противопоставления было существование закона православия, гласящего о том, что богослужбное пение в русской православной церкви музыкой не является. Суть термина «богослужбное пение» состоит в том, что это не просто пение, а пение во имя служения Богу: исполнение Его воли, следование установленному

Им порядку. Само по себе богослужebное пение соответствует божественному чину – пению небесному. Цель церковного пения: восхождение к Богу в молитве и исполнение Божественной воли.

В «музыке» церковники видели безбожие, так как ее цель – не служение Богу, а самораслаждение души. Музыка ставили в один ряд с такими деяниями, как пьянство, объедание, грабеж, разбой и т. д., о чем свидетельствуют сборники поучений XI–XVI веков.

Несмотря на усиленную борьбу русского духовенства с мирским пением и игрой на музыкальных инструментах, активная секуляризация общества в период правления Петра I, изменившая уклад жизни русских людей, подвергла кардинальным изменениям и музыкальную культуру.

Экстраполируя модифицированный инверсионный цикл на музыкально-исторический процесс, можно предположить, что первая инверсионная волна переоплотилась в медиацию именно в петровскую эпоху, так как резко поменялись дуальные оппозиции. Взгляд на музыку настолько обновился, что произошло переворачивание структур. Имевшая первостепенное значение духовная музыка освобождает свои позиции для ранее осуждавшейся мирской музыки, – то, что ранее запрещалось, становится модным, популярным, значительным.

Следующий этап в музыкальной культуре (с XVIII века до начала XX века) связан с развитием и становлением русской классической музыки. В этот период музыка становится менее прикладной и более проявляет себя как самоценность. Причиной функциональной перемены явился изменившийся уклад жизни. XVIII век стал переломной эпохой в русской музыке, где победило светское начало. В результате в первой половине XIX века появляются русские композиторские школы, глубоко связанные с народным творчеством.

Основоположником русской классической музыки справедливо называют Михаила Ивановича Глинку, чья композиторская деятельность полностью пронизана национальным колоритом. Ярким выразителем национальных идей в музыке явилось содружество композиторов под названием «Могучая кучка». Композиторы-«кучкисты» отрицали идею «чистого искусства», по их убеждению, музыка должна нести глубокое содержание, отвечающее запросам и стремлениям современности, иметь национальную определенность, воспитывать уважение и любовь к народу и его искусству. Исторически такая идейность в творчестве была созвучна общей атмосфере в России 60-х годов XIX века. В этот период шла напряженная борьба за повышение самосознания русского народа, за становление русского национального искусства, за самостоятельный путь его развития.

Апогеем конструктивной напряженности данного этапа стала эпоха Серебряного века, то есть начало XX века. Русская музыкальная культура рубежа веков характеризуется столкновением представителей композиторских школ нескольких поколений. В первом десятилетии XX века завершают свой творческий путь Римский-Корсаков и Балакирев, последние представители «Могучей кучки». В течение 1890-х годов появляются выдающиеся произведения Глазунова, Лядова, Танеева. В эти годы достигает полной зрелости творчество Скрябина, Рахманинова. Постепенно выдвигается имя композитора и пианиста Метнера, разворачивается яркое дарование Стравинского. Только начинают творческий путь Прокофьев, Мясковский, Глиэр.

По идейным разногласиям музыканты рубежа веков разделились на две основные группы: московскую школу и петербургскую школу. Москвичам был свойственен универсализм в подходе к прошлому и настоящему художественной культуры, к ним относились Танеев, Скрябин, Рахманинов, Метнер. Эти композиторы были верны «классицизму» и продолжали в своем творчестве линию Чайковского. Петербуржцы, к которым относились Римский-Корсаков, Лядов, Прокофьев, Стравинский отличались избирательностью, были более чутки к новым веяниям. Именно Петербург стал родиной неоклассиков.

Музыкальная жизнь России рубежа XIX–XX веков отличалась большим оживлением, разнообразием и высоким художественным вкусом. Музыка не стояла в стороне от

общих тенденций. На творчество композиторов влияли такие направления в искусстве, как символизм, кубизм, футуризм. В одной точке сконцентрировалось множество дуальных оппозиций:

- а) петербургская школа – московская школа;
- б) Танеев – Скрябин;
- в) скрябинисты – Прокофьев;
- г) кубофутуристы – и все остальные.

Идейные контрасты и борьба противоположных тенденций в искусстве явились отражением общественно-политической жизни России конца XIX – начала XX веков. Раскол в общественно-политической жизни, и, как следствие, калейдоскопичность в социально-культурной среде привели страну к Октябрьской революции 1917 года, которая необратимо изменила жизнь миллионов людей, потрясла устои традиционного быта, сознания и культуры.

В тяжелейшие годы войны и голода искусство переживало необычайно творческий подъем. Вулканический взрыв художественно-творческой энергии заставил власть придерживаться четкой партийности в государственной культурной политике.

Для воплощения ленинской идеи выпускаются различные декреты советской власти. Для музыки стала актуальна «идея государственного музыкального строительства», которая означала возведение всех видов и жанров в публичную, массовую степень. Разрушались перегородки между «высоким» и «низким», «элитарными» и «массовыми» жанрами. Камерный концерт струнного квартета, классический оперный спектакль «уравнивались в правах» с хоровым звучанием революционных песен или маршем духового оркестра. Все это свидетельствовало о «смычке» профессионального и массового творчества.

Повелеваясь духу времени, симфоническая музыка изобилует цитатами революционных песен, а в финалах симфоний используются хоры. В оперном искусстве наиболее актуальными оказываются сочинения на темы революции и Гражданской войны.

Итак, во всех жанрах музыкального искусства происходило практическое осуществление «идеологических платформ». В дальнейшем советская музыка 30, 40, 50-х годов была «закована» в идею консолидации и единства. Отказ от плюрализма методов и стилей, отказ от вариантного мышления был результатом воздействия административно-командной системы. А в 60, 70-е годы XX столетия определилась идейная основа советской музыки – социалистический реализм.

Однако идеологические ограничения не являлись препятствием на пути к созданию высоких, значительных произведений в советской музыке. К ним относятся: Пятая, Седьмая, Одиннадцатая симфонии Д. Шостаковича, кантата к 20-летию Октября и опера «Семен Котко» С. Прокофьева, «Патетическая оратория» Г. Свиридова, балет «Спартак» А. Хачатуряна, оперы «В бурю» Т. Хренникова, «Семья Тараса» Д. Кабалевского.

Бегло взглянув на развитие русской культуры в хронологической последовательности, можно выделить следующие модифицированные инверсионные циклы: I цикл – с древнейших времен до эпохи Петра I; II цикл охватывает эпоху Петра I и продолжается до 1917 года; III цикл – с 1917 года до 1970-х годов.

Хронологически эти циклы не совпадают с общеисторическими циклами А. Ахиезера. Это объясняется тем, что культура и отношения в социуме подчиняются разным законам. Важно, что механизм, с помощью которого осуществляется социокультурный подход, действенен во всех сферах культуры, в том числе и в музыке.

В макроисторическом масштабе инверсия в русской музыкальной культуре проявилась в качестве возврата зависимости музыкального творчества от довлеющей общественной идеи. В I цикле религиозная, христианская идея определяла единственную дуальную оппозицию: «богослужбное пение» – это хорошо, «музыка» – это плохо. Во II цикле музыкальная культура характеризуется многовариантностью, плюралистичностью, калейдоскопичностью, возникает множество дуальных оппозиций, наивысшей точкой напряженности которых является 1910 год. В III цикле развитие музыкальной куль-

туры вновь определяется магистральной идеей, исходящей от властных структур. Партия определила русло, в котором обязано было развиваться искусство – это критический соц-реализм. Как и в I цикле, в III цикле господствующий стиль требовал беспрекословной веры, подчинения и неотступности от догматических норм. Партийность в искусстве образовала дуальную оппозицию: реалистическое искусство и чуждое, буржуазное.

Анализируя инверсионные процессы в развитии западноевропейской музыки, следует помнить о тернарности западной культуры (то есть бинарность, двоичность, полярность дополнены в них третьим, срединным элементом, обеспечивающим постепенность, эволюционный тип развития). Тернарность западной культуры – это и есть «срединный» путь культурного развития, где отсутствуют крайности. «Середина», ощущая свою ценность в смысловом поле *между* противоположностями, примиряет их и является альтернативой каждой в частности и в целом.

«Середина» как культурная инновация возникла в результате преодоления дуальности в культуре через поиск новой меры разрешения полярных точек зрения на познаваемый предмет посредством творческого наращивания нового содержания культуры. Медиация порождает «срединную» культуру как поиск новых идей, нового содержания в зоне *между* сложившимися стереотипами. Ей противостоят партиципация как стремление искать смысл в полюсах сложившихся оппозиций культуры и инверсия как логически мгновенный переход партиципации то к одному крайнему смыслу, то к другому, противоположному.

Проблема «срединной» культуры, оптимизация уровня медиации являются фундаментальными в науке. К сожалению, в русской науке вопрос: «Что такое “срединная” культура?» – не получил масштабной разработки. В европейской же науке «срединность» культуры изучается как культурная норма, которая постоянно испытывает угрозу размывания со стороны партиципации – инверсии и в ряде случаев рассматривается как социальная патология.

Западная наука анализирует партиципацию – инверсию как частность, а не как норму и воспринимает западное общество как лично-гомогенное, где доминирует индивидуум, рефлексия индивидуализма. «Западный индивидуум имеет следующую специфику. Он все еще заражен “ценностями толпы” (Э. Дюркгейм), в нем все еще сильно “бессознательное” (З. Фрейд), он все еще робко осваивает новые уровни свободы и может переживать рецидивы “бегства от свободы” (Э. Фромм), он все еще способен воспроизводить механизмы, порождающие “закрытое общество” (А. Бергсон), “авторитарность и традиционную церковность” (К. Юнг). Все эти формы социальных отношений хотя и есть в западном человеке и периодически могут обостряться, но не доминируют в нем. В западном обществе господствует медиационная логика, которая определяет способность западного человека познать себя как автономную и самореализованную личность, формирующую “срединную” культуру» [3, с. 16].

Возвращаясь к западноевропейской музыкальной культуре, заметим, что тернарность, «срединность» историко-культурного развития Запада ни в коем случае не уничтожает инверсионные процессы. Если в русской музыкальной культуре инверсионные циклы полностью зависят от исторического момента и довлеющей идеи в обществе, то в западноевропейской культуре инверсионные процессы трансформируются, уходят в другие сферы, в частности в эстетику. Но это не значит, что развитие музыкальной культуры не зависит от исторических обстоятельств. Такие радикальные перемены, как эволюция музыкального мышления, которая привела к доминированию гомофонно-гармонического стиля, в результате чего возникла биполярная ладовая система мажора и минора, смена ладового мышления тональным, полифонического многоголосия – гармоническим, безакцентной ритмики – ритмикой акцентной, чем, в свою очередь, было обусловлено возникновение оперы и новых инструментальных жанров и структур, – все это можно понять и осмыслить только изучив весь комплекс исторических обстоятельств, которые сопутствовали этим переменам и в значительной степени повлияли на них.

«Срединность» западноевропейской культуры уводит инверсионные процессы, исходящие в музыке, из исторической сферы в сферу философии музыки, в частности в музыкальную эстетику. Анализируя становление западноевропейской музыки, исследователи выделяют две противостоящих друг другу точки зрения. К первой относятся приверженцы музыкальной автономии, то есть понимание музыки как самоценности, независимой от внешних факторов и влияний. Ко второй относятся сторонники контекстуальности музыки, то есть осознание ее как части общей культуры, как контекста эпохи. Но к подобной дилемме западноевропейская музыкальная эстетика пришла не сразу, потребовались века.

Музыкальная культура в древности и средневековье выполняла, в основном, задачи, имевшие прикладное значение – от магических, до церемониальных. Музыка была подчинена определенным бытовым ситуациям.

В эпоху Возрождения (XIV–XVI вв.) искусство в значительной мере становится светским, появляется интерес к индивидуальности, личности, к миру присущих человеку духовных ценностей, миру его чувств. Отсюда и стремление выразить их не только в хоровом, как это было принято ранее, но и в сольном исполнении, что и обусловило появление оперы.

В эпоху Просвещения (XVII–XVIII вв.) человеческое «Я» осознается как нечто неповторимо богатое. Музыка в данный период играет роль «призмы», которая преломляет, «переводит» субъективное в объективное и наоборот, то есть музыка преломляет объективность окружающего в субъективность человеческого характера и обратно, объективирует характер в пластических образах движения. В этот период аксиологический взгляд на музыку как объективную бытийную ценность модифицируется во взгляд гносеологический, для которого музыка – познание, знак, значение, и в этом смысле – ценность.

Наконец к XIX веку назрела следующая дилемма. С одной стороны музыка стала осознаваться как звено в причинно-следственном движении человеческого познания мира и воздействия мира на человека. Такое понимание музыки привело к представлениям о музыкальной автономии, о специфических законах ценности музыки как самостоятельного произведения. С другой стороны, зарождалась историческая трактовка музыки, которая оперировала внемusicalными и даже внемusicalными критериями исторического развития. Подобный «спор» между осмыслением музыки как особой ценности и ее пониманием как аспекта исторического развития, характеризует развитие музыкальной эстетики XIX и во многом XX веков.

В середине XIX века противостояли друг другу эстетика автономии, выраженная в работах немецкого музыковеда Э. Ганслика, и эстетика контекста, описанная в трудах Г. Шиллинга. Оба музыковеда считали, что музыкальный смысл есть результат работы слушательского сознания. Разница в том, что у Ганслика музыкальные идеи отождествляются с идеями сознания, а у Шиллинга музыкальные эмоции – с идеализированными объектами переживания. Эстетика автономии акцентирует логический аспект музыкальной ткани, а эстетика контекста – эмоциональный и ассоциативный аспекты музыкальной ткани. Поскольку логика всегда одинакова, эстетика автономии выступала как принципиально внеисторическая концепция. Так как эмоции и ассоциации зависят от культурно-исторического момента, то эстетика контекста выступала как исторично-ориентированная.

Приверженцем эстетики контекста был немецкий музыковед Х. Г. Эггебрехт, который изложил свои идеи в работе «К истории восприятия Бетховена». Эггебрехт пишет, что восприятие музыки зависит от слушательского сознания, усвоенного культурой того или иного исторического отрезка времени, а также из литературы о музыке. Например, к творчеству Бетховена применимы такие понятия, как «природная гениальность», «революционность». Сегодня музыка Бетховена воспринимается как «музыка преодоления». Таким образом, по мнению Х. Г. Эггебрехта, каждое из подобных смысловых определений есть выражение общего контекста культуры.

Сторонником эстетики автономии был музыковед, теоретик В. Виора, писавший в середине XX века о том, что «звук» обладает собственным музыкальным качеством, которое определено его местом в звукосистемном сосуществовании тонов. Выделенный из звуковой системы тон «превращается в ничто». Основой звуковых систем является квинтовое родство звуков. Во взаимосвязи тонов в звуковой системе Виора видит звуковой смысл, а соотношение этих смыслов и есть «рацио» или «дух» музыки. Если у В. Виоры абсолютизируется специфическая ценность звукового материала, то у Эггебрехта – историчность его толкования.

Сторонниками эстетики автономии были Лео Дорнер и Ганс Мерсманн. Л. Дорнер обосновывает ценностную самостоятельность музыкальной истории с помощью «идеи музыки», которая руководит сменой музыкальных эпох. Ганс Мерсманн априорную причину музыкальной истории видит в области природных качеств, звука. Он выделяет противоположность тембра и линии. Преобладание линии дает горизонталь, а преобладание тембра – вертикаль. Постоянное уравнивание между горизонталью и вертикалью, поиск «среднего пути» и составляет логику развития музыкальной истории.

Крупнейшим теоретиком, музыковедом был Т. В. Адорно, сопоставлявший социальную действительность с музыкой. Адорно доказывал влияние на музыку развивающейся системы культуры и общества, считал, что конфликтность в музыке – это проявление конфликта в обществе.

Итак, в XIX–XX веках столкнулись две мысли о музыке: музыка как ценность и музыка как история. Современный музыковед Татьяна Чередниченко, описывая столкновение двух полярных точек зрения, пишет: «Легко заметить, что эта систематика проблем эстетического исследования специфики музыки выступает как своеобразная “инверсия” выделения в качестве заглавных проблем ценности, познания, истории...» [7, с. 44].

Итак, музыка как особое познание и специфический язык может получить объяснение лишь при взаимосвязанном рассмотрении ее и как истории и как ценности. Социологи доказывают, что культура является «...духовным самовыражением истории, отражением духовной энергии, созидающей “лица” исторических эпох...» [6, с. 56]. Музыкальная культура как часть этого духовного самовыражения, безусловно, содержит в себе элементы общего социокультурного процесса. Таким образом, инверсионные волны, присущие любому историко-культурному развитию возникают в музыкальной истории в зависимости от типа культуры, породившего музыку, бинарного, как в России, или тернарного, как в Европе.

Литература

1. Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997. – 804 с.
2. Ахиезер А. С. Самобытность России как научная проблема // Отечественная история. – 1994. – № 4–5. – С. 3–45.
3. Давыдов А. А. «Духовной жаждой томим»: А. С. Пушкин и становление «срединной» культуры в России. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. – 243 с.
4. Зорина А. Могучая кучка. – Л.: Музыка, 1967. – 104 с.
5. Левая Т. Русская музыка начала XX века в художественном контексте эпохи. – М.: Музыка, 1991. – 166 с.
6. Носов С. Н. Идея сверхчеловечества и философия Вл. Соловьева // Философские науки. – 1991. – № 7. – С. 56–67.
7. Чередниченко Т. В. Современная марксистско-ленинская эстетика музыкального искусства. Проблемы и перспективы развития. – М.: Сов. композитор, 1987. – 320 с.

Е. Ф. Черняк

*доцент кафедры театрализованных представлений и праздников
Кемеровский государственный университет культуры и искусств*

ФОРМИРОВАНИЕ ИМИДЖА ВУЗОВ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ

Отечественная система образования вступила в новую фазу развития взаимосвязей с государством и обществом. Власть в своих законодательных документах, относящихся к сфере образования, осуществляет политику демократизации системы, тем самым передавая ее в сферу инвестирования и конкурентного рынка. В этих условиях вузы культуры и искусств просто вынуждены заниматься формированием своего уникального имиджа, который в значительной мере определяет их конкурентоспособность – привлекательность для поступающих, доверие со стороны работодателей и заказчиков образовательных, научных, творческих услуг.

Управление корпоративной маркой как направление в теории и в практике менеджмента появилось в США более полувека назад. Сегодня его часто называют “управлением корпоративной идентичностью”. К настоящему времени в этой сфере уже сложился понятийный аппарат. Трактовка терминов не всегда однозначна, тем не менее важен сам факт их использования. Знание терминов позволяет ориентироваться в решении методических и практических задач управления имиджем организаций.

Корпоративная миссия – общественно-значимый статус, социально значимая роль организации. Формулировка миссии отражается, в частности, на первых страницах годового отчета, буклетов и каталогов, звучит в выступлениях руководителей организаций. Миссия позволяет персоналу и руководителям взглянуть на деятельность организации “с высоты птичьего полета”, что необходимо для обеспечения ее долгосрочной конкурентоспособности.

Корпоративная индивидуальность – ценности, суждения и нормы поведения, разделяемые в компании и определяющие сущность индивидуальной корпоративной культуры. Корпоративная индивидуальность – это то, что компания есть на самом деле, аналог личности, индивидуальности человека.

Корпоративная идентичность – это то, что организация сообщает о себе, о своей индивидуальности. Все, что организация говорит, делает и создает, формирует ее идентичность. Это – продукты и услуги, формальные и неформальные коммуникации, политика компании, поступки ее персонала.

Все это помогает формировать имидж учебного заведения.

Под имиджем вуза следует понимать устойчивое, эмоционально окрашенное мнение о вузе у группы людей на основе сформированного у них образа данной организации, возникшего вследствие либо прямого контакта с вузом, либо на основе информации, полученной об этом вузе из других источников. Для того, чтобы выявить механизмы и возможности управления имиджем вуза, необходимо проанализировать, на основе восприятия каких характеристик формируется образ вуза, предметно представить структуру данного образа. Традиционно в качестве компонентов образа вуза выделяют:

- образовательные услуги вуза (востребованность в предлагаемых специальностях, качество преподавания, престижность дипломов, стоимость предоставляемых услуг, возможности трудоустройства);

- профессорско-преподавательский состав вуза (внешний облик, социально-демографические характеристики, общий культурный уровень, компетентность);

- основатель/руководители вуза (внешний облик, социально-демографические и психологические характеристики);
- студенты вуза (внешний облик, стиль жизни, общий культурный уровень);
- внутренние социально-психологические характеристики вуза (культура организации, социально-психологический климат коллектива);
- визуальные характеристики вуза (архитектура, дизайн интерьера, элементы фирменного стиля, внешний облик персонала);
- социальные характеристики вуза (социальные аспекты деятельности вуза).

Учебному заведению мало овладеть наукой и искусством создания собственного имиджа – необходимо наладить изучение такой учебной дисциплины, как «Связи с общественностью» и создать собственный отдел PR для организации целенаправленной и планомерной работы в этом направлении.

Практика показала, что отделы PR могут обеспечить большой вклад в практику менеджмента учебного заведения. Залог успеха не только в полной информированности, но и в последовательной, непрерывной деятельности отдела. Неотъемлемой частью управления учебным заведением является *позиционирование* образовательных и творческих услуг. Это – формирование положительного общественного мнения о вузе культуры и искусств, создание информационного пространства для установления и поддержания связей со СМИ, формирование корпоративного имиджа, проведение и подготовку рекламных и PR-акций, **позиционирование в ИНТЕРНЕТе, информационная реализация значимых образовательных, научных и творческих проектов.**

В зависимости от внешних условий и целей вуз вырабатывает собственную стратегию построения имиджа и организует процесс коммуникации с различными группами общественности.

Целенаправленно созданный имидж Л. В. Даниленко предлагает рассматривать как совокупность составляющих:

- общая известность и репутация образовательного учреждения;
- скорость реагирования на изменения запросов потребителей;
- инновационный потенциал и его реализация;
- престиж образовательных программ;
- рекламная политика образовательного учреждения;
- уровень развития и характер зарубежных связей;
- финансовая обеспеченность (устойчивость);
- конкурентный статус [1, с. 19].

Л. Ю. Вольдман предлагает следующую модель формирования имиджа организации: а) объекты внешней среды: имидж страны, имидж клиентов; б) объекты внутренней среды: имидж руководителей, имидж персонала, имидж торговой марки [2, с. 20].

Следовательно, для формирования внешнего имиджа выделяем следующие категории внешних форм:

1. Корпоративная идентичность (фирменный стиль) – набор значений, благодаря которым объект можно узнать и запомнить. Элементы корпоративной идентичности: визуальные (цвет, форма, шрифт); тактильные (материал, текстура ткани или бумаги); аудиальные (громкость, ритм, тембр). К дополнительным значениям можно отнести элементы имиджевой символики – название, гимн, флаг. Так не только наш вуз имеет свой собственный флаг и гимн, но и некоторые его факультеты. Именно эта символика используется при проведении торжественных мероприятий – чествований, церемоний, ритуалов каждого отдельного факультета.

Ядром корпоративной идентичности являются стиль и тема. Единый для организации стиль должен формироваться в направлениях, основанных на четырех видах человеческого чувствования (визуальное, аудиальное, тактильное и обонятельное). Предметом же корпоративной темы могут быть: миссия, ценности, цели, стратегия и т. д.

2. Поведенческие образцы сотрудников организации

Наряду с внешним обликом сотрудников особое значение имеют: форма поведения, характер общения, поступки и характерные для организации обычаи (ритуалы, обряды, церемонии и др.). На формирование образа коллектива вуза влияют такие факторы, как: квалификация и профессиональные качества педагогов и сотрудников; личностные качества, возрастной и половой состав педагогического коллектива.

Существовать рядом с другими – это значит в наши дни вести более сильную, чем другие, коммуникацию. И строить ее можно, выдвигая на первый план личность. Маркой или лицом вуза может стать человек и продукт его деятельности (научные достижения, творческие победы). Надо лишь усилить базовые атрибуты человека: физический образ надо сделать эффективным; характер – постоянным; стиль – способным удивлять. Так возникает «стратегия звездности» – определенный метод PR. **Культура и искусство** – сферы, где личность и индивидуальность первостепенны. С точки зрения технологии продвижения образа в широком общественном мнении возможны:

- создание рекламной продукции с фотографиями человека, его творческим или научным коллективом: календари, буклеты, афиши, блокноты, баннеры и т. д.;
- создание видеоматериалов о творческой деятельности: концерты, гастроли, конференции, выставки и т. д. (в зависимости от области деятельности человека) и трансляция сюжетов на ТВ, во время презентаций и других мероприятий;
- информация в печатных СМИ о новых проектах и их реализации;
- творческие встречи с адептами коммуникации: школьниками, с коллегами из смежных областей, представителями администрации и т. д.

За счет форсированной кампании медиа-релейшнз любые эти средства становятся событиями. Вместе с продвижением имени происходит «коммерциализация» рекламной идеи для широкого общественного мнения.

Позиционирование вуза может осуществляться за счет событийного менеджмента с привлечением целевых аудиторий, их активной ролью в создаваемых событиях. Например, участие продвигаемой личности в составе жюри конкурсов, либо его участия в праздничных мероприятиях, где его мнение о деятельности организации становится приоритетным.

3. Поведение организации в целом

Сегодня одним из инструментов формирования положительного имиджа является создание события. Хорошо сценарно-организованное действие привлекает СМИ и гарантирует положительное общественное мнение. Используя экспрессивные выразительные средства при конструировании образа учреждения культуры и искусств, приемы режиссуры и театрализацию, PR-технологии способствуют формированию своеобразной корпоративной мифологии, основанной на гипертрофии роли учреждения, элементов легендарности действующих лиц, многозначности символов, харизматичности внутренних связей. Так в режиссуре паблик релейшнз используются мифологические приемы. Создание мифа позволяет учреждению самым надежным образом дистанцироваться от других. Нам еще предстоит ответить на вопросы: «Не является ли все большая театрализация действия в паблик релейшнз способом управления интересом и вниманием граждан и потенциальных потребителей услуг?», «Насколько подлинно специально организованное событие?», «Насколько правомерно продвижение корпоративных целей с привлечением специальных методик и технологий?»

В рамках деятельности вузов культуры и искусств поведенческим актом (событием) может быть организованная выставка живописных полотен, выставка фоторабот или выставка декоративно-прикладного искусства, фестивали областного, регионального и всероссийского масштабов, конкурсы, благотворительные концерты и другие творческие мероприятия.

За счет событийного менеджмента можно открывать новые имена, продвигать новые спектакли, картины, творческие или научные проекты, фильмы, бренды или идеи.

4. Образ выпускника

Выпускник в глазах общественности является лицом учебного заведения, критерием и показателем результата его деятельности. Необходимо популяризировать деятельность учебного заведения, рассказывая об успехах, карьерном и профессиональном росте своих выпускников, приглашая выпускников на мероприятия вуза в качестве гостей, членов жюри, экспертов, используя их мнения и суждения о событиях, происходящих в вузе во время подготовки сюжетов для ТВ, репортажей на радио или статей в печатные СМИ.

5. Образ руководителя

Одной из важных составляющих имиджа образовательных учреждений является образ руководителя. Он – фигура отдельная, но не существующая вне своей организации. Он – фигура в чем-то типичная, но имеет собственную харизму. Т. Ю. Лебедева подчеркивает, что «...из противоречий, совпадений и противоположностей эксперты стараются вывести логику патрональной коммуникации, которая... способна “очеловечить предприятие”, идентифицируя его с человеком, который его олицетворяет... Именно патроны одними из первых обратили внимание на колоссальные ресурсы, которые заключают в себе правильно организованные коммуникации и паблик рилейшнз» [3, с. 156].

Известный французский специалист по паблик рилейшнз, основатель одной из высших частных школ коммуникации в Париже, Филипп Буари выделяет ряд элементов, которые, по его мнению, могут быть в основе успеха руководителя. Среди них – неповторимый темперамент, невероятный характер и миф. Французы говорят, что там, где кончаются секреты, там и все кончается. Поэтому патрональная коммуникация может строиться на мифах. А для его рождения достаточно одной детали – и СМИ примут правила игры. И все же при создании имиджа руководителя невозможно все просчитать. Ясно одно: властвовать и покорять может только человеческий темперамент.

Первое лицо формирует команду топ-менеджмента, которую он подбирает так, чтобы чувствовать себя комфортно в разных аспектах: в культуре управления, в видении картины мира, в общих полях интересов и в понимании того, каким должен быть качественный менеджмент. В России бренд корпорации ассоциируется с первым лицом: именно это лицо заключает наиболее важные сделки, именно под его слово и имя банки преоставляют кредитные линии. Корпоративная культура организации – это проекция ее лидера, поэтому конструкция имиджа руководителя требует длительного времени, последовательности и соблюдения строгой гармонии образа со всеми элементами, которые составляют идентичность организации.

Эффективное управление имиджем вуза, на наш взгляд, возможно и необходимо в первую очередь на этапе первоначального контакта вуза с целевой аудиторией – абитуриентами. В нашем вузе традиционными стали такие мероприятия, как: Дни открытых дверей, выставки, конференции.

На отчетные концерты творческих коллективов кафедр приглашаются выпускники общеобразовательных школ и школ искусств, гимназий. Они могут не только видеть результаты процесса обучения (музыкальные, хореографические номера, работу актеров, режиссеров, дизайнеров, фотографов и т. д.), но и пообщаться со студентами, преподавателями, получить подробную информацию о правилах поступления в вуз. Школьники и их родители, абитуриенты на стендах, телевизионных экранах, установленных в холлах вуза, на САЙТЕ университета могут узнать о социальной защите, помощи и льготах студентам из малообеспеченных семей, детям-сиротам, увидеть афиши предстоящих мероприятий вуза, факультетов, кафедр; получить буклеты и другую рекламную продукцию о

вузе и будущей специальности; портреты лучших студентов размещаются на баннерах, публикуются в газетах, журналах. Крупные мероприятия вуза освещаются в прессе, на радио и телевидении.

Через комплекс таких мероприятий складывается устойчивое, эмоционально окрашенное мнение о вузе, которое может стать решающим при выборе образовательного учреждения и будущей профессии.

Итак, мы видим, что образ вуза складывается из множества компонентов. Мнение о каждой составляющей образа вуза, в свою очередь, оказывает влияние на формирование имиджа организации в целом. Однако для построения адекватной стратегии управления имиджем вуза необходимо знать, какие из них, в силу специфики данной организации, имеют приоритетное значение? Какие компоненты образа вуза выступают одновременно и в качестве критериев выбора данной организации?

На сегодняшний день не существует каких-либо признанных профессиональным сообществом критериев оценки PR-специалиста.

Любой PR-процесс состоит из конечного числа проектов, которые могут быть исполнены с определенным уровнем качества и по окончании которых могут быть получены определенные количественные показатели. PR-специалист вынужден работать в условиях быстро меняющихся обстоятельств, и иногда эти обстоятельства могут работать против него.

Современный российский вуз, особенно негосударственный, находится в постоянном поиске стратегии усиления собственного положения на рынке образовательных услуг. Однако далеко не всеми еще осознан тот факт, что одной из наиболее эффективных стратегий достижения данной цели может выступать целенаправленное построение позитивного имиджа вуза.

На Западе управление имиджем организации уже давно является одним из неотъемлемых элементов стратегического менеджмента. Так, согласно ресурсному подходу, разработанному учеными Гарвардского университета, имидж организации является ее неосознанным активом и, наряду с остальными компонентами, выступает реальным источником конкурентной способности и ключевым фактом адаптации к внешним условиям. Необходимо так же отметить, что образ любой организации, сформированный на основе восприятия внешних и внутренних характеристик последней, достаточно устойчив. Несмотря на то что образовательные учреждения, как правило, лишены возможности масштабного использования традиционных и наиболее мощных средств PR (участие в проведении выставок и экспозиций), у вузов есть возможность проведения Дней открытых дверей, родительских форумов, встреч выпускников, ярмарок вакансий, олимпиад и т. д. Безусловно, в этих же целях можно широко использовать контакты с аудиториями на научных конференциях, симпозиумах по проблемам образования. Благодаря новым технологиям публичных рилейшнз образовательные учреждения могут реализовывать свои претензии на роль защитников ценностных ориентиров в обществе.

Выстраивая различные информационные потоки в определенную систему, можно добиться исключительных результатов по формированию имиджа, укреплению авторитета и репутации учреждений культуры.

Литература

1. Даниленко Л. В. Имидж учебного заведения // Справочник руководителя образовательного учреждения. – 2003. – № 1.
2. Вольдман Л. Ю. Имидж организации и механизмы его формирования // Высшее образование сегодня. – 2004. – № 7.
3. Лебедева Т. Ю. Публик рилейшнз. Корпоративная и политическая режиссура. – М.: Издательство МГУ, 1999. – 350 с.

А. В. Сорокин

доцент кафедры дизайна

Кемеровский государственный университет культуры и искусств

ЛЕГЕНДА О КРЕАТИВЕ. ТЕХНОЛОГИИ ПРОИЗВОДСТВА ИДЕЙ В РЕКЛАМЕ

Принято считать, что самые гениальные рекламные объявления создаются вопреки сложившимся правилам, являясь иногда результатом озарений. Известна, к примеру, история со знаменитым рекламистом Дэвидом Огилви. Однажды он направлялся в студию, где должна была состояться фотосъемка для рекламы мужских рубашек. У Огилви разболелась голова, он зашел по пути в аптеку, где под стеклом прилавка увидел черную повязку, которую носят люди, лишившиеся глаза. Огилви купил повязку и заставил красавца-манекенщика позировать в ней. Рекламодатель-заказчик поначалу возмущался: как это так, у всех манекенщики нормальные, а на нашей рекламе будет инвалид? Тем не менее с той поры (уже более полувека) все манекенщики, позирующие для рекламы рубашек «Nathaway», надевают черную повязку. Эта повязка прославила торговую марку, решительно выделила ее среди прочих [1].

Серьезные исследователи утверждают, что всяческие «озарения» являются как правило итогом длительной напряженной работы человеческого подсознания. С этих позиций яблоко, якобы упавшее на голову сэру Исааку Ньютону, сон, приснившийся Дмитрию Менделееву, и черная повязка, попавшаяся на глаза Дэвиду Огилви, являются лишь внешними толчками, которые сработали вроде как спусковой крючок для давно подготовленного мозгом творческого «взрыва».

Но, к сожалению, большинство тех, кто работает в рекламе, не имеет возможности подолгу ждать заветного и непредсказуемого импульса. Рекламные объявления рядовому крепкому профессионалу приходится производить каждый день, а гениальные озарения, если и бывают, то все же не часто. Как действовать, если пресловутый креатив упорно «не выдумывается», хотя поджимают сроки, да еще менеджер или начальник висит над душой?

Вообще словечки «креатив», «креативный» стали нынче в России очень модными. Само слово имеет истоки в латыни, где *Creator* – это *господь, сотворивший мир*. В английском языке *create* – *создавать, созидать, творить*. **Ad-creator** – **всего лишь сочинитель рекламных объявлений**. Не обязательно затейливых и творческих, а всяких. Но в российской версии под «креативностью» подразумевают, что рекламное обращение содержит некую броскую идею – концептуальную, текстовую (например, выраженную в слогане), визуальную, музыкальную или, быть может, игровую. Имеется в виду, что «креативное» – это синоним хорошего, а когда нет «креатива» – это плохо.

Нетрудно представить возникающие в связи с этим сложности, например, в работе жюри, которое оценивает работы, представленные на какой-нибудь рекламный конкурс или фестиваль. Допустим, пресловутый «креатив» в конкурсной работе налицо, но ведь ясно, что задача «хорошей» рекламы не в том, чтобы удивить потребителя, а в том, чтобы стимулировать сбыт некоего продукта. Это может быть шоколадный батончик или

телевизор, кандидат в Госдуму или некая социальная идея. Если батончик – его нужно продать, если кандидат – его должны выбрать, а если мы убеждаем «позвонить родителям» или беречься от СПИДа, рука гражданина должна потянуться к телефонной трубке или упаковке презервативов. Когда креатив этому не помогает, то практического смысла в рекламе нет. Деньги рекламодателя потрачены впустую.

Вот перед взорами жюри, скажем, ролики или плакаты с рекламой пельменей. Чтобы решить, хорошая это реклама или плохая, нужно знать, позиционирует производитель свой продукт как дешевый массовый или как качественный дорогой. Каково состояние конкуренции на конкретном рынке? Может, там вообще нет других производителей пельменей, а может – по пельменной фабрике на каждом перекрестке. Рекламуемая продукция давно присутствует на рынке, или это какие-то необычные пельмени нового сорта, которых потребитель еще не знает? Бренд фирмы-производителя хорошо известен потребителям или это фирма новая, «нераскрученная»?

Жюри конкурса, как правило, всех этих обстоятельств не ведает. Насколько соответствует им тот «креатив», который предложен в рекламном объявлении, неизвестно. Можно оценить графическую или текстовую составляющую, уровень владения компьютерными программами «3Д-макс» или «Корел Дро», нюансы цветового решения или дефекты композиции, но во многих случаях невозможно дать однозначную оценку: «хорошая» это реклама или «плохая».

На чем же должен базироваться рекламный креатив, чтобы рекламу можно было признать во всех смыслах «хорошей»? Конечно, наиболее перспективным в этом отношении является системный подход, воплощенный в технологиях так называемого «брендинга». Этот метод подразумевает, что всякое рекламное сообщение, связанное с неким продуктом, разрабатывается как элемент его общей концепции, как часть заранее сконструированного фирменного стиля.

Допустим, речь идет об открытии нового магазина, продающего ковры. Еще до создания его рекламных материалов придумывается перспективное оригинальное название, например, «Ковер-самолет». Отсюда логически вытекает начертание логотипа путем имитации арабской вязи, возникает соответствующий визуальный ряд (персонаж в чалме, летящий на ковре), рождается слоган с восточным колоритом, придумываются сказочные ситуации, которые могут затем лечь в основу рекламы. Подобный прием удачно использует, например, «Сбербанк»: значительная часть его рекламы – это визуальные манипуляции с собственным товарным знаком, который является потребителям в виде детской колясочки с монетками, игрушечного автомобильчика и в прочих неожиданных воплощениях.

Даже при отсутствии изначальной системности все же желательно иметь в основе создаваемого рекламного продукта некий документ под названием «Стратегия» или «Концепция». Содружество рекламистов и маркетологов продуцирует его на основе рыночных характеристик, описание которых, в свою очередь, рождается на основе исследований – продукта, рынка, потребителя.

Наличие стратегии позволяет создателю рекламы еще до начала творческого процесса четко уяснить:

- кто является целевой аудиторией рекламного обращения;
- какое предложение этой аудитории нужно сделать;
- какие доказательства использовать;
- какое итоговое действие должна произвести реклама.

Стратегия, как выразился один известный деятель рекламы, это та мишень, в которую предстоит попасть снайперам-рекламистам. Если мишени нет или она не имеет определенных контуров, трудно понять, где там «яблочко». В итоге – выстрел громкий,

но туда или нет – не ясно. К сожалению, в российском рекламном процессе дизайнер или копирайтер такой «писаной» стратегией располагают редко. В лучшем случае что-то такое присутствует в их головах в размытом виде.

В связи с этим интересен вопрос: какие вообще типы стратегии могут существовать? В середине 90-х годов XX века одним из крупных рекламных агентств были изучены рекламные стратегии значительного числа фирм и торговых марок, лидирующих в своей сфере бизнеса. Выявлено было пять основных типов (моделей) рекламных стратегий:

1. Импульс. Для этого типа стратегии характерен отказ от рациональной аргументации. Реклама провоцирует импульсивное поведение покупателя, иногда воздействуя на него с помощью неожиданностей и эмоциональных средств (доля этой модели в рекламе лидирующих торговых марок – 10 %). Примеры: «Не тормози – сникерсни!», «Попробуй WEST!».

2. Убеждение. Используется рациональная аргументация, цифры, факты, диаграммы, показ достоинств продукта, приводятся свидетельства прежних пользователей. Стремление воздействовать на позицию покупателя (доля среди ведущих брэндов – 30 %). Примеры: реклама жевательной резинки с диаграммой изменения кислотности во рту; реклама зубной пасты, показывающая, насколько прочнее становится скорлупа куриного яйца после обработки этой пастой.

3. Соучастие. Стремление установить тождество ценностей между производителями товара, нынешними и будущими пользователями. Покупатель видит в рекламе людей своего круга и тех, на кого он стремится равняться, используются темы, затрагивающие этот круг. Реклама должна вызвать улыбку удовлетворения и чувство причастности (доля среди ведущих брэндов – 20–25 %). Пример: «Кто пойдет за “Клинским”»?

4. Дифференциация. Стремление изменить точку зрения покупателя на рыночную ситуацию, представить неожиданный взгляд на рекламируемый продукт. Это эффективно при использовании нешаблонных приемов рекламы, каламбуров, сильного креатива (доля среди ведущих брэндов – 5–7 %). Массу примеров такого рода дает щитовая реклама водки (которую в России вообще-то запрещено рекламировать на уличных щитах). Скажем, используется изображение соленого огурца на вилке с призывом «Закусывать надо!» (фактически – реклама водки). Или показывают отсутствие на столе продукта («Праздник лишь наполовину, если в доме нет «Полтины»).

5. Существование. Простое подтверждение существования товара, услуги, торговой марки. Стремление поддержать имидж, увеличить известность рекламируемого продукта. Это самая пассивная модель, она применима, в основном, для хорошо известных товаров (30 %). Примеры: «IT'S A SONY!»; **большинство уличной рекламы крупных российских банков.**

Разработчик в поисках идеи может просто попробовать вложить свою проблему в шаблон одной из этих схем. Иногда результат получается неплохим.

Издавна при решении творческих задач (не только в рекламе) используется группа методов, которые можно назвать «морфологическими». Это своего рода последовательный перебор возможных вариантов решения конкретной проблемы на основе важнейших «осей», то есть параметров будущего творческого продукта.

Мы можем, например, отложить по одной оси пресловутые пять типов возможных рекламных стратегий, по другой – основные типы рекламных макетов (их обычно насчитывают шесть), по третьей оси – перечень тем, заведомо привлекающих общественное внимание. Таких тем принято выделять 17. Это (по алфавиту):

- автомобили;
- войны;
- деньги (как их заработать и сберечь);

- дети (в том числе проблема «отцы и дети»);
- животные (домашние и дикие);
- здоровье, способы его сохранить, красота тела, «чудодейственные» методы лечения;
- известные личности (в особенности их частная жизнь), светская хроника;
- катастрофы, происшествия, криминальные истории с жертвами;
- мода (не только в одежде);
- отклонения от нормы (в том числе уродства, необычные способности, рекорды, загадочные происшествия и факты);
- предсказания будущего;
- продукты питания, их особенности, качество;
- развлечения, способы проведения досуга;
- секс;
- скандалы, разоблачения;
- спорт;
- юмор (или юмористическая подача других тем).

Результатом этого трехосного построения является так называемый «морфологический ящик», насчитывающий в нашем случае $5 \times 6 \times 17 = 510$ узлов. Начинаем системно перебирать все узлы в поисках интересного решения. В конечном счете мы нечто подходящее для рекламы нашего продукта обнаружим, например, в точке сочетания стратегии убеждения с макетом типа «комикс» и темой здоровья. Или в каком-либо другом из узлов спроектированного «ящика». Тот, кто способен представить себе 4- или 5-мерное пространство, может добавить по 4-й оси, скажем, основные типы слоганов, а по 5-й – шкалу цвета. Узлов получится еще раз в сто больше. . .

На основе этого трудоемкого метода возникла более экономичная технология так называемого «брейнсторминга» («мозговой штурм»), основа которой была заложена в начале XX века американцем Алексом Осборном. Он, кстати, был вовсе не психологом, а именно рекламистом. Суть метода заключается в том, что 6–8 человек усаживаются вместе и начинают генерировать идеи по заданной теме. Всякая критика чужих предложений категорически запрещена. Весь ход «штурма» (обычно это около часа) тщательно фиксируется письменно или на видео. После завершения процедуры ее результаты анализируются. Практика показывает, что очень высока вероятность обнаружения среди десятков высказанных участниками бесполезных идей одной–двух перспективных.

Развитием брейнсторминга стал появившийся в середине XX века «синектический» метод (его автор – Уильям Гордон, США). При синектическом подходе процедура брейнсторминга направляется специально подготовленным руководителем, а участники «штурма» должны быть предварительно обучены методам генерирования идей (так называемым «операционным процедурам»). Это позволяет сэкономить время и повысить качество предлагаемых идей.

Вообще любое обсуждение и «проговаривание» проблем весьма полезно. Дэвид Бернштейн в свое время сказал: «Блестящей идее все равно, в чью голову она пришла». Хороший заголовок может иногда придумать художник, а хорошую идею рисунка – текстовик (копирайтер). Поэтому всегда лучше работать не в одиночку, а творческой группой, командой (хотя бы из трех человек), а если такой возможности нет, полезно обсуждать рекламную проблему с коллегами, друзьями, членами семьи. Известны случаи, когда разработчики обсуждали возможные рекламные подходы даже с конкурентами заказчика, позаботившись, конечно, чтобы «лишняя» информация не вышла раньше времени наружу.

В некоторых японских фирмах требуют генерирования идей от всех – от уборщицы до директора. Там считают, что на «банальных» совещаниях могут родиться только «банальные» идеи. Поэтому японцы создают своим «творцам» небанальные условия: выезд на природу для ночного наблюдения за звездным небом, установка компьютеров в туалетах офисного здания. Известны случаи, когда начальник «запрещал» талантливому сотруднику ходить на работу (при полном сохранении зарплаты), пока тот не принесет оригинальную идею.

Очень интересные результаты для творческого процесса, в том числе в рекламе, может дать методика ТРИЗ («теория решения изобретательских задач»). Основоположителем ее был советский ученый, доктор технических наук, известный изобретатель Генрих Альтшуллер [2]. Тем, кто интересуется историей советской научной фантастики, он известен как автор рассказов, публиковавшийся под псевдонимом Генрих Альтов. Первые статьи о своем «алгоритме решения изобретательских задач» Альтшуллер опубликовал вскоре после окончания Великой Отечественной войны, концептуально оформились эти наработки к началу 60-х годов XX века, а в конце 60-х впервые были организованы курсы по обучению этой новой методике практических инженеров.

Идея ТРИЗ – более точное «нацеливание» морфологического перебора вариантов на нужный результат, своего рода «научный» выбор основных осей для построения узлов. Задачи в системе ТРИЗ разбиваются на уровни (их пять) и подуровни в зависимости от сложности. 1-й уровень простейший, он не требует устранения принципиальных противоречий. 5-й уровень – это задачи, в которых налицо клубок противоречий, состоящий из многих переплетенных проблем. На проблемы накладывается система так называемых «стандартов» (стандартных операций): увеличить-уменьшить, утяжелить-облегчить, поменять среду, перевернуть, расчленить, удвоить, обострить конфликт, построить «антисистему». Такой подход существенно повышает результативность поиска и качество итогового творческого продукта.

Предложенные ТРИЗовцами стандарты вполне поддаются интерпретации применительно к рекламному творчеству. Скажем, обострение конфликта можно трактовать как нарочитое помещение рекламируемого товара в условия, являющиеся для него экстремальными (теплую куртку – на полюс холода, водонепроницаемые часы – на дно океана или хотя бы в стиральную машину). Построение «антисистемы» заключается в показе непользователя (парень со всклоченной шевелюрой, который НЕ ходит в нашу парикмахерскую).

Возникают и специфические для рекламы новые стандарты: к примеру, игра со словами, буквами, цитатами; показ положений «до» и «после» применения продукта; использование шоу-эффектов и так называемых «романтических историй».

Такие истории могут быть связаны с происхождением продукта или ситуациями, когда достоинства товара проявились необычным образом. Например, одна из «романтических историй» напиток «Кока-кола» рассказывает об аптекаре Пембертоне из американского города Атланта. Более ста лет назад Пембертон нашел рецепт напитка в результате кропотливых опытов.

История одного из популярных итальянских ликеров, изложенная на бутылочной этикетке, повествует о несчастной любви графини к незнатному юноше.

В прессе немало рекламных историй, связанных с так называемым швейцарским «офицерским» ножом, – спасение людей в экстремальных ситуациях, предотвращение аварий, удивительная сохранность ножа при соприкосновении с едкими химическими веществами.

Если подобной истории у рекламируемого продукта нет, то рекламист может в ряде случаев придумать ее самостоятельно. Это позволит придать рекламе сюжетность, об-

разность, эмоциональность, в результате чего сообщение не будет похоже на рекламу конкурентов и лучше запомнится читателям или зрителям.

В России и за рубежом сейчас сложились большие школы ТРИЗ (в частности, наиболее сильная – в Санкт-Петербурге). Выходят публикации на эту тему в научно-инженерной периодике, есть специальные сайты в сети Интернет.

Много споров вызывает прием поиска оригинальных рекламных решений, построенный на изучении аналогов. С одной стороны, просмотр чужих работ подталкивает творческую мысль, но, с другой стороны, удерживает ее в русле уже наработанных подходов и приемов. Иногда «нос Ивана Кузьмича и губы Никанора Ивановича», обнаруженные в разработках предшественников, не порождают новый «креатив», а провоцируют рекламиста всего лишь на перепевы старого.

Вопрос о качестве спродуцированного тем или иным методом креатива – крайне существенный. Броская рекламная идея найдена, но «хорошая» ли она? Какие критерии помогут это определить?

Конечно, абсолютных критериев не существует, ведь, как уже было сказано, самая гениальная реклама создается вопреки правилам. Но все же однажды Дэвид Огилви, один из наиболее чтимых рекламных авторитетов, которому постоянно приходилось давать оценку идеям сотрудников своего агентства, сформулировал пять вопросов, позволяющих выбрать лучшую идею из всех прочих:

1. Велико ли было мое изумление, когда я увидел ее впервые?
2. Хотел бы я, чтобы эта идея принадлежала мне?
3. Уникальна ли она?
4. В совершенстве ли она соответствует стратегии?
5. Может ли эта идея использоваться в течение 30 лет?

В одном случае из ста возникшая идея настолько хороша, что ради нее можно пересмотреть и стратегию, если стратегия с ней расходится. Но гораздо чаще разработчику или руководителю агентства приходится откладывать в сторону пришедшие в голову блестящие идеи и творческие решения, связанные с данным продуктом, если они не соответствуют стратегии. Что касается «долголетия», то подавляющее большинство рекламных идей относится к категории «разового» пользования. Те, что выдержали пять и более лет, могут считаться рекордсменами.

Литература

1. Огилви Д. Огилви о рекламе. – М.: Эксмо, 2003. – С. 59.
2. Альтшуллер Г. С. Найти идею: Введение в теорию решения изобретательских задач. – 2-е изд., доп. – Новосибирск: Наука, 1991. – 225 с.

Е. Л. Кудрина

*доктор педагогических наук, профессор,
ректор Кемеровского государственного университета культуры и искусств*

И. Л. Курочкин

*заслуженный работник культуры Российской Федерации, профессор
Кемеровского государственного университета культуры и искусств*

Г. Г. Волощенко

*кандидат педагогических наук
Омский государственный университет*

ТУЕВ ВИКТОР ВЛАДИМИРОВИЧ (к 70-летию со дня рождения)

Написать биографический очерк, охватывающий научную, педагогическую и творческую деятельность такой многогранной и талантливой личности, какой является Туев Виктор Владимирович, дело довольно трудное.

В. В. Туев – прежде всего, крупный ученый в социально-культурной сфере, признанный в России и Кузбассе специалист по теории социально-культурной, в том числе клубной, деятельности, неутомимый исследователь социокоммуникативных образований: античных клубных общностей, феномена английского клуба, первых западноевропейских и российских клубов, рабочих и молодежных клубов советского периода и современных клубных общностей в постсоветской России. Туев В. В. – автор свыше ста пятидесяти научных работ, в том числе пяти монографий, шести учебных пособий.

Широко известны в научных, педагогических кругах и среди студенчества вузов культуры Сибири и Российской Федерации в целом его исследования «Клуб в истории культуры», «Феномен английского клуба», «Технология организации инициативного клуба», «История клубов Кузбасса». В сборниках и журналах, посвященных исследованиям в области культуры и досуга, Туев В. В. регулярно публикует научные статьи по проблемам понятийного аппарата и предметного поля социально-культурной деятельности, привлекая внимание широкой научной и педагогической общественности к этим важным и недостаточно исследованным отраслям культурологической науки. Только в последние годы им опубликованы статьи: «Социально-культурная деятельность как предмет вузовской науки» (Журнал МК Российской Федерации «Ориентиры культурной политики». – 2002. – № 4), «Актуальные тенденции развития социально-культурной деятельности в России в XXI веке», «Социально-культурная деятельность: понятие и проблемное поле» (Социально-культурная деятельность: история, теория, образование, практика: межвузовский сборник научных статей. – Кемерово, 2003). Высокая научная квалификация Туева В. В. активно востребована не только в Кузбассе и Сибирском регионе, но и на федеральном уровне. Многие годы он является членом учебно-методического объединения в области образования по социально-культурной деятельности Министерства культуры Российской Федерации, членом редакционного совета «Исторической энциклопедии Кузбасса». Туев В. В. постоянно выступает одним из инициаторов в организации и проведении на базе Кемеровского государственного университета культуры и искусств научных конференций и семинаров, издания сборников статей и тезисов. Принимает участие в республиканских и межвузовских научных конференциях в Москве, Санкт-Петербурге, Челябинске, Казани и других городах России.

В течение шести лет Туев В. В. является руководителем научного направления аспирантуры Кемеровского государственного университета культуры и искусств по специальности 13. 00. 05 «Теория, методика и организация социально-культурной деятельности». В настоящее время на кафедре СКД работают над кандидатскими диссертациями по этой специальности 20 аспирантов и соискателей. Из них 12 аспирантов и соискателей плодотворно работают под его научным руководством.

Многие годы Туев В. В. активно и результативно сотрудничает с научными организациями и учреждениями города Омска. Он регулярно участвует в межвузовских научных конференциях, посвященных проблемам развития социокультурных процессов в Сибири. Его статья «Превратим Сибирь в край высокой культуры», вызвала живой интерес научной общественности города на Иртыше. Большое научное и практическое значение имели его выступления на региональном учебно-методическом семинаре для преподавателей Омского колледжа культуры и искусств, кафедры социально-культурной деятельности Омского государственного университета. С 2004 года Туев В. В. является членом редакционной коллегии журнала «Культурологические исследования Сибири». Более 25 лет Туев В. В. заведует кафедрой социально-культурной деятельности, которая является крупнейшим и ведущим подразделением в структуре Кемеровского государственного университета культуры и искусств. Контингент студентов кафедры насчитывает более 400 человек.

За годы существования кафедры подготовила более двух тысяч специалистов социально-культурной деятельности. Выпускники кафедры возглавляют учреждения культуры, искусства и образования не только в Кузбассе, но и в других регионах Западной Сибири, в ряде государств ближнего зарубежья. Бывшие ученики Туева В. В. работают главными специалистами управлений культуры и досуга, заместителями директоров общеобразовательных школ по воспитательной работе, методистами внешкольных учреждений, ведущими культурно-досуговых программ на телевидении, радио, в самодеятельных и профессиональных учреждениях культуры и искусств.

В 1991 году по инициативе Туева В. В. кафедра впервые в стране начала обучение студентов по новым, актуальным специализациям «Педагогика и организация досуга детей и подростков», «Организация и ведение культурно-досуговых программ», «Дизайн и реклама социально-культурной деятельности». В 2005 году в соответствии с государственным образовательным стандартом высшего профессионального образования Российской Федерации на кафедре открыты новые специализации «Педагогика детско-юношеского досуга» и «Постановка и продюсирование художественно-публицистических программ», по которым осуществляется подготовка специалистов в настоящее время.

Неоспоримой заслугой Туева В. В. как ученого, педагога и организатора является то, что кафедра социально-культурной деятельности сегодня – это известная в стране научная школа, осуществляющая подготовку специалистов высокого уровня, ведущая научные исследования актуальных проблем социально-культурной деятельности. Кафедра социально-культурной деятельности – это и эффективный профориентационный центр, который ведет активную работу в системе непрерывного образования Кемеровского государственного университета культуры и искусств.

По инициативе Туева В. В. в течение ряда лет успешно ведутся занятия в профориентационном культурологическом классе средней общеобразовательной школы № 56 районного центра Промышленная. Более двух десятков выпускников, обучавшихся в разное время в этом классе, являются ныне студентами кафедры социально-культурной деятельности.

Как руководитель кафедры Туев В. В. проявляет исключительную заботу о научном и профессиональном росте педагогов кафедры: из состава кафедры двое преподавателей стали докторами наук, восемь защитили диссертации на соискание ученой степени кандидата наук. Сегодня на кафедре социально-культурной деятельности все молодые преподаватели являются аспирантами или соискателями при аспирантуре университета.

Под руководством Туева В. В. в течение многих лет преподаватели университета осуществляют плодотворную совместную научно-исследовательскую и научно-методическую работу, в результате которой создаются новые учебные программы и методические рекомендации, научные сборники статей. Соавторами Туева В. В. по этой работе являются преподаватели кафедры СКД: профессор Курочкин И. Л., доценты Павлюк Н. С., Коргожа Н. С., Фоменко Н. К., Курбатова Н. В.

Как всякая деятельная личность, Туев В. В. – человек с твердой жизненной позицией. Он активно участвует в общественной жизни родного университета, в его советах нуждаются работники различных управленческих структур социально-культурной сферы не только в Кемеровской области, но и городов Томск, Омск, Красноярск. Туева В. В. связывают давние научные и педагогические связи с ведущими учеными и педагогами Московского, Санкт-Петербургского, Казанского государственных университетов культуры и искусств, с Алтайской, Челябинской государственными академиями культуры и искусств, с редакцией журнала «Вестник Московского государственного университета культуры и искусств».

В биографии ученого отразились многие важные события истории 2-й половины XX века. Туев В. В. родился 22 декабря 1936 года в Хабаровском крае в семье военнослужащего. Его детство было одним из тех, про которое сегодня говорят – «опаленное войной». С первых дней Великой Отечественной войны его отец Владимир Ефимович был направлен на фронт, мать Ольга Михайловна с двумя детьми сполна испытала потрясения эвакуации. Она одна воспитывала детей во время войны. После окончания войны семья Туевых переезжает на жительство в Саратов. Город на Волге, великая русская река оказали судьбоносное влияние на юношу. Волга пробудила в молодом человеке стремление стать творческой личностью. Здесь легко и радостно мечталось, созерцалось, думалось. Очевидно, на берегах великой русской реки в душе юноши зародилась неудержимая тяга к музыке Чайковского, Рахманинова, Моцарта, Бетховена и поэзии В. Маяковского, И. Северянина, С. Есенина.

Окончив среднюю школу с золотой медалью, Туев В. В. становится студентом Московского государственного энергетического института. Годы учебы – это не только постижение профессии, но и формирование духовных качеств. После окончания института Туев В. В. распределяется на работу в Сибирь. Здесь разворачивалось гигантское строительство гидроэлектростанций.

Туев В. В. работает в Кузбассе на строительстве Томь-Усинской ГРЭС. Молодой инженер не долго трудился на инженерной должности. Его активная творческая натура не могла остаться незамеченной. Комсомольцы города Мыски избирают Туева В. В. своим вожаком. Он с головой уходит в новую работу. В Мысках заработали молодежные клубы, созданные по инициативе первого секретаря горкома комсомола. Развернулись молодежные диспуты и дискуссии. Молодые литераторы основали литературное объединение «Моя Томь-Уса». Впервые в области здесь был создан «Городской штаб культуры». В 1964 году бюро Кемеровского обкома комсомола утвердило Туева В. В. заведующим отделом культурно-массовой работы обкома ВЛКСМ. Увлекательные «выдумки» молодого неумного комсомольского «культуролога» снискали Туеву В. В. широкий авторитет не только в кругах комсомольцев и молодежи. Туев выступает как организатор молодежных клубов, сам руководит «Икс-клубом». Затеи этого клуба были известны не только в городе Кемерово, – так, по инициативе Туева В. В. начались турниры участников клубов веселых и находчивых, им предложен руководству обкома ВЛКСМ и управлению культурой области сценарий проведения областного фестиваля «Молодость Кузбасса».

В 1969 году в г. Кемерово открывается Кемеровский государственный институт культуры. Туев В. В. получает направление на учебу в аспирантуру при Московском государственном институте культуры. В 1972 году, успешно защитив кандидатскую диссертацию, молодой ученый поступает на работу в ставший ему родным Кемеровский госу-

дарственный институт культуры. В мае 1998 г. он успешно защитил докторскую диссертацию по теме «Феномен клуба: историко-педагогический анализ».

Более 30 лет Туев В. В. посвятил педагогической деятельности в институте (в настоящее время университет). За эти годы он выдвинулся в число ведущих педагогов вуза. Он ведет курсы «Социально-культурная деятельность», «Социально-культурная работа за рубежом», «Клуб в истории культуры», спецкурсы «Технология организации клубных любительских объединений», «Методология и методика проектирования курсовых и дипломных исследований студентов». Под его научным руководством сотни студентов подготовили и защитили дипломные работы по наиболее актуальным проблемам социально-культурной и культурно-досуговой деятельности.

Туев В. В. удостоен ряда высоких государственных наград: награжден медалями «За освоение целинных и залежных земель», «Ветеран труда», юбилейной медалью в честь 60-летия Кемеровской области. В 1995 году ему присвоено почетное звание «Заслуженный работник культуры Российской Федерации».

Многим из того, что удалось достичь, Туев В. В. обязан не только природным способностям, но и, прежде всего, систематической, целенаправленной деятельности. Туев В. В. – натура деятельная в самом высоком смысле. Крупный ученый, уважаемый и любимый студентами педагог, прекрасный лектор, опытный организатор, самодеятельный поэт, яркая, увлекательная личность – таким знают и ценят Туева В. В. в Кемеровском государственном университете культуры и искусств, в Кузбассе, в Западно-Сибирском регионе и в России.

В. В. Туев

*доктор педагогических наук, профессор,
зав. кафедрой социально-культурной деятельности
Кемеровский государственный университет культуры и искусств*

РАЗГОВОР С РЕКТОРОМ В. С. БРЮХОВЫМ. СОВПАДЕНИЯ

Удивительные бывают совпадения. В первый номер первого выпуска «Вестника» КемГУКИ его ответственный секретарь А. В. Шунков заказал мне очерк о Василии Степановиче Брюхове, ректоре вуза в 70–80-е годы. Выход «Вестника» в 2006 году совпадает с 75-летним юбилеем нашего ректора № 2 (первым ректором вуза и его основателем был Николай Павлович Шуранов, также ныне здравствующий, 85-летний юбилей которого чуть впереди). Редколлегия «Вестника» вполне резонно решила в первый номер журнала обязательно включить биографический очерк о ректоре-юбилере. Доверяя весьма почетное и в то же время очень ответственное авторство очерка мне, А. В. Шунков обосновал это довольно просто: «Вы с ним работали, когда он был ректором нашего вуза, а Вы у него проректором по науке. Кому как не Вам?!» Я не стал возражать. Отчего же не согласиться? Ведь действительно знаю Василия Степановича не понаслышке. Когда его назначили ректором института культуры в июне 1977 года, я уже работал в нем заведующим кафедрой культурно-просветительной работы (КПР), и, конечно, у ректора с заведующим кафедрой поводов для общения было предостаточно. А в феврале 1982 года он предложил мне работать с ним и под его началом проректором по науке, и до июня 1984 г. мы работали с ним в одной дружной команде ректората.

Но с тех пор прошло более 20 лет, и Василий Степанович давно уже не трудится в вузе, и общаемся мы лично все реже и реже, да и память, как говорится, уже не та. Правда, совсем недавно, 3-го февраля 2006 г., прямо в день рождения Василия Степановича, мы по доброй инициативе ректората провели расширенное заседание Ученого

совета университета, посвященное 75-летию В. С. Брюхова. Юбилей бывшего ректора в вузе прошел, по общему признанию, хорошо: и торжественно, и радушно, и, как отметил потом сам юбиляр, «не казенно, искренне». Много на встрече с В. С. Брюховым было ярких воспоминаний о его ректорском и неректорском прошлом, и я целый мемуарный и благодарный «триптих» ему произнес, и за банкетным столом сплошь лились воспоминания. И все же я здорово комплексовал, берясь за биографический очерк об уважаемом всеми ректоре семидесятых: многого не знаю, многого не помню. Надеялся, правда, на телефонные звонки-распросы, на дополнительную информацию от Нины Георгиевны Смирновой – его очаровательной жены и соратницы по вузовскому цеху, к тому же работающей в нашем вузе директором созданного и выпестованного ею Центра непрерывного образования. Но время шло, а я никак не мог собрать в систему свои воспоминания о В. С. Брюхове. Прямо по Эмилю Кроткому: «Он обещал собраться с мыслями, но собрание так и не состоялось».

И вдруг чудесное совпадение. Областной совет ветеранов по ходатайству ректората предоставляет мне в мае «горящую» тулеевскую путевку для лечения и отдыха на курорте Белокуриха. 7-го мая, еле успев оформить документы, бегу ранним утром на посадку в «чартерный» автобус, мысленно благодаря своих благодетелей Нину Павловну Неворотову (она «дала» путевку), Екатерину Леонидовну Кудрину (она ее запросила), Марину Вениаминовну Гатину – врача, выписавшую мне санаторно-курортную карту. Запыхавшись, с бьющимся, во всех смыслах, сердцем сажусь в автобус. Ищу свободное место. Вот оно, у прохода. А рядом у окна – ... Василий Степанович Брюхов! Так совпало, что путевки у нас с ним оказались в одну и ту же «Здравницу Кузбасса», на один и тот же срок – с 7-го по 20-е мая, что ехали мы с ним «всю дорогу» в одном автобусе и в соседних креслах и что поселились мы с Василием Степановичем, конечно, в одном номере. И почти все 14 дней отдыха, когда заканчивались лечебные, оздоровительные и питательные процедуры, автор и герой будущего очерка, лежа, сидя, прогуливаясь по здравнице или курорту, сообща решали поставленную задачу: один говорил, вспоминал, другой слушал, записывал, или оба увлеченно говорили, говорили...

Но, начав по моей просьбе рассказывать о себе, Василий Степанович сразу меня предупредил: «Только обязательно не забудьте написать о совпадениях» – «Каких это? Что мы с Вами так неожиданно встретились?» – «И о них тоже. Но я имею в виду многие другие совпадения в моей жизни». И он взволнованно, почти суеверно начал рассказывать о них, а затем неоднократно к ним в своем повествовании возвращался.

Встреча наша в Белокурихе, конечно, была счастливым совпадением. Она много дала мне для моего очерка, да и независимо от его содержания, я просто лучше узнал Василия Степановича, его исповедальные воспоминания, общение с ним расширили панораму моих знаний о личности Ректора. Но беседы наши в кузбасской здравнице внесли неожиданные коррективы в план и жанр моего очерка. Из авторского монолога он стал диалогом, из рассказа об интересном человеке – интересным разговором с ним.

И начался наш разговор с его рассказа о совпадении, которое сам Василий Степанович считает едва ли не мистическим. «Траектории жизни отца и сына пересеклись помимо их воли, – в который раз только в общении со мной говорил эту фразу Василий Степанович. – Когда началась война, моего отца, Аристарха Усольцева могли направить на любой фронт, а он воевал под Ленинградом. А я по окончании школы мог избрать любой вуз, а выбрал Ленинград, ЛГУ, философский факультет. И мой сын Володя, уже гораздо позднее, сам избрал ЛГУ, правда, юридический факультет. Совпадения!»

Отец и отчим

«По рождению я уральский, – начал свой белокурихинский рассказ Василий Степанович. – Родился я 3 февраля 1931 года в селе Кадыш Уйского района Челябинской области. Там на речке Уй купался. Там и в школу пошел. Отец мой Аристарх Усольцев...»

«Отец – Аристархов, а вы Брюхов?» – робко перебил я. «Брюхов – это мой отчим, Степан Афанасьевич. Мама моя Матрена Арсентьевна Усольцева (урожденная Шеметова) недолго прожила вместе с отцом, они разошлись еще до войны, а перед самой войной мама выходит замуж за Степана Афанасьевича Брюхова. Мама не хотела давать фамилию и отчество отца, решила, что я унаследую их от отчима. Но новая моя родительская пара жила в гражданском браке, а в Уйском сельсовете, чтобы меня оформить как сына отчима, потребовали от моих “новых родителей”, чтобы они зарегистрировали свой брак. Так я “женит” своих родителей, а сам стал Васей Брюховым.

Отчим по состоянию здоровья на фронт не пошел, а отец пошел воевать, и в 1942 году погиб под Ленинградом. Я в 1949 году закончил Уйскую среднюю школу, учился хорошо и мог поступить в любой из уральских вузов: в Магнитогорске, Челябинске, Свердловске, а я избрал столичный. Сначала подался в Москву, в геолого-разведочный институт, а потом решил стать философом и поехал в Ленинград поступать на философский факультет Ленинградского университета. В семье неоднозначно оценили мой выбор. Мама сильно переживала мое решение покинуть родной дом, плакала и просила Бога, чтобы сын не поступил в вуз, вернулся домой и... записался на курсы счетоводов. Это, мол, практичнее. А кто такой философ? – приставала она к нам с отчимом – какая польза от него? – Отчим по-философски ответил: “Философ – это тот же поп, только советский”.

В 1954 г. я закончил ЛГУ, получил диплом с отличием по специальности “Философия” и стал готовиться к распределению на работу. Тогда, Вы знаете, всех выпускников распределяли, преимущество при распределении отдавалось семейным, а остальные выбирали будущее место работы по желанию или... по жребию, который предпочитали «тянуть» сами студенты. И тут я узнаю, что в комиссию по распределению поступил запрос из Кемеровского обкома комсомола на выпускника философского факультета для работы в аппарате обкома (и такие были запросы!). Запрос был за подписью 1-го секретаря обкома комсомола – Александра Антоновича Сергеева. Я изъявил желание, и был направлен в Кемерово. Заехал сначала домой, на Урал, затем взял билет на поезд Москва-Кемерово и сел в купе, где уже сидел... Стас Андреевич Сбитнев – будущий мой коллега по будущему вузу. Совпадение? С. А. Сбитнев все мне и рассказал про Кемерово. Поезд прибыл в этот город 13 августа 1954 года. Эта дата у нас в семье всегда отмечается. И в 2004 году мы с женой Ниной Георгиевной по-домашнему, но торжественно отметили 50 лет пребывания Василия Брюхова в Кемерово».

Памятные даты

Уже на следующий день, 14 августа, В. С. Брюхова утверждают инструктором отдела пропаганды и агитации обкома комсомола, где он встречается с тем самым А. А. Сергеевым, который его запрашивал, и получает первые от него деловые инструкции. От него же и первая, символическая, по мнению Василия Степановича, командировка в Ижморский район, которую он тоже считает знаковым совпадением. В Ижморке вместе с преподавателями музыкального училища он проводил областной семинар... баянистов-гармонистов. А ижморчане, узнав, какие «виртуозы» баяна приехали к ним в гости, просили еще молодого инструктора с философским образованием, чтобы он организовал для местных жителей концерт силами баянистов. И хотя многие из них приехали только учиться играть на баяне, Вася Брюхов организовал такой концерт. Он прошел с большим успехом, а его организатора по возвращении в Кемерово единогласно избрали первым секретарем Кемеровского сельского райкома ВЛКСМ. Василий Степанович прекрасно помнит дату этого исторического избрания – 19 декабря 1954 года. Помнит потому, что она удивительным образом совпадает с датой его вступления в комсомол: ну, конечно, 19 декабря, только 1945 года он был принят в члены ВЛКСМ Уйским райкомом ВЛКСМ. А ровно 9 лет спустя стал первым секретарем комсомольского райкома! Ирония судьбы, или совпадение. И не одно. Здание райкома комсомола было тогда на

улице Николая Островского. Позднее, когда райкома там уже не было, а здание его было переоборудовано, Василию Степановичу предоставили квартиру в другом здании и, конечно же, на улице Н. Островского!

Борьба за Брюхова

Сельским секретарем Василий Брюхов работал год, а в январе 1956 г. на областной комсомольской конференции его избирают уже секретарем областного комитета комсомола по идеологии. И тут случилось совсем уж неожиданное. Симпатичный, энергичный, сметливый, философски образованный молодежный лидер, как говорится, «глянул» одновременно двум начальникам: партийному и комсомольскому, областному и городскому и (очередное совпадение) двум ... Сергеевым. Василий Степанович когда рассказывал мне о них для удобства различения и запоминания так их и называл: Сергеев – «партийный» (это Анатолий Семенович Сергеев, он тогда работал 1-м секретарем Кемеровского сельского РК КПСС) и Сергеев – «комсомольский» (это Александр Антонович Сергеев, он в ту пору был 1-м секретарем Кемеровского обкома комсомола).

Так вот между двумя этими Сергеевыми завязалась прямо-таки борьба за одного Васю Брюхова. «Один Сергеев (“партийный”), – вспоминал Василий Степанович, – требовал, чтобы я остался в райкоме комсомола с перспективой перейти здесь же в районе на ответственную партийную работу, другой Сергеев (“комсомольский”) отстаивал мое законное место в обкоме комсомола. Сергеев – “комсомольский” вынужден был даже советоваться аж с первым секретарем обкома партии. Тот поддержал этого Сергеева, и я остался работать в обкоме комсомола».

Меж призванием и долгом

Своим ноу-хау на этой работе Василий Степанович считает организацию своеобразной учебы секретарей горкомов и райкомов комсомола «по методу Брюхова». Он предложил Александру Антоновичу Сергееву, чтобы на какое бы совещание и по какому бы поводу секретари ни приезжали в обком, они обязательно должны были направляться на беседу к Брюхову. «А я – оживлялся Василий Степанович – устраивал им настоящий “допрос”: какие газеты читал, какое положение в братских компартиях, какие проблемы волнуют молодежь? Многого они не знали. И я их “строгал” за это. Но только в личных беседах, а публично об их недостатках никогда не говорил. Но зато, когда они ехали на следующие подобные совещания, они уже готовились к ним». Таков был воспитательный эффект «школы Брюхова».

В 1956 г. В. С. Брюхов получил первую правительственную награду: медаль «За освоение целинных земель». На целину он, правда, не ездил, но награда все равно была заслуженной: будучи секретарем обкома комсомола, он формировал отряды молодых добровольцев из Кузбасса, направлявшихся на целину, осуществлял идейно-организационное руководство комсомольско-молодежными тракторными бригадами, которые и распахивали эти самые целинные земли. В 1957 году я сам был целинником в составе студенческого летнего целинного отряда МЭИ в Пospelихе, работал там и копильщиком, и помощником комбайнера, и цену комбайнерам, и трактористам – «танкистам целины» – хорошо знаю. Может, с нами работал и молодой тракторист из Кузбасса, направленный на целину Василием Брюховым? Вполне возможное совпадение.

На большой комсомольской работе Василий Степанович был еще 3 года, в том числе и в должности первого секретаря Кемеровского горкома ВЛКСМ. Но ни на минуту комсомольский лидер не забывал о своем философском призвании, о том, что он воспитанник ленинградской философской научно-педагогической школы и должен быть философом не только по образованию, но и по образовательной деятельности. «Боясь дисквалификации как философ, я обратился к ректору Кемеровского медицинского института, Степану Васильевичу Беляеву (заметьте: он Степан Васильевич, я – Василий Степанович – совпадение, хоть и зеркальное). Просил его взять меня на кафедру философии преподава-

телем. Тот согласился и даже в перспективе направление в аспирантуру обещал. Но ведь Вы знаете про существование закона подлости. Так вот, согласно этому закону в это же время вызывают меня в обком партии, предлагают работать лектором-международником в лекторской группе обкома, дали одну ночь на размышление, а на утро (было это в июне 1957 г.) утвердили на бюро обкома лектором-международником. А через полгода вызывает меня уже первый секретарь обкома Степан Маркович Пилипец и предлагает работать заместителем заведующего отделом пропаганды и агитации обкома КПСС. Я немножко растерялся. Неожиданно. Справлюсь ли? – Как не справишься? – уверенно ответил С. М. Пилипец. – Расти надо. Я тебя понял, что возражений нет? И в декабре 1959 г. меня утвердили в этой должности, где я проработал 3 года, и только после этого по моей настоятельной просьбе меня направили в Москву, в аспирантуру Академии общественных наук при ЦК КПСС, куда я успешно, с первого захода поступил».

За Искитимку как за границу

О следующем этапе в своей жизни Василий Степанович рассказывает довольно быстро, хотя длился он более 10 лет: «В академии я в срок подготовил и в срок (1965 г.) защитил кандидатскую диссертацию по критике антимарксистских философских теорий равновесия. Во время учебы в аспирантуре включался в лекторские группы ЦК КПСС и выступал с лекциями в аудиториях Московской, Ярославской и Костромской областей. Это еще более укрепило мою лекторскую закалку. Получил ученую степень кандидата философских наук и вернулся в Кемерово на ту же работу, на ту же должность зам. зав. идеологическим отделом обкома партии. Но стал все настойчивее проситься на преподавательскую работу, в том числе у самого Афанасия Федоровича Ештокина, который тогда уже был первым секретарем обкома. Послушал он меня, как я жажду работать преподавателем философии и сказал: “Что ж это мы тебя рядовым отпустим. Мы тебя заведующим назначим. Вот мне недавно ректор КузПИ В. Г. Кожевин звонил, им заведующий кафедрой философии нужен, уговаривал меня тебя отпустить. Давай работай”. И направили меня заведующим кафедрой философии Кузбасского политехнического института, где я проработал более 10 лет: с июня 1967 по август 1977 годов. И там же в КузПИ я еще был избран и заместителем секретаря паркома вуза – в те годы это тоже требовало много времени, энергии и, что греха таить, умения. Ну, и конечно, не обошлось без совпадений, или несовпадений, уж не знаю, как это теперь называть. Весной 1977 г. из Министерства высшего образования СССР пришло в вуз, как тогда говорили, одно целевое место на доцента, кандидата наук с приличным стажем педагогической работы для командировки за границу в качестве преподавателя философии одного из зарубежных вузов. КузПИ рекомендовал меня. Все инстанции меня утвердили. Я оформил все необходимые документы на себя и Нину Георгиевну Смирнову, мою молодую жену. В счастливый путь за границу меня благословили ректор В. Г. Кожевин, ректорат, партком, и вдруг меня снова вызывают в обком и задушевно так говорят: “Есть предложение рекомендовать тебя на должность ректора в институт культуры”. Я им: “Как же так? Я ведь уже все оформил? И на себя, и на жену. Прошу отпустите с миром”. А они мне: “Мы можем удовлетворить твою просьбу, но за границу ты уже не поедешь”. Жена шутила: “Вот. Собрался за границу, а попал за Искитимку. Может, в этом что-то есть?”»

Ректор-лектор

Заграница для областного центра – это наш институт культуры, оба учебных корпуса в пору пришествия к нам Василия Степановича Брюхова находились за Искитимкой. Впрочем, как и сейчас. Хорошо помню, как в один из этих корпусов, новый, административный, что на Ворошилова, 17, привезли нового ректора. В зале заседаний Ученого Совета много народу: и члены Совета, и все заведующие кафедрами, и вузовский актив. В президиуме тоже избыток: кроме «старого» ректора Николая Павловича Шуранова и проректоров, здесь и сама Зинаида Васильевна Кузьмина, секретарь обкома партии по

идеологии, и Георгий Васильевич Корницкий, заместитель председателя облисполкома, как бы сейчас сказали, по социальным вопросам, курировавший культуру и образование в области. Были еще представители городских властей. Все они приехали «сватать» нам на ректорство Василия Брюхова. Мы внимательно рассматривали его. Это был смуглый, круглолицый, крепко сложенный, аккуратно одетый, гораздо более молодой, чем наш ректор, человек. Он сидел молча, напряженно. Напряжение царило и в зале. Мы уже привыкли к Н. П. Шуранову, сработались с ним. За 7 лет ректорства ему удалось сплотить вузовский коллектив, сформировать управленческий костяк, заложить добрые традиции в институтской среде. А что нам даст этот новый человек? Поэтому определенная настороженность при встрече нового ректора была вполне понятна. Зинаида Васильевна и Георгий Васильевич тепло поблагодарили Николая Павловича за его ректорскую семилетку и «благословили на трон» Василия Степановича. Они, естественно, дали ему самые добрые характеристики. Но мы-то понимали, что самые адекватные характеристики даст себе он сам, своим отношением к работе, к вузу.

И вскоре характерные черты личности и стиля работы нового ректора стали проявляться. Во-первых, всем импонировало, что это ректор-лектор. Он умел и любил читать лекции. И вообще это был оратор, владевший множеством блистательных риторических приемов. Я и тогда с восхищением слушал и учился у него. И вот совсем недавно, на своем юбилее он произнес такую красивую и остроумную речь. Ну, а его мастерство своими знаниями, эрудицией, красноречием убеждать студентов, по-моему, не имело равных в вузе. Лучших лекторов в стране тогда объединяло Всероссийское общество «Знание». Василий Степанович был тогда председателем городской организации общества.

Во-вторых, он сразу стал ректором для студентов. Подтянутый, мобильный, атлетичный, он отлично ходил на лыжах, хорошо танцевал, не чурался молодежных дискотек, умел, где надо, пошутить и повеселиться, а где надо и спросить, и поспорить. Василий Степанович сразу расположил к себе студентов. В годы его ректорства активно создавались и работали в дни летних каникул студенческие строительные отряды. Василий Степанович принимал участие в их формировании, приезжал к ним летом, помогал в организации их работы. Он гордился тем, что, как он говорил, «в женском девичьем вузе нами были созданы мощные стройотряды типа “Искремас” (по ремонту железнодорожных путей), руководитель которого Иван Либерт удостоился чести выступить на Всесоюзном слете стройотрядов, Надя Петрова (секретарь комитета комсомола вуза. – В. Т.) награждена орденом “Знак Почета”, а я – знаком ЦК ВЛКСМ “За активную работу по созданию студенческих строительных отрядов”».

Ну, и в-третьих, и это, пожалуй, главное. Он старался по-новому организовать работу педколлектива, создать хороший деловой микроклимат в вузе, ориентировать его на более конструктивные связи сферы образования и сферы культуры. Мы заметили эти усилия, почувствовали эти перемены и поддерживали их.

Сам о себе

Мне, работавшему с В. С. Брюховым в годы его ректорства, конечно, было интересно узнать у него самого, как он оценивает свою ректорскую семилетку (это 1977–1984 годы). Приведу его ответ почти полностью:

«Каждый ректор отличается от других по многим позициям. Я был ректором, который жил в социалистической стране, при советской власти, с выработанными ею нормами и порядками. Тогда, например, не было выборов ректора, но система *назначения* была гораздо сложнее и требовательнее к соискателю этой высокой должности. Оформлялось множество документов, проводилось большое число согласований, собеседований: областные партийные и советские организации, Министерство культуры РСФСР, Министерство культуры СССР, Министерство высшего образования РФ, Союзное Министерство образования. Предпоследняя, самая важная инстанция – мандатная комиссия

ЦК КПСС (уйма «объективов»). И только после нее проводилась коллегия Министерства высшего образования СССР. И председатель ее, министр, член-корреспондент Академии наук В. П. Елютин вдруг спрашивает меня: “Вы ректор вуза, где готовят специалистов по принципу: 2 притопа, 3 прихлопа?” Я ответил ему: “Я представляю те молодые вузы, которые готовят кадры для российской культуры, и поэтому они перспективны”. Кажется, этот ответ понравился министру. Коллегия меня утвердила, и уж только после этого меня представили Ученому совету вуза».

Принципы Брюхова

«Что касается моей работы в вузе, то главным в ней я считал учебный процесс. В организации его ректором и ректоратом я выделял три приоритетных направления:

1. Кадры преподавателей.
2. Качество подготовки студентов.
3. Воспитательная работа среди студентов.

Причем 1-е и 3-е направления должны «работать» на второе.

Я считал, что в работе с кадрами нужно руководствоваться следующими тремя принципиальными установками:

1) Подбор кадров должен осуществляться только на основе деловых качеств и профессионального уровня преподавателей. И ни в коем случае не из принципа личной преданности. Если допустить слабину и формировать педколлектив по этому принципу, это приведет к гибели коллектива.

2) Отношение к преподавателям и сотрудникам должно быть требовательным и в то же время уважительным и доброжелательным.

3) Основой вуза является кафедра, а зав. кафедрой – ключевая фигура в вузе. И декан, и проректоры, и все остальные должны поддерживать его. В конечном счете, продукт нашей работы – выпускник, а это результат работы кафедры. Поскольку кафедра является основой учебного процесса, кафедра является и основой воспитательной работы со студентами, она ближе всего к ним, и как в учебной, так и во внеучебной работе ей надо всячески помогать.

Что я делал, чтобы эти принципы осуществлять?

Я завел блокнот посещений и посетил за годы ректорства более 300 учебных занятий. В начале каждого учебного года я изучал этот блокнот и планировал побывать на тех кафедрах и у тех преподавателей, где я еще не был. В результате я мог анализировать и количество и качество преподавательской работы. Этому же способствовала стройная система взаимопосещений и открытых занятий, которую мы ввели. Она была и стабильной формой административного контроля, и постоянно действующей школой учебно-методического опыта.

Еще одна традиция была: ежегодный итоговый очный и двусторонний анализ работы кафедр ректоратом. Для этого мы создавали комплексные ректорские комиссии. В назначенный срок, когда уже были готовы все отчеты, все планы, все пожелания педагогов, преподаватели собирались на кафедре и отчитывались перед комиссией. Анализ кафедральной документации, жаркие дискуссии по проблемам учебного процесса, встречи представителей ректората с преподавателями и студентами были взаимопользны. Новый план работы вуза мы всегда составляли с учетом этих отчетов-встреч и, как правило, уже в сентябре. И составление этого плана, и все вопросы организации учебного процесса всегда курировал у нас проректор по учебной работе. Но и я, как ректор, этот участок работы всегда держал под особым контролем.

Такие же комплексные комиссии готовили у нас вопросы на заседания Ученого совета. В план работы вуза в число докладчиков по вопросу включались не только исполнители – заведующие кафедрами, деканы, но и председатели таких комиссий. Появлялась возможность более объективно изучить обсуждаемую проблему. За неделю до Совета я приглашал к себе по обе стороны ректорского стола и докладчика, и содокладчика. Слушали,

взвешивали, уточняли. Но вопрос на совет выносился более взвешенным, а обсуждение его, будучи хорошо подготовленным, проходило более продуктивно и не более полутора часов. А если их (вопросы. – В. Т.) не готовить, – уже горячился больной В. С. Брюхов, – то “размазывается” время, и все получается непроизводительно и субъективно.

И еще один важный участок нашей работы, – вспоминает Василий Степанович, – это выпуск и трудоустройство молодых специалистов. Мы, вуз, отвечали тогда не только за качество их профессиональной подготовки, но и за явку их на работу после распределения. Приходилось отчитываться за это и на бюро Ленинского райкома партии, и даже на бюро обкома. Помню, в газете “Правда” появилась небольшая такая заметка нашего собкора по Кузбассу “К месту работы не явился”, про наших выпускников. Сколько шуму она наделала, на какие ковры только нас с тогдашним начальником Управления культуры облизполкома И. Л. Курочкиным ни вызывали. Но мы твердо отстаивали тогда свою позицию: да, мы отвечаем за образование, воспитание, патриотизм наших выпускников, но и вы, пожалуйста, создавайте такие материально-бытовые условия для них, чтобы они и явились, и закрепились».

Если подводить итоги

Мы еще долго беседовали с Василием Степановичем, соединяя лечебное с учебным. Годы и болезни не сломили его. Он все такой же подтянутый, элегантный, общительный. По-прежнему, со вкусом, который чутко контролирует его жена Нина Георгиевна, одевается: в стильной бейсболке, классных белоснежных брюках, модных светлых кроссовках и контрастной малиновой рубашке он был неотразим в Белокурихе. Он и в институт (так, по привычке, он называет наш университет) приходит как на праздник. Из бывших наших ректоров, он да Николай Павлович Шуранов заходят к нам чаще всего. Значит, нет никаких комплексов и после ухода из родного вуза.

А что? Василий Степанович Брюхов добросовестно отработал свою ректорскую семилетку и оставил хорошую память о себе. Не случайно вуз так сердечно провел его юбилей.

Воспоминания захлестывали его. Он оживлялся, когда вспоминал приезд в вуз большой группы советских писателей и его личные встречи с поэтом Робертом Рождественским, гордился, что его «Искремас» занял 1-е место в областном соревновании стройотрядов, бойцы стройотряда «Искремас» подарили своему командиру Ивану Либерту на свои (!) сбережения легковую машину, шутил, что памятником себе при жизни считает зеленую аллею на территории 1-го корпуса, которая выросла благодаря массовой посадке деревьев, организованной в пору его ректорства. В то же время, он с болью вспоминает гибель студентки, при возвращении с картофелеуборочных работ, мрачно сетует, что «когда в конце какого-то января в самые лютые морозы во 2-ом корпусе полностью вышла из строя вся отопительная система, то, по закону подлости, в самой холодной аудитории весь день пришлось вести занятия моей Нине Георгиевне. Ох, и досталось мне от нее, больше, чем от всех преподавателей и студентов вместе взятых».

В июне 1984 года закончилась «ректорская семилетка» В. С. Брюхова, но он еще долго активно работал в вузе, заведовал кафедрой философии, а после ухода из вуза в 1994 г. он посвятил себя работе в пресс-центрах областных организаций. Сейчас Василий Степанович увлечен идеей написать философское эссе. Много читает русской и зарубежной художественной классики. Только что перечитал А. И. Куприна, Бернарда Шоу, а сейчас на столе у него Вальтер Скотт. Как талантливый лектор, охотно принимает приглашения «выступить, прочесть» из школ и вузов.

Наш совместный отдых-лечение в Белокурихе заканчивался. В заключение нашей многодневной беседы я, как заправский интервьюер, попросил Василия Степановича вкратце изложить свое жизненное кредо (не больше и не меньше), и, если можно, подвести итоги своих 75 лет (не меньше и не больше!).

Но Василий Степанович и на эту весьма неумеренную просьбу отреагировал столь же ответственно: «Кредо? Это всегда оставаться самим собой, относиться с уважением и доброжелательностью к людям. А еще не терплю позерства и презираю высокомерие.

Итоги? Жизнь как-то сложилась так, что если где-то я начинал свою деятельность, то обязательно выходил на руководящие роли: в комсомоле, в партии, в преподавательской работе.

И, конечно, оценивая 75 лет своей жизни, я испытываю огромное удовлетворение от прожитых лет и, прежде всего, что 7 лет из них я был руководителем вуза.

Знаете, говорят, что у человека в жизни две дороги: до ярмарки и с ярмарки. Я и до ярмарки доехал с поклажей, и с ярмарки – не пустой. Так что мне не стыдно за свою прожитую жизнь.

Я очень люблю свою внучку Дарью и молю Бога, чтобы он дал еще пожить мне со своими внуками и внучками.

И, конечно, мое большое счастье и в том, что 30 лет со мной рядом моя Нина (Нина Георгиевна Смирнова. – В. Т.)».

Вернувшись из Белокурихи в Кемерово, я стал писать этот очерк. Просматриваю свои записи, вижу, кое-чего не хватает. Думаю, надо позвонить Василию Степановичу, уточнить. В это время звонок. Снимаю трубку и слышу такой уже родной, тихий голос Василия Степановича: «Виктор Владимирович, это Брюхов. Вам ничего не надо уточнить!»

Совпадение?!

О. Ю. Астахов

кандидат культурологии, доцент

Кемеровский государственный университет культуры и искусств

МЕЖВУЗОВСКАЯ НАУЧНАЯ НЕДЕЛЯ «Д. С. ЛИХАЧЕВ И РУССКАЯ КУЛЬТУРА»

Открытие межвузовской научной недели «Д. С. Лихачев и русская культура», посвященной празднованию 100-летия академика Д. С. Лихачева, состоялось 22 мая 2006 г. Инициаторами мероприятия выступили Кемеровский государственный университет культуры и искусств и Кемеровский государственный университет.

С приветственным словом к участникам семинара, посвященного творчеству академика, обратился проректор по учебно-воспитательной работе и ОЗО КемГУ, кандидат исторических наук, доцент, депутат областного совета народных депутатов В. А. Волчек. В своем выступлении он затронул вопросы, касающиеся необходимости интеграции научных исследований культурологов, филологов, историков, искусствоведов в области гуманитаристики, обращенной к рассмотрению проблем национальной культуры. С докладом «Д. С. Лихачев – исследователь русской книжности» выступила кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы и фольклора КемГУ Л. И. Еременко. В докладе были представлены основные научные направления деятельности Д. С. Лихачева и анализ филологических работ академика.

Особый интерес у участников семинара вызвала презентация передвижной выставки работ, выполненных студентами по аутентичным образцам головных уборов Севера и Юга России: кокошников, рогатых кичек, девичьих повязок. Представленные экспонаты из коллекции музея истории костюма КемГУКИ «И ветви, и корни (Д. С. Лихачев)» сопровождались показом подлинных вещей, бытовавших в Западной

Сибири в XIX–XX веках. После презентации состоялся семинар «О культуре Древней Руси языком костюма». Его организатором выступила директор музея истории костюма КемГУКИ, доцент кафедры культурологии и искусствознания В. П. Геращенко. Доклад сопровождался видеорядом, составленным из иллюстраций древнерусских миниатюр Радзивилловской летописи, который раскрывал особенности древнерусского костюма, отражающего национальный колорит эпохи.

В ходе работы научной недели 23 мая состоялось открытие выставки книг Д. С. Лихачева в научной библиотеке КемГУ. Научная библиотека КемГУКИ представила выставку «Д. С. Лихачев – символ национальной духовности», включающую следующие разделы: поэтика древнерусской литературы; проблемы историзма русского героического эпоса. В музее и истории костюма КемГУКИ была проведена VI выставка – конкурс студенческих работ по истории костюма.

24 мая состоялось расширенное заседание кафедр русской литературы и фольклора КемГУ, народного хорового пения КемГУКИ, литературы КемГУКИ, культурологии и искусствознания КемГУКИ, посвященное 100-летию академика Д. С. Лихачева. Преподавателями обсуждались вопросы о направлениях научно-исследовательской работы и формах сотрудничества кафедр, что является перспективным в связи с возможностью открытия новых специальностей.

25 мая была проведена открытая лекция доктора филологических наук, профессора ТГУ (г. Томск) О. Н. Бахтиной «Жанр духовного завещания в старообрядческой литературе». Анализируя старообрядческую литературу, автор поставил проблему ценностного самоопределения русской культуры в кризисные периоды истории. «Отсутствие святости влечет к торжеству пошлости». Актуализация истории в докладе определялась обращением к нравственным, религиозным проблемам современности, что способствовало включению аудитории в лекционную работу и никого не оставило равнодушным при обсуждении предложенных вопросов.

После окончания лекции состоялось открытие межвузовского форума «Д. С. Лихачев и русская культура». С приветственным словом к участникам форума обратились проректор по непрерывному образованию КемГУ, доктор педагогических наук, профессор, академик МАН ВШ, заслуженный работник ВШ РФ Т. М. Чурекова и проректор по научной работе КемГУКИ, доктор культурологии, профессор Марков В. И.

Руководители форума доктор филологических наук, профессор КемГУ Л. А. Ходанен и кандидат культурологии, доцент КемГУКИ О. Ю. Астахов обозначили основные направления работы:

1. Д. С. Лихачев и русская литература:
 - древнерусская литература и книжность,
 - литература XIX века,
 - литература XX века.
2. Д. С. Лихачев: лингвистическое наследие.
3. Д. С. Лихачев и судьбы русской культуры.

Наибольший интерес вызвали доклады, определившие проблематику форума, Л. А. Ходанен «Поэтика русской литературы в исследованиях Д. С. Лихачева», О. Н. Бахтиной «Проблемы поэтики житийного текста (на примере жития Сергия Радонежского), А. В. Шункова «Литературный этикет Древней Руси и церемониальная культура XVII века (на примере литературного творчества царя Алексея Михайловича)», О. Ю. Астахова «Вопросы стилиобразования в культурно-исторической методологии Д. С. Лихачева», Н. И. Романовой «Книжная культура старообрядчества», Л. А. Араевой «Культурно-философское осмысление современной лингвистики (проблема гипотезы и ее реализация)», Л. В. Оленич «Шестодневное мироощущение и русский национальный пейзаж в России XIX–XX века», И. Ю. Ускова «Д. С. Лихачев и судьбы краеведения (ис-

торическая генеалогия)». В ходе работы межвузовского форума кандидат филологических наук, доцент Э. М. Афанасьева провела презентацию новой научной гуманитарной литературы, изданной в КемГУКИ, КемГУ.

27 мая состоялась открытая лекция доктора филологических наук, профессора, чл.-кор. РАН, директора Института филологии СО РАН (г. Новосибирск) Е. К. Ромодановской «Специфика русской литературы XVII века», в которой были освещены проблемы изучения ранее не известных источников древнерусской литературы, что открывает новые аспекты рассмотрения русской средневековой культуры.

После завершения лекции были подведены итоги работы межвузовской научной недели «Д. С. Лихачев и русская культура». Открытие новых имен, демонстрация новых проектов определили интерес участников к поставленным научно-исследовательским проблемам, связанным с изучением национальной культуры.

Н. Л. Проконова

кандидат искусствоведения, доцент

Кемеровский государственный университет культуры и искусств

СТУДЕНЧЕСКИЕ НАУЧНЫЕ ВСТРЕЧИ В КЕМЕРОВЕ

Студенческие научные форумы служат развитию творческого потенциала студентов, овладению методологией научных исследований. Далеко не в каждом вузе научные форумы становятся традиционным направлением научно-исследовательской работы студентов. В Кемеровском государственном университете культуры и искусств научная студенческая конференция проводится ежегодно на протяжении 36 лет. Необходимо заметить, что конференция не сразу приобрела исключительно научный характер. Многие годы она совмещала в себе не только научные доклады, но и творческие работы, что являлось совершенно естественным для творческого вуза. Однако развитие системы НИР в КемГУКИ, организация научно-исследовательских институтов способствовали возникновению научных студенческих объединений. Их работа создала условия для проведения конференции, программу которой формировали лишь доклады, чем подчеркивался научный характер студенческого форума. В последние несколько лет традиционная научная студенческая конференция КемГУКИ получила новый статус. Студентам разных регионов этот студенческий форум известен как межрегиональная научная студенческая конференция «Культура и искусство: поиски и открытия». Конференция поддерживается Координационным советом по культуре межрегиональной ассоциации «Сибирское соглашение», департаментом науки и профессионального образования Кемеровской области.

Межрегиональная научная студенческая конференция «Культура и искусство: поиски и открытия» имеет свои традиции. Одной из традиций является время ее проведения. Ежегодно весной двери Кемеровского государственного университета культуры и искусств открываются для молодых исследователей, интересующихся проблемами культуры и искусства. На секционных заседаниях обсуждаются проблемы, связанные с информационно-коммуникационными основами развития науки и образования в информационном обществе, философско-мировоззренческими вопросами динамики культуры, развитием искусства в современных условиях. Кроме того, поднимаются актуальные проблемы научных исследований теории и практики социально-культурной и социально-педагогической деятельности. На конференции рассматриваются проблемы историко-культурного наследия и экономические проблемы социальной сферы. Руководство

работой секций осуществляют ведущие ученые Кемеровского государственного университета культуры и искусств. По итогам конференции выявляются лучшие доклады. Победителям вручаются дипломы 1, 2, 3-й степени. По результатам работы этого научного форума издается сборник «Материалы межрегиональной научно-практической студенческой конференции “Культура и искусство: поиски и открытия”».

Наряду с многообразной работой секций порядок работы конференции обязательно сопровождается интересной и насыщенной культурной программой, которая способствует укреплению не только научных, но и дружеских связей между студентами разных регионов.

Е. Н. Лапинкова

заведующая отделом аспирантуры

Кемеровский государственный университет культуры и искусств

ОТ НАУЧНОГО ДОКЛАДА К ЗАЩИТЕ КАНДИДАТСКОЙ ДИССЕРТАЦИИ

В марте 2006 года на базе Кемеровского государственного университета культуры и искусств состоялась межрегиональная научно-практическая конференция аспирантов, соискателей, преподавателей и сотрудников «Актуальные проблемы социокультурных исследований».

В работе конференции приняли участие свыше 80 аспирантов, соискателей, преподавателей вузов, сотрудников учреждений культуры и искусств из г. Кемерово, Томск, Новосибирск, Барнаул, Новокузнецк.

В рамках конференции работало 5 секций по направлениям: философия, культурология, социально-культурная деятельность, музееведение, библиотечные и информационные технологии.

Работу секций возглавляли ведущие ученые, доктора наук университета: Балабанов П. И., Миненко Г. Н., Туев В. В., Кулемзин А. М., Пилко И. С.

На конференции прозвучали доклады по проблемам, связанным с ресурсами и технологиями информационного общества; теорией познания в контексте современного состояния общества; прикладными аспектами, методологией и методами культурологических, музееведческих и социокультурных исследований.

По окончании работы секций участники конференции за лучшие доклады были награждены дипломами и поощрены денежными премиями.

В марте 2006 г. по итогам межвузовской научной конференции аспирантов и соискателей 2005 года вышел первый выпуск сборника «Актуальные проблемы социокультурных исследований», включающий 5 разделов, отражающих основные научные направления вуза. В 2007 г. отдел аспирантуры планирует проведение очередной научной конференции аспирантов и соискателей, ставшей уже традиционной. Первая научная конференция аспирантов и соискателей состоялась в 2002 году и имела статус внутривузовской, однако за последние два года она обрела статус межрегиональной. При обсуждении докладов участники конференции часто сосредотачиваются на проблеме определения теоретико-методологических оснований научных исследований по той или иной теме. Фактически участие в конференциях является способом апробации концептуальной базы диссертационных исследований, которая выпускает как главное условие их подготовки к защите. Выражаем надежду, что с каждым годом научный уровень наших аспирантов и соискателей будет расти и, следовательно, возрастет статус и уровень проводимых нами конференций.

**ПОЛОЖЕНИЕ О ЖУРНАЛЕ
«ВЕСТНИК КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ»
(бумажная и электронная версии)**

1. Общие положения

1.1. Учредителем и издателем журнала «Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств» является Кемеровский государственный университет культуры и искусств (КемГУКИ). Общее руководство изданием журнала осуществляет ректор КемГУКИ.

1.2. Журнал «Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств» имеет профиль общенаучного журнала и публикует материалы по отраслям наук, развиваемым в Кемеровском государственном университете культуры и искусств.

1.3. Бумажная версия журнала имеет установленный объем физических, условных печатных и учетно-издательских листов, формат А 4, периодичность до 2 номеров в год при тираже до 500 экземпляров каждого из них, надлежащее художественно-графическое оформление.

1.4. Электронная версия журнала помещается на сервер КемГУКИ сети Internet.

1.5. Журнал призван активно участвовать в общественной и духовной жизни научного сообщества, пропагандировать достижения российской науки, результаты научных исследований сотрудников КемГУКИ.

1.6. Журнал «Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств» публикует:

- обзоры, освещающие актуальные проблемы науки в мире, в России, в КемГУКИ;
- статьи, содержащие результаты теоретических и экспериментальных исследований, выполненных сотрудниками КемГУКИ в соответствии с планами НИР или в порядке личной инициативы их авторов, а также статьи ведущих специалистов России, стран ближнего и дальнего зарубежья в сфере культуры и искусства;
- материалы о научных конференциях, симпозиумах, чтениях, семинарах, проводимых в КемГУКИ или с его участием как соорганизатора подобных мероприятий;
- мемуарные материалы, раскрывающие историю КемГУКИ, развитие высшего образования в Сибири, Кузбасса, становление научных школ и направлений в КемГУКИ;
- критические и библиографические статьи.

1.7. В дополнение к бумажной версии в электронном варианте журнала могут помещаться:

а) полные тексты больших по объему статей, которые не могут быть опубликованы в бумажном варианте из-за ограниченности его объема и расширенные аннотации которых публикуются в бумажном варианте;

б) полные тексты статей, представляющих интерес для узкого круга читателей с публикацией их расширенных аннотаций в бумажном варианте;

в) полные тексты статей с математическими выкладками, многочисленными примерами, поясняющими основные положения статей, описание которых не публикуется в бумажном варианте журнала;

г) полные тексты статей и иных материалов на персональных (домашних) страницах электронного журнала.

1.8. В журнале публикуются материалы:

- докторов, кандидатов наук, профессоров, доцентов Кемеровского государственного университета культуры и искусств;

- штатных сотрудников, докторантов и аспирантов (очного и заочного обучения), соискателей ученых степеней Кемеровского государственного университета культуры и искусств;

- сотрудников и преподавателей иных научных и образовательных учреждений, в том числе СНГ, ближнего и дальнего зарубежья.

1.9. Порядок приема материалов для публикации в журнале:

а) докторов наук КемГУКИ и штатных профессоров без рецензирования и какого-либо иного представления;

б) всех остальных сотрудников КемГУКИ – по представлению в научную редакцию рекомендации к публикации профессора – доктора наук, либо кафедры, либо НИИ КемГУКИ при обязательном согласовании с редактором научного направления;

в) сотрудников иных научных и образовательных учреждений – по решениям научных редакций при обязательном согласовании этого решения с зам. главного редактора.

1.10. Возложенные на журнал задачи решаются редколлегией, научными редакциями отдельных направлений.

1.11. Вопросы прекращения выпуска журнала, его реорганизации, установления и изменения перспективного и тематического планов, периодичности, объемов и порядка распространения журнала (подписка и розничная продажа бумажного варианта, свободный доступ или подписка на электронный вариант), определения фонда заработной платы и номенклатуры оплачиваемых должностей членов редколлегии, научных редакций отдельных направлений, технической редакции решаются ректором КемГУКИ в установленном трудовым законодательством и Законом РФ «О средствах массовой информации» порядке.

2. Учредитель и издатель журнала – Кемеровский государственный университет культуры и искусств

2.1. Права и обязанности учредителя и издателя журнала возлагаются на ректорат КемГУКИ.

2.2. Ректорат КемГУКИ:

2.2.1. Утверждает Положение о журнале «Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств», вносит дополнения и (или) изменяет его по предложениям членов редколлегии и (или) научных редакций отдельных направлений или (и) в связи с возникшей необходимостью (например, при изменении нормативно-правовой базы и др.).

2.2.2. Утверждает состав редколлегии, в том числе главного редактора (председателя редколлегии) и его заместителя и по представлению главного редактора – ответственного секретаря редколлегии, научных редакторов и ответственных редакторов отдельных направлений. Состав редколлегии пересматривается не реже одного раза в пять лет или по мере возникшей необходимости по представлению главного редактора.

2.2.3. Рассматривает по представлению главного редактора вопросы оплаты работы членов научных и технической редакций, а также их премирования.

2.2.4. Определяет тематическую направленность журнала, содействует редколлегии, научным и технической редакциям в их практической деятельности, принимает меры, способствующие повышению научного уровня, популярности издания и уменьшению финансовых затрат на издание журнала.

2.2.5. Осуществляет постоянный анализ и контроль научного уровня, тематики, актуальности и действенности публикуемых в журнале материалов, периодически заслушивает отчеты о работе научных редакций и осуществляет меры по улучшению их деятельности.

2.2.6. Содействует научным редакциям в организации сотрудничества с научными журналами других вузов региона, России, СНГ и стран ближнего и дальнего зарубежья, в установленном порядке направляет членов редколлегии и научных редакций в командировки, обеспечивает контроль за действенностью такого сотрудничества.

2.2.7. Способствует наиболее полному отражению результатов научных исследований КемГУКИ, координации деятельности научных редакций с редколлегиями и редакторами сборников научных трудов, издаваемых в КемГУКИ.

2.2.8. Оказывает материальную и финансовую помощь редколлегии, научным и технической редакциям в приобретении необходимого оборудования и компьютерных лицензионных программ для издания журнала.

3. Редколлегия журнала

«Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств»

3.1. Редколлегия утверждается ректоратом КемГУКИ и является органом коллективного руководства журнала. В его состав входят:

- главный редактор (председатель редколлегии) – ректор КемГУКИ;
- заместитель главного редактора – проректор по научной работе КемГУКИ;
- ответственный секретарь;
- научные и ответственные редакторы отдельных направлений.

3.2. Работа главного редактора, его заместителя не оплачивается.

3.3. Работа ответственного секретаря, научных редакторов и ответственных редакторов отдельных направлений оплачивается согласно приказу от 15.03.06 № 45/0706 «Об организации работы по подготовке научного издания “Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств”» как материальное поощрение за непосредственное участие в выпуске очередного номера журнала из внебюджетных средств согласно смете.

3.4. Редколлегия строит свою работу в соответствии с установленными задачами по обеспечению определенной тематической направленности журнала, способствует повышению научного уровня журнала, улучшению его художественно-графического оформления и полиграфического исполнения.

3.5. Редколлегия осуществляет перспективное и тематическое планирование и несет ответственность перед ректоратом КемГУКИ за содержание журнала, соответствие тематической направленности отдельных номеров установленным перспективному и тематическому планам.

3.6. Редколлегия утверждает перспективные и годовые тематические планы журнала, рассматривает по представлению научных редакций целесообразную форму публикации поступившего материала, а также другие вопросы, связанные с изданием журнала.

3.7. Редколлегия рассматривает и (или) вносит на утверждение ректората КемГУКИ предложения:

- о содействии в установлении связей журнала с близкими по профилю журналами;
- о повышении рентабельности издания;
- о поощрении в установленном порядке сотрудников редакций за конкретные достижения в научной и организационной работе при выпуске журнала;
- утверждает по представлению научных редакций форму публикации материалов в журнале; при несогласии авторов с предлагаемой формой публикации принимает окончательное решение по этому вопросу и сообщает его авторам и научной редакции;
- утверждает решения научных редакций об открытии персональных (домашних) страниц;
- рассматривает и согласовывает с научными редакциями вопросы по распространению журнала.

3.8. Общие заседания редколлегии проводятся по мере необходимости, но не реже 2-х раз в год при участии не менее двух третей членов редколлегии. Решения редколлегии принимаются открытым голосованием простым большинством голосов от числа присутствующих. Заседания оформляются протоколом.

3.9. Член редколлегии обязан:

- принимать участие во всех мероприятиях редколлегии, связанных с деятельностью журнала;
- отвечать за порученный участок работы: подготовку тематических номеров, подборок, раздела и рубрики, за оформление отдельных номеров;
- выступать по заданию редколлегии на страницах журнала или организовывать представление материалов по соответствующим актуальным научно-исследовательским проблемам.

3.10. Член редколлегии имеет право:

- знакомиться с предлагаемыми к публикации материалами, участвовать в их обсуждении, сообщать свое мнение ректорату КемГУКИ при наличии разногласий между членами редколлегии;
- осуществлять в журнале специальное редактирование и рецензирование поступившего в научные редакции материала в соответствии со своей научной специальностью.

3.11. Работа членов редколлегии из числа профессорско-преподавательского состава КемГУКИ учитывается в индивидуальном плане преподавателя.

4. Главный редактор (председатель редколлегии)

4.1. Руководит работой редколлегии и контролирует работу научных и технической редакций.

4.2. Привлекает в соответствии с действующим законодательством работников, не состоящих в редколлегии, научных и технической редакций для выполнения отдельных заданий по изданию журнала.

4.3. Несет персональную ответственность за содержание журнала, его профессиональный уровень; за сохранность сведений, запрещенных к опубликованию; отвечает за выполнение требований журнально-издательского дела; обязан обеспечить условия для творческой работы коллектива.

4.4. Регулирует использование средств, предусмотренных сметой журнала и действующими нормами и расценками; подписывает документы для начисления зарплаты рецензентам, консультантам и др. привлеченным сотрудникам для работы по изданию журнала.

4.5. В случае разногласий между членами редколлегии или научными редакциями принимает окончательное решение по обсуждаемому вопросу.

4.6. Представляет редколлегию журнала в государственных органах, учреждениях и общественных организациях или делегирует такое представительство членам редколлегии и научных редакций.

5. Научные редакции

5.1. Научные редакции по направлениям руководствуются в своей работе действующим законодательством, решениями и указаниями Федерального агентства по культуре и кинематографии РФ, Госкомпечати РФ, решениями редколлегии журнала, ученого совета и ректората университета.

5.2. Научные редакции формируются из научных сотрудников и из профессорско-преподавательского состава КемГУКИ, обладающих глубокими специальными научными знаниями, необходимыми для успешного выполнения возложенных на журнал задач, и профессиональным мастерством. Составы научных редакций утверждаются главным редактором и указываются в номерах журнала (в его бумажной и электронной версиях), подготавливаемых с участием этих редакций.

5.3. Научные редакции опираются в своей работе на широкий авторский актив из сотрудников КемГУКИ.

5.4. Научные редакции формируют содержание конкретных номеров журнала и совместно с технической редакцией ведут непосредственную подготовку номеров журнала к выпуску.

5.5. Научные редакции:

- организуют работу с авторами и читателями в соответствии с тематическими и перспективными планами редколлегии;

- обеспечивают высокий профессиональный уровень публикаций;

- организуют в возможно короткие сроки рецензирование (в необходимых случаях – закрытое) рукописей; в отдельных случаях, когда для оценки материалов будет требоваться привлечение специалистов из других вузов, – в срок не более трех месяцев со дня поступления материалов в редакцию;

- принимают решения об открытии персональных страниц в электронной версии журнала и учитывают помещаемый на этих страницах материал; ответственность за качество подобных материалов полностью возлагается на владельцев этих страниц. При несогласии научных редакций с помещаемым на персональных страницах материалом мнение научных редакций может быть выражено в сопроводительной статье, помещаемой на тех же персональных страницах, что и публикуемый материал;

- обеспечивают научное редактирование рукописей, своевременную их подготовку и передачу технической редакции для публикации.

Публикация материалов авторов при возникновении разногласий между авторами и научной редакцией может сопровождаться примечанием «Печатается в дискуссионном порядке».

5.6. Научные редакции:

- используют в своей работе письма, критические сигналы, замечания и предложения читателей; систематически информируют читателей о результатах рассмотрения этих материалов и мерах, принимаемых по выступлениям журнала;

- проводят читательские конференции и другие мероприятия, направленные на укрепление связей журнала с авторами и читателями.

5.7. Научные редакции:

- ведут учет поступающей корреспонденции, отвечают в установленные сроки на письма читателей, авторам статей и других материалов, представленных для публикации;

- несут совместно с членом редколлегии, отвечающим за соответствующий раздел журнала, ответственность за компетентность оценки, данной рецензентом поступившему в редакцию материалу;

- решают совместно с редколlegией вопросы оплаты работы рецензентов из других организаций.

5.8. Научные редакции:

- осуществляют прием материалов от авторов в соответствии с определяемыми стандартами требованиями, техническими условиями и другими нормативными документами и в соответствии с требованиями технической редакции и типографии;

- неукоснительно соблюдают графики сбора материала, его обработки и передачи для подготовки материала к публикации;

- определяют способ публикации поступивших материалов (публикация в бумажном варианте, депонирование, публикация в электронной версии журнала всего материала с публикацией в бумажной версии журнала аннотации) и сообщают об этом авторам и редколлегии;

- вправе принять или отклонить предложенный автором материал, не направляя его на рецензирование, если качество представленной рукописи и (или) ее оформление не соответствуют научным и издательским требованиям.

5. 9. Научный редактор направления:

- отвечает за формирование портфеля научной редакции на высоком научном уровне в соответствии с перспективным и тематическим планами редколлегии;
- несет ответственность за своевременную подготовку материала к передаче его технической редакции в полном соответствии с ее требованиями;
- подписывает материалы в набор, журнал в печать. При подготовке номера журнала несколькими научными редакциями к печати номер журнала подписывается научными редакторами всех этих редакций. Окончательное решение по этим вопросам принимает главный редактор или его заместитель.

СТРУКТУРА НОМЕРОВ ПЕРИОДИЧЕСКОГО НАУЧНОГО ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ»

РАЗДЕЛ 1 СТАТЬИ И ИССЛЕДОВАНИЯ

Печатаются оригинальные научные статьи, содержащие результаты теоретических и экспериментальных исследований по всем отраслям науки, выполненных сотрудниками КемГУКИ в соответствии с планами НИР или в порядке личной инициативы.

Рубрики этого раздела определяются научными редакциями, отвечающими за выпуск конкретного номера журнала. Научные направления, представленные в журнале:

- социально-культурная деятельность;
- философия;
- музыкальное искусство;
- сценическое искусство;
- экономика и менеджмент социальной сферы;
- филологические науки;
- дизайн и реклама;
- охрана памятников и музейная деятельность;
- психолого-педагогическая деятельность;
- социально-педагогическая деятельность;
- информационно-библиотечная деятельность;
- культурология;
- режиссура театрализованных представлений;
- искусствоведение.

Полный перечень разделов не является обязательным для каждого номера журнала. Структура каждого выпуска определяется наличием подготовленного к печати материала по каждому научному направлению по согласованию с редколлегией журнала.

РАЗДЕЛ 2 НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ УНИВЕРСИТЕТА

Данный раздел составляют материалы, освещающие научную жизнь КемГУКИ, информация о различных мероприятиях, хроника различных событий и мероприятий, проводимых в КемГУКИ; материалы научных конференций, симпозиумов, чтений и семинаров, проводимых в КемГУКИ или с его участием как организатора подобных мероприятий. Также в раздел помещаются обзоры научной литературы, рецензии на науч-

ные исследования, проводимые как в КемГУКИ, так и в других вузах под руководством сотрудников КемГУКИ, библиографические материалы по научной литературе. Также печатаются мемуарные материалы по истории КемГУКИ, развитию высшего образования в Сибири, Кузбассе, становлению научных школ и направлений в КемГУКИ.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ ДЛЯ ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ»

1. Технические параметры печати статей

Поля: верхнее – 1,5; нижнее – 2; левое – 3; правое – 1. **Размер бумаги:** А 4 210X297, ориентация книжная. **Отступы и интервалы.** Отступ: все показатели – 5 знаков. Межстрочный интервал: 1,5. Команда «Перенос слов» – не устанавливается. **Шрифт:** Times New Roman Cyr. **Размер шрифта 14.**

2. Правила печати текста статьи

1. Печатается УДК.
2. Без пропуска строки печатаются инициалы и фамилии авторов. Выровнять по центру. РШ – 12 курсив.
3. Пропускается одна строка.
4. Печатается прописными буквами название статьи. Выровнять по центру. РШ – 12 полужирный.
5. Пропускается одна строка.
6. Печатается текст статьи.
7. Ссылки на литературу в виде списка литературы в конце статьи.
8. Оформление списка литературы в конце статьи:
 - а) пропускается одна строка;
 - б) печатается слово «Литература». Выровнять по центру. РШ – 8;
 - в) пропускается одна строка;
 - г) сам список. Литература включается в список в порядке цитирования или упоминания. Описание ссылок должно соответствовать ГОСТу.
9. После списка литературы пропускается строка.
10. Печатается текст: «Статья представлена (полное наименование кафедры, лаборатории, факультета) Кемеровского государственного университета культуры и искусств, поступила в научную редакцию (дата полностью)».
11. Таблицы, математические формулы набираются штатными средствами Word.
12. К статье прилагается анкета автора (авторов): Ф. И. О. Ученое звание. Ученая степень. Должность, кафедра, факультет, вуз. Академические и почетные звания. Адрес (почтовый, электронный).

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
ПАМЯТИ АКАДЕМИКА Д. С. ЛИХАЧЕВА	
<i>Шунков А. В.</i> Академик Д. С. Лихачев.....	5
<i>Триодин В. Е.</i> СКД в зеркале творческого наследия Д. С. Лихачева.....	9
ФИЛОЛОГИЯ	
<i>Ходанен Л. А.</i> Новгородские мотивы и миф о Софии в поэзии А. И. Одоевского.....	20
<i>Бологова М. А.</i> Улисс московских предместий: одиссея А. Эппеля и мир Джойса-Гомера в книге «Шампиньон моей жизни».....	30
<i>Мироненко Е. А.</i> Об одном мотивном комплексе в прозе Ч. Айтматова: фольклорные истоки.....	35
<i>Шунков А. В.</i> Литературный этикет древней Руси и церемониальная культура XVII века.....	39
<i>Сермягина С. С.</i> Роль образных средств в моделировании подтекста художественного произведения (повесть М. А. Булгакова «Собачье сердце»).....	45
СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ	
<i>Орлов О. Л.</i> Российский праздник как феномен культуры.....	54
<i>Тувев В. В.</i> Клубные досуги А. С. Пушкина.....	68
КУЛЬТУРОЛОГИЯ	
<i>Иконникова С. Н.</i> Аналитические перспективы культурологического образования.....	79
<i>Романова Н. И.</i> Книжная культура старообрядчества.....	82
<i>Филин Д. А.</i> Византийское монашество и кризис империи рубежа XII–XIII вв.....	91
ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА	
<i>Казаневская В. В.</i> Категория «Детерминация» в психологии личности.....	100
<i>Мирошниченко Л. В.</i> Взаимодействие студента и педагога в образовательном процессе: новые проблемы и тенденции.....	104
<i>Ильина Н. А.</i> Психологическая наука: на пути к целостному образу человека.....	108
<i>Фирер Н. Д.</i> Некоторые аспекты профессиональной подготовки студентов педагогических вузов.....	116
МУЗЫКАЛЬНОЕ ИСКУССТВО	
<i>Леонова Н. В.</i> Частушка в контексте возвышенного и земного.....	121
<i>Панкина Е. В.</i> Жанровая специфика фроттолы.....	126
<i>Гусева О. В.</i> Инструментальное творчество композиторов Кузбасса: художественная ценность и социально-культурная значимость.....	132
<i>Рябчевская Ж. А.</i> Музыкальная культура в условиях бинарного и тернарного типа социокультурной динамики.....	139
РЕЖИССУРА ТЕАТРАЛИЗОВАННЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ	
<i>Черняк Е. Ф.</i> Формирование имиджа вузов культуры и искусств.....	146
ДИЗАЙН И РЕКЛАМА	
<i>Сорокин А. В.</i> Легенда о креативе. Технологии производства идей в рекламе.....	151
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ УНИВЕРСИТЕТА	
<i>Кудрина Е. Л., Курочкин И. Л., Волощенко Г. Г.</i> ТУЕВ ВИКТОР ВЛАДИМИРОВИЧ (к 70-летию со дня рождения).....	157
<i>Тувев В. В.</i> Разговор с ректором В. С. Брюховым. Совпадения.....	160
<i>Астахов О. Ю.</i> Межвузовская научная неделя «Д. С. Лихачев и русская культура».....	168
<i>Проконова Н. Л.</i> Студенческие научные встречи в Кемерове.....	170
<i>Лапинкова Е. Н.</i> От научного доклада к защите кандидатской диссертации.....	171
Положение о журнале «Вестник КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ».....	172

Научное издание

**ВЕСТНИК
КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ**

ЖУРНАЛ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ И ПРИКЛАДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

№ 1

Редактор

В. А. Шамарданов

Дизайн обложки

Г. С. Елисеенков

Компьютерная верстка

М. Б. Сорокиной

Подписано к печати 29.01.07. Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс».
Отпечатано на ризографе. Уч.-изд. л. 15,4. Тираж 100 экз. Заказ № 160.

Издательство КемГУКИ: 650029, г. Кемерово,
ул. Ворошилова, 19. Тел. 73-45-83.